

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК,
НАШЕДШИЙ
СВОЁ ЛИЦО

Александр Романович Беляев

Человек, нашедший своё лицо

Аннотация

«Снежная равнина. Истомленные собаки тянут нарты. Собак погоняет каюр, но и он спотыкается от усталости. На нартах лежит человек, бессильно свесив голову. Каюр падает. Собаки останавливаются и, как по команде, ложатся на снег.

Рядом со снежной равниной растут кактусы. В тени зеленых каштанов по тротуару идет маленький человек, почти карлик, в отлично сшитом летнем фланелевом костюме и шляпе-панаме с широкими полями. Он не может не видеть драмы в снежной пустыне, но равнодушно проходит мимо...»

Содержание

Часть I	5
Драма Мейстерзингера	5
Убийственный смех	22
Твой нос – твоё богатство	29
Чародей Цорн	35
Новый пациент	42
На новоселье	44
Не меняйте своего лица!	49
Трудный случай в практике	56
Всё течёт...	62
Гормоны, гипофизы...	66
Кошунственный поступок	77
Чудо перевоплощения	83
Злоумышленник	90
Снова отвергнутый	96
Это наш нос, а не ваш	104
За счёт былой славы	111
Кража со взломом	115
Необычный судебный процесс	120
Прощальный ужин	127
Жертвы «колдовства»	134
Мышеловка	139
Часть II	147

У Изумрудного озера	147
Сторож-ученый	153
Эврика	165
Загадочная находка	173
Знаменательный день	179
Опять дома	192
Новый Санчо Панса	198
Борьба начинается	207
Потерянный поклонник	213
Эллен начинает новую жизнь	220
Неожиданный успех	225
Новое лицо престо проявляется	232
Верный друг до чёрного дня	236
Флёр д'Оранж	241
Статисты на авансцене	249
Неожиданный удар	254
Судьба фильма решается	257
Триумф	262
Это та...	267
Последний удар	271

Беляев Александр

Человек, нашедший своё лицо

Часть I

Драма Мейстерзингера

Снежная равнина. Истомленные собаки тянут нарты. Собак погоняет каюр, но и он спотыкается от усталости. На нартах лежит человек, бессильно свесив голову. Каюр падает. Собаки останавливаются и, как по команде, ложатся на снег.

Рядом со снежной равниной растут кактусы. В тени зеленых каштанов по тротуару идет маленький человек, почти карлик, в отлично сшитом летнем фланелевом костюме и шляпе-панаме с широкими полями. Он не может не видеть драмы в снежной пустыне, но равнодушно проходит мимо.

Снежная равнина кончилась. Пустырь. За ним пески, пальмы, оазис. Здесь тоже происходит какая-то драма. Бедуин-наездник подхватывает красивую девушку в европейском костюме, перекидывает через седло и пускает в карьер своего скакуна. Девушка кричит, простирает руки, бьется.

Несколько европейцев бросаются к лошадям и пускаются в погоню...

Маленький человек рассеянным взглядом окидывает оазис, бедуина, погоню и шагает дальше, комично выбрасывая ноги вперед.

За пустыней – набережная. Идет погрузка большого океанского парохода. Дымят четыре низких, наклоненных назад трубы. Завывает сирена. На сходнях подымается свалка. Кого-то поймали. Кто-то вырывается, падает вниз.

Снова пустырь. За ним скалы. Гордо возвышается средневековый замок, окруженный валами, рвами, наполненными водой. На подъемном мосту рыцарь, подъехавший к замку. Он требует, чтобы ему открыли ворота. На башнях стоят люди. Вдруг подъемный мост начинает подниматься. Испуганная лошадь мечется, пытается спрыгнуть с моста...

Не досмотрев, удастся ли ей это, или же она вместе со всадником попадет в ловушку, маленький человек отводит взгляд и со скучающим видом ворчит себе под нос:

– Везде и всюду одно и то же... Тоска!

И он еще выше подбрасывает ноги, шагая по гладкому тротуару.

Здесь же, по асфальтовой дороге, течет непрерывный поток автомобилей, белых, синих, голубых, золотистых, как жужелица, блестящих лимузинов последней модели и стареньких «Фордов». Люди, которые едут в автомобилях и идут по тротуарам, с таким же равнодушием смотрят на

снежные пустыни, оазисы, океанские пароходы, средневековые замки, как и маленький человек.

Их гораздо больше интересует сам маленький человек. К нему поворачиваются все головы идущих и едущих. Завидев маленького человека, люди многозначительно переглядываются. И на их лицах появляются улыбки, а в глазах – величайший интерес, какой бывает лишь у посетителей зоопарка, когда они видят необычайно экзотическое животное. И вместе с тем люди проявляют к маленькому человеку почтительное уважение. Знакомые незаметно толкают друг друга локтем и тихо говорят:

– Смотри! Престо! Антонио Престо!

– Да, как мало весит и как много стоит!

– Говорят, его капитал равняется ста миллионам долларов.

– Больше трехсот.

– А ведь он еще так молод, счастливец!

– Почему он не в автомобиле? Ведь у него одна из лучших машин в мире. По особому заказу.

– Это его обычная утренняя прогулка. Автомобиль следует за ним.

А маленький человек продолжает спокойно идти вперед, стараясь ничем не отличаться от других, не обращать на себя внимания. Но это ему удастся не лучше, чем слону, который шествует среди толпы зевак. Необычна его фигура, необычны жесты, мимика. Каждое его движение вызыва-

ет улыбку, смех. Весь он – живое олицетворение смешного. Еще ребенком он вызывал смех у окружающих. Он мог быть весел, грустен, задумчив, мог сердиться и негодовать – результат был один: люди смеялись. Сначала это раздражало его, но впоследствии он привык. Что же делать? Такова его внешность.

Он был почти карликом, имел непомерно длинное туловище, короткие ноги, длинные руки взрослого человека, достигающие колен. Его большая голова, широкая в верхней части и узкая в нижней, сохранила черты детского строения. Особенно смешон был его мясистый нос, глубоко запавший в переносице. Кончик носа загибался вверх, как турецкая туфля. Этот нос обладал необычайной подвижностью, отчетливо ежеминутно менялось не только выражение, но и вся форма лица. Престо был подлинным, законченным уродом, но в его уродстве не было ничего отталкивающего. Наоборот, оно возбуждало симпатию. В его больших живых карих глазах светились доброта и ум. Это было единственное исключительное в своем роде произведение природы.

Антонио Престо шел с невозмутимым видом среди смеющейся толпы, комично выкидывая вперед свои короткие ноги.

Он свернул налево в кипарисовую аллею, которая вела к большому саду. В саду, посредине эвкалиптовой рощи, стояла китайская беседка. Престо вошел в нее и оказался в кабине лифта. Лифт среди сада мог бы вызвать удивление у вся-

кого непосвященного, но Престо был хорошо знаком с этим странным сооружением. Кивнув головой в ответ на приветствие мальчика, обслуживающего лифт, Престо бросил короткое приказание:

– На дно!

При этом он сделал такой выразительный жест рукой, будто хотел проткнуть землю до самой преисподней. Это было так смешно, что мальчик засмеялся. Престо грозно посмотрел на него. От его взгляда мальчик засмеялся еще громче.

– Простите, мистер, но я не могу, право же не могу... – оправдывался мальчик.

Престо со вздохом махнул рукой.

– Ладно, Джон, не оправдывайся. Ты в этом виноват не больше, чем я. Мистер Питч приехал? – спросил он у мальчика.

– Двадцать минут тому назад.

– Мисс Гедда Люкс?

– Нет еще.

– Ну, разумеется, – сказал с неудовольствием Престо. И нос его неожиданно зашевелился, как маленький хобот.

Мальчик снова не удержался и взвизгнул от смеха. Хорошо, что в этот момент лифт остановился, а то Престо рассердился бы на него.

Антонио выскочил из кабины, прошел широкий коридор и оказался в большой круглой комнате, освещенной сильными фонарями. После горячего, несмотря на утренний час,

солнца здесь было прохладно, и Престо вздохнул с облегчением. Он быстро пересек круглую комнату и открыл дверь в соседнее помещение. Как будто «машина времени» сразу перенесла его из двадцатого века в немецкое Средневековье.

Перед ним был огромный зал, потолок которого замыкался вверху узкими сводами. Узкие и высокие окна и дверки, узкие и высокие стулья. Через окно падал свет, оставляя на широких каменных плитах пола четкий рисунок готического оконного переплета. Престо вошел в полосу света и остановился. Среди этой высокой и узкой мебели фигура его казалась особенно мала, неуклюжа, нелепа. И это было не случайно: в таком контрасте был строго продуманный расчет режиссера.

Старый немецкий замок был сделан из фанеры, клея, холста и красок по чертежам, этюдам и макетам выдающегося архитектора, который мог с честью строить настоящие замки и дворцы. Но мистер Питч – «Питч и К°», – владелец киностудии, платил архитектору гораздо больше, чем могли бы уплатить ему титулованные особы за постройку настоящих замков, и архитектор предпочитал строить бутафорские замки из холста и фанеры.

В средневековом замке, вернее в углу зала и за его фанерными стенами, шла суета. Рабочие, маляры, художники и плотники под руководством самого архитектора заканчивали установку декораций. Необходимая мебель – настоящая, а не бутафорская – уже стояла в «замке». Инженер-электрик и

его помощник возились с юпитерами – огромными лампами во много тысяч свечей каждая. Главное в кинофильме – свет. Немудрено, что он составляет основную заботу постановщиков. Мистер «Питч и К^о» могли позволить себе такую роскошь: устроить огромный павильон под землей, чтобы яркое калифорнийское солнце не мешало эффектам искусственного освещения при павильонных съемках.

Из-за декораций выглядывали статисты и статистки, уже наряженные в средневековые костюмы и загримированные. Все они с любопытством, почтением и в то же время с невольной улыбкой смотрели на молодого человека, стоящего в «солнечном» луче посередине залы. Статисты шептались:

– Сам...

– Антонио Престо...

– Боже, какой смешной! Он даже в жизни не может постоять спокойно ни одной минуты.

Да, это был «сам» – Антонио Престо, неподражаемый комический артист, затмивший славу былых корифеев экрана: Чаплиных, Китонов, Бэнксов. Его артистический псевдоним чрезвычайно метко определял его стремительную сущность¹. Престо ни секунды не оставался спокойным. Двигались его руки, его ноги, его туловище, его голова и его неподражаемый нос.

Трудно было объяснить, почему каждый его жест возбуждает такой неудержимый смех. Но противиться этому смеху

---

¹ *Presto* – быстро.

никто не мог. Даже известная красавица леди Трайн не могла удержаться от смеха, хотя, как утверждают все знавшие ее, она не смеялась никогда в жизни, скрывая свои неровные зубы. По мнению американской критики, смех леди Трайн был высшей победой гениального американского комика.

Свой природный дар Престо удесятирил очень своеобразной манерой играть. Престо любил играть трагические роли. Для него специально писались сценарии по трагедиям Шекспира, Шиллера, даже Софокла... Тонио – Отелло, Манфред, Эдип... Это было бы профанацией, если бы Престо не играл своих трагических ролей с подкупающей искренностью и глубоким чувством.

Комизм Бэстера Китона заключался в противоречии его «трагической», неподвижной маски лица с комичностью положений. Комизм Тонио Престо был в противоречии и положений, и обстановки, и даже его собственных внутренних переживаний с его невозможной нелепой, немислимой фигурой, с его жестами паяца. Быть может, никогда еще комическое не поднималось до таких высот, почти соприкасаясь с трагическим. Но зрители этого не замечали.

Только один человек, крупный европейский писатель и оригинальный мыслитель, на вопрос американского журналиста о том, как ему нравится игра Антонио Престо, ответил: «Престо страшен в своем безнадежном бунте». Но ведь это сказал не американец, притом он сказал фразу, которую даже трудно понять. О каком бунте, о бунте против кого говорил

писатель? И об этой фразе скоро забыли. Только Антонио Престо бережно сохранил в памяти этот отзыв иностранца, которому удалось заглянуть в его душу. Это был бунт обделенного природой уроды, который стремился к полноценной человеческой жизни. Трагическая в своей безнадежности борьба.

Но и право играть трагедии досталось ему нелегко. В первые годы его заставляли выступать только в шутовских ролях, ломаться, кривляться, получать пинки и падать на потеху зрителей. В его дневнике имелись такие записи:

«12 марта.

Вчера вечером прочитал новый сценарий. Он возмутил меня. Дурацкий сценарий, а для меня – дурацкая роль.

Сегодня зашел к нашему директору, говорю:

– Глупее ваш сценарный департамент не мог придумать сценария? Когда же это кончится?

– Когда публика поузмнеет и ей перестанут нравиться такие картины. Они дают доллары, и это все, – ответил он.

Опять доллары! Все для них!

– Но вы сами развращаете зрителей, портите их вкус подобной пошлостью! – воскликнул я.

– Если у вас такая точка зрения, вам лучше не сниматься для экрана, а поступить воспитателем в пансион благородных девиц. У нас коммерческое, а не педагогическое предприятие. Пора вам это понять, – спокойно возразил директор.

Можно ли было продолжать разговор с таким человеком? Я ушел от него взбешенный. В ярости бессилия, в это утро я умышленно переигрывал, утрировал самого себя, гаерствовал, валял дурака. Натe! получайте, если вам только это надо! В то же время думал: неужели режиссер не остановит мои клоунады? Но он не остановил. Он был доволен! А в перерыве ко мне подошел директор, который, как оказалось, следил за моей игрой, хлопнул по плечу и сказал:

– Вижу, что вы одумались. Давно бы так. Вы играли сегодня, как никогда. Фильм будет иметь колоссальный успех. Мы отлично заработаем!

Я готов был броситься и задушить этого человека или завывать, как собака.

Но что я могу сделать? Куда бежать? Бросить искусство? Покончить с собой?.. Придя домой, три часа играл на скрипке – это успокаивает меня – и думал, ища выхода, но ничего не придумал. Стена...»

Только когда он достиг мировой известности, киноторгаши принуждены были согласиться с капризами – «причудами» – Престо и с неохотой допустили его играть трагические роли. Впрочем, они успокоились, когда увидели, что у Престо «трагедии выходят смешней комедий».

– Гофман, Гофман! Вы находите, что свет дан под хорошим углом? – спросил Антонио у оператора.

Оператор Гофман, флегматичный толстяк в клетчатом костюме, внимательно посмотрел в визир аппарата. Свет па-

дал так на лицо Престо, что впадина носа недостаточно ярко обозначилась тенью.

– Да, свет падает слишком отвесно. Опустите софит инесите юпитер немного влево.

– Есть! – ответил рабочий, как отвечают на корабле.

Резкая тень пала на «седло» носа Антонио, отчего лицо сделалось еще более смешным. В луче этого света у окна должна была произойти сцена трагического объяснения неудачного любовника – которого играл Престо, – бедного мастерзингера, с златокудрой дочерью короля. Роль королевны исполняла звезда американского экрана Гедда Люкс.

Тонио Престо обычно сам режиссировал фильмы, в которых участвовал. И на этот раз до приезда Гедды Люкс он начал проходить со статистами некоторые массовые сцены. Одна молодая, неопытная статистка прошла по сцене не так, как следовало. Престо простонал и попросил ее пройти еще раз. Опять не так. Престо замахал руками, как ветряная мельница, и закричал очень тонким, детским голосом:

– Неужели это так трудно – ходить по полу? Я вам сейчас покажу, как это делается.

И, соскочив с своего помоста, Престо показал. Показал он очень наглядно и верно. Все поняли, что требуется. Но вместе с тем это было так смешно, что статисты не удержались и громко засмеялись. Престо начал сердиться. А когда он сердился, то был смешон, как никогда. Смех статистов сделался гомерическим. Бароны и рыцари хватались за животы и

едва не падали на пол, придворные дамы смеялись до слез и портили себе грим. У короля слетел парик. Престо смотрел на это стихийное бедствие, произведенное его необычайным дарованием, потом вдруг топнул ногой, схватился за голову, побежал и забился за кулисы. Успокоившись, он вернулся в «замок» побледневшим и сказал:

– Я буду отдавать приказания из-за экрана.

Репетиция продолжалась. Все его замечания были очень толковы и обличали в нем талант и большой режиссерский опыт.

– Мисс Гедда Люкс приехала! – возвестил помощник режиссера.

Престо передал бразды правления помощнику и отправился одеваться и гримироваться.

Через двадцать минут он вышел в ателье уже в костюме мейстерзингера. Костюм и грим не могли скрыть его уродства. О, как он был смешон! Статисты с трудом удерживали смех и отводили глаза в сторону.

– Но где же Люкс? – нетерпеливо спросил Тонио.

Партнерша заставила себя ожидать. Для всякой другой артистки это не прошло бы даром, но Люкс могла позволить себе такую вольность.

Наконец она явилась, и ее появление произвело, как всегда, большой эффект. Красота этой женщины была необычайна. Природа как будто накапливала по мелочам сотни лет все, что может очаровывать людей, копила по крохам, делала

отбор у прабабушек, чтобы, наконец, вдруг собрать воедино весь блистательный арсенал красоты и женского очарования.

У Антонио Престо нервно зашевелился тифлеобразный нос, когда он посмотрел на Люкс. И все, начиная от первых артистов и кончая последним плотником, устремили свои глаза на Гедду. Статистки смотрели на нее почти с благоговейным обожанием.

Нос Престо приходил все в большее движение, как будто он вынюхивал воздух.

– Свет! – крикнул Престо тонким голосом, ставшим от волнения еще пронзительней и тоньше.

Целый океан света разлился по ателье. Казалось, будто Гедда Люкс принесла его с собой. Ее псевдоним так же хорошо шел к ней, как «Престо» – к ее партнеру².

Перед съемкой Престо решил прорепетировать главный кадр – объяснение мейстерзингера с дочерью короля.

Люкс уселась в высокое кресло у окна, поставила ногу в расшитой золотом тифельке на резную скамеечку и взяла в руки шитье. У ног ее улегся великолепный дог тигровой масти. А в почтительном расстоянии от Люкс стал Престо и под аккомпанемент лютни начал декламировать поэму о любви бедного певца к благородной даме. Дочь короля не смотрит на него. Она все ниже склоняет голову и чему-то улыбается. Быть может, в этот момент она думает о прекрасном рыцаре, который на последнем турнире победил всех соперников

---

² *Lux* – свет.

во славу ее красоты и был удостоен ее небесной улыбки. Но мастерзингер понимает эту улыбку по-своему – не даром он поэт.

Он приближается к ней, он поет все более страстно, потом падает перед нею на колени и начинает говорить о своей любви.

Неслыханная дерзость! Невероятное оскорбление! Ужасное преступление! Королевна, не поднимая головы от шитья, хмурится. Глаза ее мечут искры, она топает маленькой ножкой в золоченой туфельке по резной скамеечке, зовет слуг и приказывает увести дерзкого поэта. Входят слуги, хватают мастерзингера и уводят в тюрьму. Мастерзингер знает, что его ожидают пытки и казнь, но он не жалеет о том, что сделал, и посылает своей возлюбленной последний взгляд, исполненный любви и преданности. Он охотно примет смерть.

Сцена прошла прекрасно. Престо удовлетворен.

– Можно снимать, – говорит он Гофману.

Оператор уже стоит у аппарата. Всю сцену он наблюдал через визирное стеклышко. Престо вновь становится у кресла Люкс.

Ручка аппарата завертелась. Сцена повторялась безукоризненно. Мастерзингер поет, королевна наклоняет свое лицо все ниже и чему-то улыбается. Мастерзингер подходит к королевне, бросается на колени и начинает под музыку свою страстную речь. Престо увлечен. Он не только играет жестами и богатой мимикой своего подвижного лица. Он го-

ворит и шепчет страстные признания с такой искренностью и силой, что Люкс, забывая десятки раз проделанную последовательность движений и жестов, чуть-чуть приподнимает голову и с некоторым удивлением взглядывает на своего партнера одними уголками глаз.

И в этот момент происходит нечто, не предусмотренное ни сценарием, ни режиссером.

Престо, коротконогий, большеголовый, со своим туплеобразным, подвижным носом, признается в любви! Это показалось Гедде Люкс столь несообразным, нелепым, комичным, невозможным, что она вдруг засмеялась неудержимым смехом.

Это был смех, который охватывает вдруг человека, как приступ страшной болезни, и держит, не выпуская из своих рук, потрясая тело в судорожном напряжении, обессиливая, вызывая слезы на глазах. Люкс смеялась так, как не смеялась никогда в жизни. Она едва успевала переводить дыхание и снова заливалась бесконечным серебристым смехом. Вышивание выпало у нее из рук, одна из золотистых кос спустилась до пола. Встревоженный дог вскочил и с недоумением смотрел на свою хозяйку. Растерянный Престо также поднялся на ноги и, мрачно сдвинув брови, смотрел на Люкс.

Смех так же заразителен, как зевота. Не прошло и минуты, как перекаты смеха уже неслись по всему ателье. Статисты, плотники, монтеры, декораторы, гримеры – все были во власти смеха.

Престо стоял еще несколько секунд, как громом пораженный, потом вдруг поднял руки и с искаженным лицом, сжав кулаки, сделал шаг к Люкс. В эту минуту он был скорее страшен, чем смешон.

Люкс посмотрела на него, и смех ее вдруг оборвался. И так же внезапно замолк смех во всем ателье. Оркестр давно прекратил игру, так как у смеявшихся музыкантов смычки выпали из рук. И теперь в ателье наступила жуткая тишина.

Эта внезапная тишина как будто привела Престо в чувство. Он медленно опустил руки, медленно повернулся, волоча ноги, дошел до большого дивана и кинулся ничком.

– Простите, Престо, – вдруг сказала Люкс, нарушив тишину. – Я вела себя как девочка, и из-за моего глупого смеха испорчено столько пленки.

Престо скрипнул зубами. Она думает только об испорченной пленке!

– Вы напрасно извиняетесь, – вместо Престо ответил ей Гофман. – Я нарочно не прекращал съемки и совсем не считаю пленку испорченной. С моей точки зрения, этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет никаких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание – разве для влюбленного он не ужаснее самых страшных мук? Разве этот смех не превратил на один момент любовь мейстерзингера в жгучую ненависть? О, я знаю нашу американскую публику, публика будет смеяться, как никогда. Эти вы-

пученные глаза мейстерзингера, раскрытый рот... Вы не сердитесь, Престо, но еще никогда вы не были так эффектны. И если бы я не видел вас каждый день, то не смог бы вертеть ручку аппарата.

Престо поднялся и сел на диван.

– Да, вы правы, Гофман, – сказал он медленно и глухо. – Это вышло великолепно. Наши американцы подохнут со смеху.

И вдруг, чего еще никогда не было, сам Тонио Престо засмеялся сухим, трескучим смехом, обнажив ряд мелких и редких зубов. В этом смехе было что-то зловещее, и никто не отозвался на него.

Убийственный смех

После этой злополучной съемки Престо сел в автомобиль и, по словам шофера, «загнал машину насмерть».

Неудовлетворенность, обида на жизнь, возмущение несправедливостью природы, оскорбленное самолюбие, терзания неудовлетворенной любви – все, что накапливалось в его душе годами, словно прорвалось в страшном извержении. В бешеной езде он хотел найти успокоение, словно хотел убежать от самого себя.

– Вперед! Вперед! – кричал Престо и требовал, чтобы шофер дал полную скорость. И они мчались по дорогам, как преступники, за которыми гонится полиция. А за ними и в самом деле гнались. Пролетая мимо ферм, они давили гусей и уток, шествующих с соседнего пруда, и обозленные фермеры гнались за ними с палками, но, конечно, не могли догнать. Два раза за автомобилем погнались на мотоциклетах полицейские, так как автомобиль мчался с недопустимой скоростью и не желал остановиться, несмотря на энергичные требования полицейских. Однако полицейским мотоциклам невозможно было угнаться за автомобилем Престо. Это была одна из лучших во всей стране, сильнейших машин, сделанная по особому заказу Тонио. Он любил скорость во всем.

В пять часов вечера Престо, пожалев шофера, разрешил сделать остановку у придорожного кабачка и пообедать. Сам

Престо не притронулся ни к чему и только выпил кувшин холодной воды.

И снова началась та же бешеная езда весь вечер и всю ночь. Шофер валился от усталости и, наконец, заявил, что он засыпает на ходу и не ручается, если разобьет машину вместе с седоком.

– Вперед! – крикнул Престо, но потом вдруг поднялся со своего места, отстранил шофера и сам взялся за руль. – Вы можете отдохнуть, – сказал Тонио шоферу. Тот завалился на широкое сиденье автомобиля и тотчас крепко уснул.

А мысли Престо неслись с такой же скоростью, как машина.

– Это надо кончить! Это надо кончить раз навсегда! – шептал Престо.

Когда шофер проснулся, было семь часов утра. Автомобиль стоял у виллы Гедды Люкс.

– Выспались? – ласково спросил Престо шофера. – Я зайду сказать доброе утро мисс Люкс, а вы подождите здесь. Потом мы поедem домой.

Семь часов утра – слишком ранний час для визита, но Тонио знал, что Гедда Люкс встает в шесть. Она вела чрезвычайно регулярный образ жизни по предписанию лучших профессоров-гигиенистов, чтобы на возможно больший срок сохранить обаяние молодости и красоты – свой капитал, на который она получала такие большие проценты.

Люкс уже приняла ванну, покончила с массажем и те-

перь делала легкую гимнастику в большой квадратной комнате, освещенной сверху, через потолок. Среди белых мраморных колонн стояли огромные зеркала, отражавшие Гедду. Во фланелевом утреннем костюме, полосатых шароварах, коротко остриженная и гладко причесанная, она напоминала очаровательного мальчика.

– Тонио? Так рано? – сказала она приветливо, увидав в зеркале приближавшегося к ней сзади Тонио Престо.

И, не прекращая выгибаться, наклоняться и распрямляться, продолжала:

– Садитесь. Сейчас будем пить кофе.

Она не спросила, что привело его в такой ранний час, так как привыкла к странностям Престо.

Тонио подошел к большой, удобной кушетке, присел на край, но тотчас вскочил и заходил большими кругами по комнате.

– Престо, перестаньте ходить, у меня голова кружится, глядя на вас, – сказала Люкс.

– Мне нужно поговорить с вами, – произнес Престо, не прекращая своей круговой прогулки. – По делу, по очень серьезному делу. Но я не могу разговаривать, когда вы раскачиваетесь и приседаете. Прошу вас, сядьте на диван.

Люкс посмотрела на Престо, в несколько прыжков добежала до дивана и уселась с ногами, оставив маленькие туфли на мозаичном полу. Престо подошел к ней и сказал:

– Вот так.

Видимо, он делал невероятные усилия, чтобы сохранить полное спокойствие, держать в повиновении свои руки и ноги, не двигать туфлеобразным носом.

– Гедда Люкс! Мисс Гедда!.. Я не умею говорить... Мне трудно... Я люблю вас и хочу, чтобы вы были моей женой.

Предательский нос его начал подниматься кверху и двигаться. Гедда опустила глаза вниз и, сдерживая поднимающуюся волну смеха, сказала как можно серьезнее и спокойнее:

– Антонио Престо. Но я не люблю вас, вы это знаете. А если нет обоюдной любви, что же может нас объединить? Коммерческий расчет? Он говорит против такого брака. Посудите сами. Мой капитал и мои доходы равняются вашим. Я не нуждаюсь в деньгах, но и не желаю уменьшать свои доходы. А брак с вами понизил бы мой заработок.

Престо дернул головой.

– Каким образом?..

Люкс, продолжая упорно смотреть на пол, ответила:

– Очень просто. Вы знаете, что публика боготворит меня. Вокруг моего имени создан своего рода культ. Для сотен тысяч и миллионов моих зрителей я являюсь идеалом женской красоты и чистоты. Но поклонники требовательны к своему божеству. Их преклонение должно быть оправдано. Толпа зорко следит за малейшими подробностями моей частной жизни. Когда я на экране, последний нищий имеет

право любоваться мною и даже вообразить себя на месте героя, завоевавшего мое сердце. И именно поэтому-то я никому не должна принадлежать. Толпа, пожалуй, примирилась бы еще, если бы я вышла замуж за героя, за мужчину, который получил всеобщее признание как идеал мужской красоты или мужских добродетелей. Достойным мужем для богини может быть только бог или, в крайнем случае, полубог... Если бы толпа узнала, что я вышла замуж за вас, она пришла бы в негодование. Она сочла бы это преступлением с моей стороны, издевательством над самыми лучшими чувствами моих поклонников. Толпа отвернулась бы от меня. А толпа делает успех...

– И деньги...

– И деньги, разумеется. И я не удивилась бы, если бы мистер Питч расторгнул контракт со мною. Я лишилась бы и денег, и славы, и поклонников...

– За сомнительное удовольствие иметь мужем такого уroda, как я, – докончил Престо. – Довольно, мисс Люкс. Я понял вас. Вы правы. – Престо вдруг топнул ногой и тонким детским голосом закричал: – А если этот урод наделен горящим любящим сердцем? Если этот урод требует своего места под солнцем и своей доли счастья?..

Эта неожиданная вспышка заставила Гедду невольно приподнять глаза на Престо. Нос его двигался, как маленький хоботок, кожа на лбу то собиралась в морщины, то растягивалась до блеска, волосы ерошились, уши двигались, руки

походили на поршни паровой машины, работающей на самом скором ходу.

Гедда Люкс уже не могла оторвать своего взора от Престо, и она начала смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче.

Как будто повторялась вчерашняя «сцена у окна» дочери короля с мейстерзингером. Но там все было нарочно – так, по крайней мере, думала Люкс, – а здесь страдания и чувства мейстерзингера были самые настоящие. Гедда понимала всю неуместность и оскорбительность для Тонио ее смеха, но ничего не могла поделать с собой. А Престо как будто даже обрадовался этому смеху.

– Смейтесь! Смейтесь! – кричал он. – Смейтесь так, как вы еще никогда не смеялись! Смейтесь! Страшный уродец Антонио Престо будет вам говорить о своей любви.

И он говорил. Он кривлялся самым невероятным образом. Он пустил в ход весь свой многообразный арсенал ужимок и гримас.

Люкс смеялась все больше, глубже, сильнее. Этот смех уже походил на истерический припадок. Гедда корчилась на диване в припадке смеха и умоляюще смотрела на Престо. На глазах ее были слезы. Прерывающимся от смеха голосом она проговорила с трудом:

– Перестаньте, прошу вас!..

Но Престо был неумолим и неистощим. Люкс задыхалась, обессиленна, почти теряла сознание. Она схватилась руками

за судорожно вздымающуюся от смеха грудь, как человек в жесточайшем припадке астмы...

– Люди беспощадны к безобразию, пусть же и безобразие будет беспощадно к красоте. Моя душа почернела, как черный скорпион, и стала злее злого горбуна, – кричал Престо.

Гедда Люкс поняла, что он хочет убить ее смехом. Глаза Люкс расширились от ужаса. Руки ее тряслись, она теряла сознание.

Собрав всю силу воли, Гедда протянула руку к звонку, стоящему на столике возле дивана, и позвонила. Вошла горничная и увидела, что госпожа ее смеется мелким, захлебывающимся смехом, глядя на Престо. Горничная также посмотрела на него и вдруг схватила себя за бока, как будто ужасные колики сразу огнем прожгли ее внутренности, и, присев на пол, засмеялась неудержимым смехом. Увы, она так же была во власти Тонио, как и ее хозяйка.

К Гедде Люкс никто больше не мог прийти на помощь...

Твой нос – твоё богатство

Гофман сидел в глубоком кожаном кресле и курил трубку, когда в комнату вбежал Престо с воспаленными после бессонной ночи глазами, обветренным лицом и возбужденный более обыкновенного.

– Я ждал вас до трех часов ночи, – сказал Гофман.

Гофман нередко жил по несколько дней на вилле Престо, находящейся недалеко от киностудии мистера «Питча и К^о». Известный кинооператор Гофман был тенью Престо. Он следил за каждым движением, каждым новым поворотом киноартиста, чтобы переносить на пленку самые оригинальные позы и наиболее удачные мимические моменты в игре подвижного лица. Тонио и Гофман были большими друзьями.

– Где вы пропадали? – спросил Гофман, пуская изо рта клубы дыма.

– Я только что от Гедды Люкс. Кажется, я убил ее смехом.

– Это ваша специальность, – не придавая особого значения словам Престо, сказал Гофман.

– Да, да... За грехи отцов я награжден этим проклятием.

– Почему же проклятием, Тонио? Это прекрасный дар. Смех – самая ценная валюта. Так было всегда.

– Да, но чем вызывается этот смех? Можно смешить людей остроумными мыслями, веселыми рассказами. А... Я смешу своим безобразием.

– Леонардо да Винчи сказал, что великое безобразие встречается так же редко, как и великая красота. Он с особенной заботливостью разыскивал всюду людей, отличающихся исключительным безобразием, и зарисовывал их лица в свой альбом. А вы... вы... в сущности, даже не так уж безобразны. Необычайный комизм вызывается не столько вашей внешностью, сколько противоречием величия чувств вашей души с мизерностью телесной оболочки и с этими жестами картонного паяца. Вы прекрасно зарабатываете, пользуетесь колоссальным успехом.

– Вот, вот, это самое. Величие чувств! Ах, Гофман, в этом все мое несчастье. Да, я человек возвышенных чувств, но с телом кретина. Я глубоко несчастен, Гофман. Деньги... слава – все это хорошо, пока добиваешься их. Любовь женщины... Я получаю сотни писем в день от «поклонниц» со всех концов света. Но разве любовь руководит моими корреспондентками? Их привлекает мое богатство, моя слава. Это или сентиментальные старые девы, или продажные душонки, которым надо богатство и которые жаждут проявить свое чванство в роли жены столь знаменитого человека, как я. А вот Гедда Люкс... Сегодня я сделал ей тринадцатое предложение. И она отвергла его... Но теперь довольно. На чертовой дюжине можно остановиться. Самое большое мое горе в том, что я по натуре трагический актер. А принужден быть паяцем. Вы знаете, Гофман, ведь я вкладываю в исполнение своих трагических ролей всю свою душу, а толпа смеется.

Престо подошел к зеркалу и погрозил кулаком собственному отражению.

– О, проклятая рожа!

– Вы великолепны, Тонио! – воскликнул, усмехнувшись, Гофман. – Этот жест – что-то новенькое. Позвольте мне сходить за аппаратом.

Престо обернулся и посмотрел на Гофмана с укором.

– И ты, Брут! Послушайте, Гофман, подождите, не ходите никуда. Побудьте хоть один раз только моим другом, а не кинооператором... Скажите мне, почему такая несправедливость? Имя и фамилию можно поменять, костюм, местожительство можно поменять, а свое лицо никогда. Оно как проклятие лежит на тебе.

– Недосмотр родителей, – ответил Гофман. – Когда будете родиться следующий раз, потребуйте сначала, чтобы родители показали вашу карточку, и если она не будет похожа на херувима – не родитесь.

– Не шутите, Гофман. Для меня это слишком серьезно. Вот из несчастного уродца, голыша, я превратился в миллионера. Но на все мое богатство я не могу купить себе пяти миллиметров, которых не хватает, чтобы придать благообразие хотя бы одному моему носу.

– Почему же не можете? Поезжайте в Париж, там вам сделают операцию. Впрыснут парафин под кожу и сделают из вашей туфли прекрасную грушу дюшес. Или еще лучше – сейчас носы переделывают хирургическим путем. Переса-

живают косточки, кожу. Говорят, в Париже много таких мастерских. На вывеске так и написано: «Принимаю в починку носы. Римские и греческие на пятьдесят процентов дороже».

Тонио покачал головой.

– Нет, это не то. Я знаю одну девушку. В детстве она перенесла какую-то тяжелую болезнь, кажется, дифтерит, после которой у нее запала переносица. Ей не так давно сделали операцию. И надо сказать, что операция мало помогла ей. Нос остался почти таким же безобразным, как и был. При том кожа на переносице выделяется беловатым пятном.

– Может быть, делал плохой хирург. Постойте, да чего лучше? На днях я читал в газете, что, кажется, в Сакраменто живет врач Цорн, который делает настоящие чудеса. Цорн воздействует на какую-то железу, мечевидную или щитовидную – не помню, и еще на железу в мозгу, отчего у человека изменяется не только лицо, но и все тело, прибавляется рост, удлиняются конечности. Впрочем, может быть, все это газетная утка.

– В какой газете вы читали это? – возбужденно спросил Престо.

– Право, уж не помню. В Сакраменто в редакции любой газеты вам сообщат его адрес.

– Гофман, я еду! Еду немедленно. Себастьян! Себастьян! Вошел старый слуга.

– Себастьян, скажи шоферу, чтобы он готовил машину.

– Шофер спит, вы вчера замучили его, – ворчливо сказал

Себастьян.

– Да, правда, пусть спит. Себастьян, вызови такси, укладывай белье и костюмы в чемодан. Я еду.

– Не сумасшествуйте, завтра съемка, – сказал с тревогой Гофман.

– Пусть отложат. Скажите, что я заболел.

– Не теряйте рассудка, Тонио. Ведь если доктор действительно изменит вашу наружность, то вы уже не в состоянии будете окончить роль мейстерзингера в фильме «Любовь и смерть». А вы обязаны сделать это по контракту.

– К черту контракт!

– И вы уплатите неустойку!

– К черту неустойку! Скажите, Гофман, могу я на вас полагаться, как на друга?

Гофман кивнул головой.

– Так вот что, – продолжал, подумав, Престо. – Я не знаю, на сколько времени задержит меня доктор. Если не выйдет дело в Сакраменто, я еду в Париж. На всякий случай я назначаю больше времени, чем может понадобиться: я пробуду в отъезде четыре месяца. Вы давно хотели побывать на Сандвичевых островах. Поезжайте. Отдохните, проветритесь и привезите великолепный видовой фильм. Без аппарата ведь вы существовать не можете. Мою виллу прекрасно сохранит Себастьян. На него вполне можно положиться. Себастьян! Чемодан готов?

– В последний раз говорю вам: одумайтесь, – сказал, вол-

нуясь, Гофман. – Ведь ваш нос – ваше богатство.

– Да где же ты, Себастьян? Ты вызвал по телефону таксомотор?

Чародей Цорн

Газеты не солгали: доктор Цорн существовал. В Сакраменто первый отельный служитель, к которому обратился с вопросом Престо, сообщил его адрес.

– Доктор Цорн! Кто же его не знает! Это настоящий чародей! – ответил лакей.

Престо еще не совсем верил – может быть, лакей подкуплен, и его слова – простая коммерческая реклама, но интерес к Цорну усилился. Тонио позавтракал и, не отдохнув как следует после дороги, потребовал счет. Ему пришлось уплатить за сутки, хотя он только позавтракал в отеле.

Через несколько минут Престо уже ехал в автомобиле по плодородной прерии долины Сакраменто. Шофер уверенно вел машину. Было видно, что он уже не раз отвозил пациентов к доктору Цорну.

С широкой автострады машина повернула вправо на более узкую, но такую же прекрасную гудронированную дорогу. Капли машинного масла и бесчисленные шины залоснили дорогу до металлического блеска, и она сверкала в лучах солнца, как темная река. Характер местности изменился. Река Сакраменто осталась в стороне. Появились небольшие холмы, покрытые рощами, очевидно искусственно посаженные в этой почти безлесной местности, из вечнозеленого дуба, красного дерева, сахарной сосны, кипарисов, оливковых

деревьев. Опушки были покрыты кактусами, вереском, молочаем. Иногда встречались апельсиновые плантации. Горячий воздух приносил запах хвои и полевых цветов.

Когда шофер остановился около колонки, чтобы возобновить запас бензина и освежить пересохшее горло стаканом ледяного оранжада в маленькой придорожной гостинице, Престо вышел из машины. Ему также хотелось пить.

Его, как везде, узнали. Поднялась суета. Улыбающийся хозяин стоял в дверях, кланяясь Тонио, как старому знакомому. Из окон выглядывали женские и детские лица с таким видом, словно они смотрели на экран, ожидая нового смешного трюка знаменитого артиста. Тонио поморщился.

Сегодня его, сильнее чем всегда, раздражало внимание публики.

Пока Престо и шофер пили оранжад в прохладе полутемной комнаты, отельный слуга быстро и ловко заправлял машину, обтирая пыль с кузова, пробовал шины...

– Вы уже возили пассажиров к доктору Цорну? – спросил Престо шофера.

– Десятки, если не сотни раз, – ответил шофер. – Но обратно мне никогда не приходилось возить их.

Престо беспокойно зашевелил носом. Это так рассмешило шофера, что он поперхнулся и пролил на стол оранжад.

– Простите... в горле запершило, – смущенно оправдывался шофер.

Но Престо не слушал его извинений.

«Неужели пациенты Цорна все умирают? – со страхом подумал он. – Не может быть. Просто у доктора имеется свой гараж, да и пациенты Цорна, видимо, должны быть богатыми людьми, имеющими свои машины».

И все же Престо спросил шофера:

– Что вы этим хотите сказать?

– То, что люди, которые едут к Цорну, не возвращаются назад.

Престо отвернулся – он чувствовал, что его предательский нос вновь зашевелился.

– Как это? – спросил Престо упавшим голосом.

– Так, – отвечал шофер, стараясь не глядеть на Престо, чтобы вновь не рассмеяться. – Это может подтвердить и хозяин отеля, в котором вы останавливались в Сакраменто. От доктора возвращаются иные люди, совершенно непохожие на тех, которые приезжали к нему, хотя они и называют себя прежними именами и фамилиями. Вместо скелетов уезжают толстяки, вместо карликов – люди выше среднего роста, вместо уродов – красавцы. Говорят, был даже случай, когда женщина вернулась усатым мужчиной. Хозяин отеля узнал ее по большой родинке на щеке.

– Ах, вот в чем дело! – с облегчением воскликнул Престо.

Значит, все в порядке. Цорн, очевидно, делает настоящие чудеса. Престо скоро станет совершенно другим человеком. Впервые он ясно представил себе это, и ему вдруг стало как-то не по себе. Что же станет со старым Престо? Ведь это по-

что смерть и воскрешение в новом теле.

«Несчастный, жалкий уродец! Мы прожили с тобой нелегкую жизнь! – мысленно обратился Престо к самому себе. – И ты все-таки вывел меня в люди, а я, неблагодарный, обрекаю тебя на уничтожение! Не отказаться ли от этой затеи?»

Но, вспомнив о Люкс, Престо решил немедленно мчаться навстречу своей судьбе, которую приготовит ему кудесник Цорн.

Крутой поворот дороги – и перед Престо открылся чудесный сад, окруженный легкой и изящной решеткой. У широких ворот – два лежащих мраморных льва и небольшой домик с дорийскими колоннами. Шофер дал гудок. Из домика вышел сторож, бритый старик в белом костюме. Он кивнул шоферу, как старому знакомому, и машина беспрепятственно въехала в ворота. За ними шла широкая дорожка, посыпанная золотистым желтым песком. Среди вечнозеленых дубов и каштанов виднелись отлично содержащиеся клумбы цветов, фонтаны, закованные в бетонные берега водоемы, отражающие, как в зеркале, мраморные беседки, белизну которых подчеркивала темная зелень кипарисов, неподвижных, словно окаменевших в горячем воздухе. А дальше по сторонам дороги на полянах, за живой изгородью из кактусов и вечнозеленых колючих кустарников, виднелись изящные коттеджи и виллы. Окруженное плакучими ивами, промелькнуло озеро с медленно плавающими лебе-

дями. Престо с любопытством смотрел по сторонам, и его невольно начинало брать сомнение – уж не ошибся ли шофер. Это место совсем не напоминало лечебного заведения. Так выглядят фешенебельные дачные поселения американской денежной аристократии.

Но шофер уверенно вел машину берегом озера к длинному одноэтажному белому зданию с плоской крышей и широкой верандой перед ним. Это была контора медицинско-коммерческого предприятия доктора Цорна. Он имел дело только с пациентами, которые могли платить за лечение бешеные деньги. Талантливый ученый, экспериментатор-эндокринолог Цорн намного опередил своих коллег. Ему удалось открыть многие тайны организма и найти средства воздействия на процессы, протекающие в темных глубинах таинственных желез внутренней секреции. Как человек практичный, он не опубликовал свои открытия на благо всего страждущего человечества, а держал их в строжайшем секрете, чтобы быть монополистом в своей области и делать из этого деньги. Только несколько бедняков воспользовались научными достижениями Цорна. Он сразу хотел поставить дело на широкую ногу, но так как у него не хватало для этого личных средств, то ему пришлось прибегнуть к займам. И, чтобы убедить своих кредиторов в том, что они помещают капитал в верное дело, ему пришлось произвести несколько демонстраций. Цорн нашел бедняков-уродов, некоторым из них ему даже пришлось заплатить за право произвести

над ними эксперименты. Почти на глазах капиталистов, к которым он обратился за помощью, Цорн произвел несколько чудесных превращений – произвольно увеличивал и уменьшал рост, превращал уродов в нормальных людей, успешно устраняя чрезмерную худобу или ожирение. Последнее в особенности поразило будущих кредиторов. Ожирение – чуть ли не профессиональная болезнь миллионеров: сидячая жизнь, обильное питание. Да, Цорн открыл золотую жилу! И капиталисты выразили желание войти с Цорном в компанию. Другие предлагали ему организовать акционерное общество для изготовления и продажи препаратов его изобретения. Но Цорн сам был хорошим коммерсантом. Зачем компаньоны, зачем делиться с другими, если весь доход от своего предприятия он может сам получить целиком! И Цорн предпочел кредит на высоких процентах организации акционерной компании. И он не ошибся. В несколько лет Цорн погасил долги и теперь приумножал свои капиталы.

С самого начала он делал ставку на пациентов-миллионеров. И, устраивая свою лечебницу-санаторий, он преследовал две цели: во-первых, его богатые пациенты должны были найти все те удобства и роскошь, к которым они привыкли, во-вторых, сама обстановка, благодатный калифорнийский климат, вместе с искусством садоводов обязаны способствовать лечению. Каждому пациенту предоставлялся отдельный коттедж или вилла – в зависимости от капиталов – с полным штатом прислуги и отличными поварами. Паци-

енты должны были возможно меньше чувствовать лечебный режим. Правда, каждого вновь прибывшего пациента Цорн подвергал тщательному обследованию, но, сделав затем назначение, он мало беспокоил их, приглашая в свой кабинет не чаще одного раза в три дня. Лечение состояло в приеме пилюль – за этим следила специально приставленная к каждому пациенту сестра – и во внутривенном вливании, которое производили ассистенты. Эти процедуры отнимали всего несколько минут в день. Остальным временем пациенты располагали совершенно свободно, читали, катались на лодках, ездили верхом, играли в лаун-теннис, вечерами слушали хороший симфонический концерт, посещали дансинг или кино.

Таково было предприятие Цорна, куда приехал Тонио.

Новый пациент

Появление Престо в конторе, как везде, произвело сенсацию. Зазвучал смех. Отовсюду выглядывали любопытные, улыбающиеся лица.

Девушка в белом халате густо покраснела, сдерживая подступающий к горлу давящий ее смех. Она получила чек на крупную сумму, которая составляла целое состояние, и необыкновенно быстро закончила все формальности.

Престо была предоставлена одна из лучших вилл.

Тонио не знал, какую бурю он произвел в конторе, когда вышел. Работа была прекращена. Все служащие повскакали со своих мест и возбужденно начали обсуждать необычайное событие: Тонио Престо, несравненный, неповторяемый уродец, любимец экрана, решил изменить свой внешний вид! Это было похоже на святотатство. Люди уже не смеялись. Они были удивлены, потрясены, возмущены. Америка, весь мир, посещающий кино, еще не знал, какое несчастье надвигается на него. Лишить миллионы зрителей любимого героя экрана! Это преступление! Престо не имеет права делать это! Он принадлежит всем! Конторщица, принявшая Престо, одна из его бесчисленных поклонниц, разразилась истерикой, словно она собственными руками подписала Престо смертный приговор. Молодой счетовод произнес целую речь. Он предлагал разослать в редакции крупней-

ших газет телеграммы, оповещающие о безумном намерении Престо, поднять на ноги всю американскую общественность, предупредить, пока не поздно, ужасное несчастье. Многие поддержали предложение счетовода.

Это было похоже на бунт. Только старый бухгалтер внес струю охлаждения. Он напомнил о служебном долге.

– Мы не имеем права разглашать то, что происходит в учреждении, в котором работаем, – сказал бухгалтер. – Это может принести доктору Цорну моральный и материальный ущерб. И Цорн будет прав, если уволит недисциплинированных служащих и даже привлечет их к суду и взыщет убытки. Ведь Цорн рискует потерять крупный гонорар. Кроме того, Престо такой же больной, как и другие пациенты, обращающиеся к Цорну. Он имеет право лечиться, и никто не может в этом препятствовать ему.

Короткая спокойная речь бухгалтера произвела свое действие. Сильное впечатление произвела угроза возможного увольнения. Не такое теперь время, чтобы рисковать служебным положением. Безработица пугала всех. И споры угасли, страсти остыли. Все почувствовали свою подневольность, зависимость от Цорна и уныло принялись за работу.

Только конторщица все еще нервно, отрывисто вздыхала и шептала, склонившись над бумагами:

– Нет, нет! Этого не должно быть.

На новоселье

На пороге белой, облицованной розовым мрамором виллы Престо встретила сестра. Она была в белоснежном халате и затейливом чепчике на каштановых волосах. Румяная, улыбающаяся, с приятным молодым лицом, она была олицетворением здоровья. Цорн с большой тщательностью подбирал персонал, в особенности женский. Некрасивым, угрюмым, раздражительным служащим сюда не было доступа. Пациентов Цорна должны были окружать только приветливые молодые лица. Это хорошо влияет на настроение больных. Конечно, такие лица могли лишь подчеркивать безобразие и всяческие отклонения от нормы самих пациентов. Тем с большей охотой будут лечиться у Цорна эти уроды! Так во всем сказывалась продуманная система Цорна, тесно переплетавшая медицинские и коммерческие цели.

Сестра приветливо кивнула головой, как старому знакомому – Престо для всех был старым знакомым, – и сказала:

– Сегодня вы отдохните, мистер Престо. Доктор Цорн примет вас завтра утром. Разрешите ознакомить вас с домом и его порядками... Ой, мистер, у вас сейчас совершенно такое выражение, как в фильме «На перепутье»! – И она рассмеялась, хорошо рассмеялась: откровенно, молодо, добродушно. Этот смех не был неприятен Престо. Он даже сам улыбнулся, что с ним бывало редко, причем, как это ни

странно, стал менее смешным, потом вздохнул и ответил:

– Да, действительно на перепутье... Ваше имя, миссис? Луиза Кальгаун? Очень хорошо. Показывайте же мое новое жилище.

Двухэтажная вилла с балконами, верандами, несколькими ванными комнатами была обставлена роскошно. Но не все в этой роскоши понравилось строгому вкусу Престо. Слишком много ковров, гобеленов, бронзы, статуэток, картин, пестроты отделки и стилей.

«Все это на вкус денежных мешков, ничего не понимающих в искусстве», – подумал Престо и с удовольствием вспомнил свою виллу, которую он обставлял с такою тщательностью. Здесь были рояли и дорогие радиоприемники, телефоны и телеграфные аппараты, библиотека, бильярд. Слуги помещались в отдельной пристройке. Они должны были появляться и исчезать, как сказочные джинны, повинующиеся палочке волшебника, не беспокоя, если в них не было нужды.

– Как вам нравится? – спрашивала сестра.

– Отлично! Превосходно! – рассеянно отвечал Престо. Ему хотелось скорее остаться одному. Чем ближе был решительный момент «перевоплощения», тем большее волнение охватывало Престо. Он даже сам удивлялся этому волнению, потому что не совсем понимал его причину. Ведь все уже решено. И ничего страшного нет. Это все равно что переменить старый, изношенный костюм на новый... А какой-то

тревожный голос поднимался из глубины сознания: «Еще не поздно отказаться от этой затеи».

Оставшись один, Престо вышел на большую веранду второго этажа, уставленную цветами. Он сел в плетеное кресло так, что куст цветущей олеандры укрывал его, сам же он мог хорошо видеть песчаную дорогу, пролегавшую за решеткой сада, который окружал виллу.

Был вечер. Солнце заходило за невидимым океаном. Недвижимый воздух благоухал цветами. Престо закурил сигару и погрузился в размышления.

Но движение на дорожке отвлекло его внимание.

Вот на специальной трехколесной коляске, широкой, как самое широкое сиденье многоместного автомобиля, санитар провез какую-то бесформенную лиловую массу, в которой с трудом можно было узнать расплывчатые очертания человеческой фигуры. Масса комкалась, как студень или тесто, готовое вытечь через край квашни. Это была женщина с лиловым лицом, в лиловом платье...

Прошла необычайная пара – худой, как жердь, мужчина семифутового роста и карлица. Мужчина медленно, по-журавлиному, переступал ходулеобразными ногами, карлица катилась клубочком. Они оживленно беседовали. Великан комично наклонял голову и даже сгибался в пояснице, чтобы видеть лицо своей спутницы. Кто знает, быть может, кудесник Цорн уравнивает их рост, сделает красивую внешность и создаст новую пару любящих сердец?

Еще одна коляска – полный мужчина со слоновыми ногами.

«Что за зверинец!» – невольно думал Престо, забывая о себе. Великое производство природы также имеет свой брак, и в большом количестве. Здесь собраны только те, кто имеет возможность уплатить Цорну десятки и сотни тысяч за свое лечение. А сколько бедняков принуждены до конца жизни нести свое уродство! Престо принадлежит к счастливым, которые имеют возможность превратить себя в нормального человека. И было бы глупо не воспользоваться этой возможностью! Решимость Престо подвергнуться «перевоспитанию» возросла.

На столике тихо и мелодично зазвенел звонок телефона. Одновременно зазвонили звонки во всех комнатах. Где бы ни находился жилец, он всюду мог слышать звонок, и ему оставалось только протянуть руку к трубке телефона. Так устранялась необходимость появления слуг, которое может причинить лишнее беспокойство.

– Алло! – сказал Тонио, прикладывая трубку к уху.

– Простите, мистер Престо, – послышался мужской голос. – Говорит швейцар. Одна мисс хочет вас видеть.

Престо поморщился. Какая-нибудь поклонница-психопатка узнала о его приезде. Неужели и здесь от них не будет покоя? И Престо уже хотел ответить, что устал с дороги и не может принять посетительницу, как вдруг услышал по телефону уже женский голос:

– Мистер Престо! Я очень, очень прошу принять меня по важному делу. Я отниму у вас всего несколько минут.

В голосе было столько мольбы и главное – тревоги, что Престо заколебался. А может быть, это какая-нибудь больная, которая хочет предупредить его об опасностях лечения. Ведь и у Цорна могут быть неудачи. Заинтересовал Престо и голос женщины – ему показалось, что он совсем недавно слышал его. Сестра? Нет, другая... И Престо ответил:

– Хорошо. Слуга проводит вас. Скажите ему, что я на верхней западной веранде.

Престо был избалован и не считал нужным идти навстречу.

Не меняйте своего лица!

Вошла молодая девушка в синем шелковом платье. Остановилась у двери, молча кивнула головой, измерила глазами расстояние от двери до Престо и, уже не глядя на него, приблизилась к нему. Лицо бледное и взволнованное.

«Ну конечно, психопатка-поклонница», – решил Тонио и сухо предложил ей кресло возле себя.

Девушка уселась, не поднимая глаз. Престо понял, почему она не смотрит на него: смех может помешать разговору.

Девушка прижала кончики пальцев к вискам и молчала, будто собираясь с силами. Престо все ждал, пуская кольца дыма.

– Мистер Престо! – наконец заговорила она дрожащим от волнения голосом. – Мы уже встречались с вами... я регистрировала ваше прибытие в конторе.

– Чем могу служить?

– Я делаю служебный проступок, являясь к вам, и, может быть, за это буду уволена...

– В таком случае вы поступаете неосторожно, – холодно сказал Престо. Даже вежливость не заставила его ободрить ее, прийти на помощь – он опасался, что это даст волю бурным чувствам, которые, видимо, кипели в ней, и вызовет горячие излияния любви, восхищения, преданности. Он давно был сыт от таких сцен. – Как ваше имя?

– В данном случае мое имя не играет роли, – ответила девушка и впервые взглянула на него.

Заметив недовольную мину на физиономии Престо, она покраснела, перевела взгляд на острый носок своей туфли и возбужденно воскликнула:

– Вы не думайте, что я психопатка, которая явилась сюда, чтобы излить свои личные чувства. Дело гораздо серьезнее! – И девушка вновь прижала концы пальцев к вискам с такой силой, что длинные красные лакированные ногти впились в кожу. И вдруг заговорила быстро, бурно, словно в бреду: – Тонио! Престо! Не покидайте нас! Не изменяйте своей внешности! Не лишайте тех счастливых минут, которые вы даете нам! Поймите, жизнь тяжела, и только вы даете просвет в этой беспросветности, заставляете хоть на время забыть о тревогах, которые окружают нас, даете от них отдых, а значит, и новые силы, поддерживаете нас, вселяете надежду в сердца теряющих всякую надежду на лучшее... Для богатых людей вы только паяц, который развлекает их от скуки безделья. Но ведь вас смотрят на экране миллионы таких же скромных тружеников, как я... Что станет с ними, когда вы уйдете с экрана? Их жизнь станет еще безотраднее.

Престо был смущен и даже взволнован. Конечно, это экзальтированная женщина. Конечно, она преувеличивает. Но она подняла вопрос, над которым до сих пор не задумывался Престо, – о социальной роли его творчества. Да, об этом надо будет подумать. Но прежде всего следует как-нибудь успоко-

ить посетительницу.

– Мисс, – сказал он мягко, – я вам очень благодарен за такую высокую оценку, которую вы даете мне. Но вы упускаете одно важное обстоятельство. Я тоже живой человек, и я имею неотъемлемое право предъявлять свои требования к жизни. Не находите ли вы эгоистичным ваше требование: «сохраните для нашего удовольствия ваше уродство, ваш нос-туфлю»? И почему вы считаете несчастными только себя? Вы не подумали о том, что, несмотря на свою славу и богатство, и я могу быть несчастным, как последний из бедняков?

Такого признания, такого оборота дела девушка не ожидала. Она удивленно подняла брови и недоверчиво спросила:

– Вы?

– Да, я. Вы сказали, что для богачей я паяц. Но разве вы не знаете, что многие величайшие комики были меланхоликами и заставляли других смеяться, когда их собственная душа рыдала?

Не желая переходить пределы откровенности и чтобы не вызвать неосторожных вопросов посетительницы, он добавил:

– А у меня достаточно оснований, о которых я не могу распространяться, быть недовольным своей судьбой и желать изменить свою внешность.

Но посетительница была догадлива, или же ей помогло женское чутье, и она ответила угасшим голосом:

– Да, это бывает.

Девушка опустила голову в глубоком раздумье. Престо выжидательно молчал.

– Не знаю... может быть, вы и правы, – наконец сказала она. – Такие задачи трудно решить... На одной чаше весов личная жизнь, на другой – интересы зрителей, ваших поклонников. Не все созданы быть героями, которые способны пожертвовать своими интересами ради других.

Это уже был вызов. Престо выпрямился и принял такую позу, которая привела бы Гофмана в восхищение. Девушка не глядела на него и потому сохранила всю свою серьезность. Тонио уже собрался ответить ей должным образом, но девушка предупредила его и воскликнула:

– Но вы сделаете это, потому что у вас великая душа!

Престо молчал.

Неожиданно девушка бросилась перед ним на колени и, ломая руки, почти рыдая, заговорила:

– Принесите эту жертву! Умоляю вас! Престо! Тонио! Обещайте, что вы откажетесь от своего намерения!

«Умная женщина, а все-таки психопатка!» – подумал Престо. Он усадил девушку и строго сказал:

– Выслушайте же меня, мисс. Вы ломитесь в открытую дверь. Вы уговариваете меня не изменять внешности. Но это столь же нелогично, как просить или требовать от меня, чтобы я всегда выступал в одной и той же роли. Намереваясь изменить внешность, я совсем не собираюсь отказаться от

своей профессии киноактера. Тонио Престо явится только в новом облике и в новых ролях.

– Но наш старый, любимый Престо перестанет существовать, – с огорчением произнесла девушка и поднялась. – Я сделала, что возможно. Простите за беспокойство и прощайте, милый, незабвенный Престо!

Она быстро вышла. Престо вскочил с кресла и нервно заходил по веранде, высоко подбрасывая свои короткие ноги.

Незабвенный! Каково! Словно Престо уже покойник! Неприятный визит! Психопатка! Какое они имеют право вмешиваться в мою личную жизнь?..

Несколько успокоившись, Престо начал рассуждать хладнокровнее. Эта взбалмошная женщина как-то по-новому осветила его творчество. До сих пор ему казалось все очень просто. Исключительная внешность и талант создали ему репутацию первого мирового комика и принесли материальный успех. Он умел превращать смех в доллары, и это было отлично. Правда, у него была своя творческая драма, о которой не подозревали его поклонники: в душе он был не комиком, а трагиком. Парадоксальным трагиком, который возбуждает смех! Желание устранить это противоречие и привело его к доктору Цорну так же, как и неразделенная любовь к Люкс. Но он никогда не задумывался над тем, что выполняет какую-то социальную роль. Пожалуй, он даже был невольным и бессознательным орудием в чьих-то руках. Он должен был уводить зрителей – а их было действительно миллио-

ны, вся Америка, весь мир – от печальной действительности, заставляя их отвлекаться от проклятых вопросов, забывать невзгоды. Зрители смеялись не только в кино. Этот смех они уносили в свои лачуги и подвалы, делились им с другими, и жизнь казалась краше.

Еще больше он убедился в этом, вспомнив картины, в которых выступал. За исключением классических трагедий – уступке капризу знаменитого актера, – все сценарии повествовали или о беспечной жизни богатых людей, причем Престо был в ней лишь случайным гостем, или же о судьбе бедняков, которые, как по волшебству, превращались в миллионеров, оставляя эту мечту каждому зрителю в поношенном платье и стоптанных ботинках.

А классические трагедии и драмы, в которых выступал Престо! Это была бы пародия, профанация великих произведений, если бы не необычайная и своеобразная сила таланта Тонио, которая делала всех этих Отелло и Лиров не только смешными, но и глубоко человечными, исторгая у зрителей и смех и слезы. Но все же смех был главной ценностью Престо. Этого отрицать нельзя. Миллионы несчастных, обиженных жизнью собирались к экрану кино, как озябшие путники к очагу, и смех Престо согревал их. Лишить их этого! Престо вспомнил, как он сам нищим ребенком на время забывал в кино о голоде и холоде, смеясь над забавными приключениями комических актеров того времени. Жизнь была бы еще печальнее, если бы у него отнять эти минуты забвения.

Что же делать? Не отказаться ли в самом деле от перевоплощения?..

Престо в волнении ходил по веранде. Солнце давно закатилось, на синем небе выступили звезды, он не замечал этого.

«Однако разве в новом теле я не могу продолжать ту же линию? Совсем не обязательно быть уродом, чтобы исполнять комические роли!.. Комические! Но что же будет с моими мечтами о настоящей, высокой трагедии?..»

Визит девушки сильно взволновал его. Шаг, который он намеревался сделать, оказывался гораздо более серьезным и сложным, чем Антонио предполагал. В эту ночь он уснул под утро, совершенно измученный, не придя ни к какому решению. Во сне его преследовали кошмары. Ему снились толпы народа. Мужчины, женщины, дети протягивали к нему руки и кричали: «Не покидай нас!» – и впереди всех девушка – «делегат миллионов». Она так крепко обнимала его за шею, что он задыхался и хрипел.

А наутро Престо, вспомнив волнения минувшего дня и ночи, сказал: «Все это только нервы!» Принял ванну, позавтракал и отправился на прием к доктору Цорну.

Трудный случай в практике

Цорн принял Престо в большом кабинете, который ничем не напоминал кабинета врача: здесь не было ни стеклянных шкафов с устрашающими медицинскими инструментами, ни даже шкафов с толстыми внушительными книгами на разных иностранных языках, которые должны свидетельствовать об эрудиции их хозяина и тем самым внушать к нему уважение, ни черепов, ни скелетов. Очень удобная кожаная мебель, большой письменный стол красного дерева, покрытый поверх зеленого сукна толстым стеклом, на нем только чернильный прибор, украшенный бронзовой статуэткой бизона, телефон и две вазы с цветами. Букеты цветов в японских вазах стояли в разных углах комнаты. Картины на стенах, преимущественно веселые пейзажи, и две статуи Афродиты, выходящей из пены морской, и Аполлона – образцы идеальной красоты человеческого тела. Никакая цена не дорога, чтобы только избавиться от своего уродства и приблизиться к этим образцам! Окно во всю стену выходило на зеркальный пруд и лужайку, засеянную красными маками. Такой кабинет производил на пациентов наилучшее впечатление.

Цорн сидел за письменным столом, откинувшись на высокую спинку кресла. Это был крепкий сорокалетний мужчина с типичным бритым краснощеким англосаксонским про-

долговатым лицом, носом с горбинкой, выдающимся подбородком. Светлые короткие волосы гладко причесаны. Цорн не носил очков. Его серые умные глаза смотрели весело и проницательно. Тонкие губы улыбались. Костюм песочного цвета с гвоздикой в петлице хорошо облегал его стройное тело. В его внешности, как и в обстановке, не было ничего профессионального. И во всем этом был свой тонкий, хорошо продуманный психологический расчет.

При появлении Престо Цорн поднялся и, протянув обе руки, пошел ему навстречу, как к старому другу.

– Здравствуйте, здравствуйте, мистер Престо! – радушно воскликнул Цорн. – Очень рад вас видеть. Прошу садиться. Вот здесь вам будет удобнее.

Он усадил Престо не возле письменного стола, а у окна, и сел в кресло напротив. На маленьком круглом, красного дерева столике стояли серебряный ящичек с сигарами и папиросами и электрическая зажигалка.

– Предпочитаете папиросы или сигары? – Цорн подвинул ящичек с многочисленными отделениями и пояснил: – Вот египетские папиросы, турецкие, гаванские сигары «Вегуэрос», «Регалия Байрон» – в продаже не найдете, – это с Суматры, Явы, Виргинии....

Престо поблагодарил и взял «Вегуэрос» – лучшее произведение Гаваны. Цорн закурил папиросу.

– Когда мне вчера сообщили, что к нам пожаловал сам Тонио Престо, я, признаться, сразу не поверил. Неужели вы

решились изменить свою внешность?

Цорн смотрел прямо в лицо Престо, любезно улыбался, но не смеялся, что немало удивило Престо. Цорн, очевидно, умел великолепно владеть собой.

– Почему бы и нет, – ответил Престо вопросом на вопрос.

Цорн сделал паузу, улыбнулся еще шире, обнажив прекрасно сохранившиеся белые длинные зубы, и сказал:

– А вы можете поручиться, что ваши поклонники не учинят надо мною суда Линча?

Престо улыбнулся в свою очередь и едва не проговорился о вчерашней посетительнице.

– И дело не только в этом, – продолжал Цорн. – Я сам не уверен, имею ли право произвести над вами метаморфозу.

«Не хватает еще того, чтобы Цорн отказался!» – с волнением подумал Престо и сказал:

– Но ведь вы делаете их десятками!

Тонио волновался и был особенно смешон. Но Цорн по-прежнему только улыбался. Железный человек!

– Я здесь пробыл всего несколько часов, – добавил Тонио, – и уже видел столько товарищей по несчастью...

– Да, но вы составляете исключение. Исключение даже в моей, несколько необычной практике, – возразил Цорн. – Для всех моих пациентов их физическая ненормальность является лишь печальным побочным обстоятельством. Она лишает их многого, не давая ничего ни им, ни обществу. Они ничего не теряют и выигрывают все. Совершенно иное поло-

жение с вами. Ваша внешность неразрывно связана с вашим творчеством, с вашими публичными выступлениями...

«И он о том же!» – с досадой подумал Престо и крикнул:

– Я не раб публики!

– Разумеется, вы свободный американский гражданин, – ответил Цорн. – Но я сейчас говорю не о вас, а о себе. Согласитесь, что вы представляете совершенно исключительное явление природы, как неповторимое произведение искусства... Вы видели химер на парижском соборе Нотр-Дам? Они очень безобразны, и в то же время в них своеобразная красота. Что сказали бы про человека, который разбил бы химеры и на их место поставил благообразных херувимов? Не назвали бы его вандалом и варваром? История никогда не простила бы ему этого. Он опозорил бы свое имя. Я не хочу, чтобы это было мое имя... Боюсь, что вы и сами не обдумали до конца всех возможных последствий вашего намерения... Вы знаете, что моя врачебная практика – мой жизненный базис. Но я готов отказаться от гонорара и вернуть вам его, чтобы только не брать на себя такой огромной ответственности.

– Значит, вы отказываетесь изменить мою внешность? – упавшим голосом спросил Престо. В этот момент он выглядел глубоко несчастным. Неужели все его мечты о новой жизни в новом теле, о личном счастье рушатся?

Но не удрученный вид разжалобил Цорна. Его вообще едва ли можно было разжалобить. Цорн совсем не собирал-

ся упустить такого выгодного пациента. Однако это действительно был трудный случай в его практике. Вне сомнения, перевоплощение Престо произведет шум во всем мире. Конечно, Цорна не подвергнут суду Линча. Но возможно, что газеты будут бранить его, и еще не известно, послужит ли это для него новой рекламой или же повредит практике. Да и излишняя реклама была нежелательна Цорну. Он имел достаточную практику, привлекая клиентуру из самых состоятельных классов. Широкая публика о нем мало знала, представители власти не интересовались им, и это было ему только на руку: шум мог привлечь нежелательное внимание медицинских организаций, и тогда кто знает, чем все это кончится. В лучшем случае – убытками, превосходящими гонорар Престо, чтобы погасить весь этот шум и замять дело. Поэтому он хотел всячески гарантировать себя и даже установил в кабинете аппарат, который записывал на валик весь разговор с Престо. В случае надобности Цорн мог доказать, что он сделал все возможное, что он сам усиленно отговаривал Престо.

Цорн развел руками и сказал:

– Ваше уродство – такая же болезнь, как и всякая другая. И потому, как врач, я не имею права отказать вам во врачебной помощи. – Эту и последующие фразы он сказал особенно громко и отчетливо. – Это очень сложный конфликт, и лучшим выходом из него может быть добровольный отказ от вашего намерения. Поэтому я могу лишь просить вас, убе-

дительно просить отказаться от вашего намерения... Обдумайте еще раз все хорошенько. Подождем день, два. И если вы придете к решению...

– Мое решение твердо, – воскликнул Престо, – и два дня ничего в нем не изменят.

Цорн вздохнул, еще раз развел руками.

– Ну, что ж! Этим самым вы принимаете всю ответственность на себя. – И уже другим тоном, как врач, он спросил Тонио: – На что вы жалуетесь, мистер Престо?

– На судьбу.

Цорн, с видом понимающего человека, молча и сочувственно кивнул головой и сказал:

– Судьба для нас, современных людей, всего только закон причинности. Поэтому мы больше не умоляем судьбу. Мы сгибаем ее в бараний рог... Вы – последний больной. Прием у меня окончен. Пойдемте в парк и там побеседуем, – добавил он, посмотрев на часы.

Всё течёт...

Престо и Цорн шли по дорожке, усыпанной желтым песком, направляясь в отдаленную часть парка.

– Итак, вы жалуетсяе на судьбу? – повторил Цорн.

– Да, – горячо ответил Престо. – Почему один человек рождается красавцем, а другой уродом? И это уродство, как проклятие, как печать Каина, неизменяемо, если не считать медленного возрастного изменения от младенчества до старости?

Цорн покачал головой.

– Вы не правы. Вы совершенно не правы. Не только наше лицо, но форма всего нашего тела не представляют собою чего-либо стойкого, неподвижного. Они подвижны и текучи, как река. Тело наше непрерывно стораёт, улечувичается, и на месте уплывшего все время строится новое. Через мгновение вы уже не тот, что были, а в продолжение примерно семи лет в вашем теле не останется ни одного атома из тех, что составляют сейчас ваше тело.

– И тем не менее сегодняшний я как две капли похож на вчерашнего, – со вздохом сказал Престо.

Цорн улыбнолся. Но это была не обидная для Престо улыбка. Доктор улыбнолся его словам, а не жестам.

– Да, иллюзия постоянства форм имеется. Но эта иллюзия получается оттого, что формы тела строятся вновь по тому

же самому образцу, как и тело «уплывшее», сгоревшее в обмене веществ, исчезнувшее. А строится тело в том же самом виде только потому, что органы внутренней секреции своими гормонами направляют строительство по раз намеченному плану.

– Но разве это не говорит о постоянстве форм?

– Ни в коем случае! Отлитая из бронзы статуэтка не изменяется, пока время не разрушит ее. Она имеет устойчивые формы. Иное дело – формы нашего тела. Довольно одной из желез внутренней секреции начать работать с малейшим отступлением от определенного плана, и формы нашего тела начнут изменяться. Да вот, не угодно ли посмотреть на этих больных.

Навстречу им по дорожке сада шел человек гигантского роста. Пропорции тела его были неправильны. Он имел чрезвычайно длинные ноги и руки при коротком туловище и маленькой голове. Несмотря на свой огромный рост, у великана было совершенно детское выражение лица. Увидев доктора Цорна, он начал оправлять свой костюм, как мальчик, который боится получить замечание от взрослого.

Гигант поклонился врачу и прошел мимо.

– Видите, какой гигант? Нормальный рост европейца колеблется между ста шестьюдесятью двумя сантиметрами у итальянцев и ста семьюдесятью семью у норвежцев. А рост этого великана – двести тринадцать сантиметров. Ему всего семнадцать лет. До десяти лет он рос совершенно нор-

мальным ребенком, а потом вдруг начал неудержимо тянуться вверх. Почему? Потому что у него передняя доля придатка мозга – гипофиза начала развиваться слишком быстро, или, как говорим мы, врачи, это результат гиперфункции, то есть усиленной деятельности передней доли гипофиза. А вот карлица – смотрите вправо. Ей тридцать семь лет, а рост ее всего девяносто семь сантиметров. Задержка роста у нее произошла потому, что функция щитовидной железы была ослаблена.

– Да, но все эти изменения произошли в детском возрасте.

– Со взрослыми дело, конечно, сложнее. Но наука преодолевает все препятствия... Пойдемте вот к тому домику у холма. Может быть, нам удастся посмотреть на мисс Веде.

У веранды домика сидела женщина, откинувшись на спинку большого кресла.

– Добрый вечер, мисс Веде! – любезно сказал Цорн.

Женщина, не поднимаясь, кивком головы приветствовала Цорна.

Престо, взглянув на женщину, содрогнулся. Это было какое-то чудовище с удлинённым лицом, резко выдающимся подбородком и затылком, с утолщенным носом и губами. У нее были уродливо большие руки и ноги.

– Как она страшна! – тихо сказал Престо, когда они прошли мимо больной.

– Да, уродлива, – ответил доктор. – Но поверите ли вы, что эта женщина еще недавно блистала красотой, что всего

два года тому назад она взяла в Чикаго приз красоты. И, поверьте, она действительно была необычайной красавицей. У меня есть ее фотография, где она снята до болезни. Я покажу вам ее.

– И что же так ее изуродовало?

– Без видимой причины у нее начали разрастаться кости лица, главным образом подбородка, концы пальцев рук и ног, а также ребра и остистые отростки позвонков. Болезнь началась с общей слабости. Акромегалия – так называется эта болезнь, и зависит она от болезненного увеличения, скорее всего опухоли передней доли гипофиза. Если бы это случилось в детстве, она стала бы великаншей, а в двадцать лет получилось вот такое уродство. Впрочем, искусственно я мог бы создать великана и из взрослого человека.

– Она безнадежна?

– Нисколько. Как только нам удастся привести в норму функции ее придатка мозга, формы ее тела изменятся сами собой.

– Вы хотите сказать, что вновь уменьшатся ее кости и она станет похожа на самое себя?

Цорн кивнул головой.

– Не правда ли, разве это не кажется чудесным? А вы говорите о неизблемости форм человеческого тела. Нет ничего неизблемого. Все течет, все изменяется.

Гормоны, гипофизы...

Вторую ночь Престо провел почти так же плохо, как и первую. Он долго не мог заснуть. Сидя в глубоком сафьяновом кресле, он проверял в памяти волнующие впечатления дня. Очаровательная женщина, превращенная злым недугом в какую-то страшную ведьму, карлики, великаны, и среди всех этих уродцев и чудовищ – доктор Цорн, как волшебник, который собирается разрушить злые чары и вернуть всем уродцам вид нормальных, здоровых людей.

Престо начинал дремать, и ему пригрезилось, что женщина-чудовище с огромным подбородком поднимается со своего кресла, идет к нему и, простирая свои уродливые большие руки, говорит:

«Я люблю тебя, Тонию, жених оставил меня. Но ты мне нравишься больше, чем жених. Мы оба уроды. Мы стоим друг друга. И мы родим уродов, каких не видал еще свет... Они будут так смешны, что все люди подохнут от смеха. И тогда землю наследуют наши потомки. Над ними уже никто не будет смеяться, потому что все будут ужасающе уродливы. И уродство будет признано красотой. И самый уродливый будет признан самым красивым...»

Тонию проснулся в холодном поту.

«Какой отвратительный сон...» – подумал он. И вдруг быстро сел на кровати и схватился за голову. Одна мысль по-

разила его: «Я бежал во сне от страшной мисс Веде. А разве я сам лучше? Да, Гедда Люкс была права, тысячу раз права, отвергнув меня. Как несправедливо жесток я был с нею в последний раз... Что, если в самом деле Гедда умерла от смеха? Я оставил ее без памяти. Быть может, у нее слабое сердце...»

Тонио соскочил с кровати и зашагал по комнате.

«Надо будет телеграфировать Гофману, спросить его. Впрочем, Гофман, наверно, уже уехал... Если я в самом деле убил ее смехом, то начнется следствие, меня арестуют, быть может, обвинят в убийстве и казнят. И я умру уродом... Нет! Нет! Если Гедда умерла, этого не исправишь. Кроме Гофмана, никто не знает о том, куда я уехал. Сначала надо излечиться от уродства, а там будет видно... Однако как расшатались у меня нервы! Надо взять себя в руки».

Тонио заставил себя лечь в кровать, но до самого утра не мог уснуть. «Безобразие – самая тяжелая болезнь!» – повторял он в бреду. Только когда первые утренние лучи осветили верхушки деревьев, Тонио задремал, повторяя в полусне неизвестные мудреные слова, которые звучали как заклинания: «Гипофиз... Гормон... Акромегалия... Гиперфункция...»

– Нет, право, от этого можно с ума сойти, – говорил Престо, проснувшись в одиннадцать часов утра. – Я должен знать совершенно точно, что такое эти гормоны и гипофизы, я должен знать всю механику – тогда туман рассеется, и в

голове будет порядок.

Умывшись, Престо подошел к большому зеркалу в ванной комнате и внимательно рассмотрел свое лицо. О, недаром он был киноартистом! Он знал каждый миллиметр этого лица, безобразного и смешного.

– Лопоухий, туфленосый уродец! – сказал Престо, обращаясь к своему отражению в зеркале. – Скоро тебе придет конец. Ты сгоришь, утечешь, улетучишься, а на смену тебе придет... хотел бы я знать, как буду я выглядеть после лечения, – сказал Престо уже другим тоном.

Быстро одевшись, он пошел к доктору Цорну, но тот был занят с больными, и Престо отправился бродить по парку.

У содержателя ярмарочного балагана глаза разгорелись бы при виде всех этих уродцев. Их хватило бы на составление не одной труппы карликов и великанов. Престо встречались мужчины и женщины, толстые, едва переваливающиеся на ногах-тумбах, и тощие, как капитан Фракасс, он видел мужчин с женским бюстом, бородатых женщин... все это были жертвы игры неведомых Престо сил, скрывающихся в недрах человеческого организма.

Вот уродец с огромной головой и короткими ногами. Это – кретин. Он внимательно осмотрел Тонио и вдруг засмеялся смехом идиота.

– Джим! Джим! Иди скорее, посмотри на это чудо! Тонио Престо соскочил с экрана и пожаловал к нам. Иди, иди, посмотри бесплатный кинематограф! – закричал он, обраща-

ясь к другому больному.

Престо узнавали все, кто только видел его на экране. А кто же не был в кино? Кретины, великаны, привлеченные «живым Престо», шли следом за ним. Это раздражало его. Он сделал крутой поворот на боковую дорожку и неожиданно вышел к теннисной площадке. Мужчины и женщины в белых спортивных костюмах с увлечением играли в теннис. Это были вполне нормальные люди. «Вероятно, выздоровевшие», – решил Престо.

В некотором отдалении стояли уроды. Они жадно наблюдали за играющими.

Как впоследствии узнал Престо, между уродами и людьми, вернувшими себе нормальный вид, были своеобразные отношения. Уроды очень хотели быть в обществе пациентов, которые уже прошли курс лечения. Это поднимало настроение уродов, укрепляло их надежду на то, что они скоро будут такими же здоровыми, нормальными людьми. Выздоровевшие же очень неохотно встречались с уродами, чуждались их, так как вид уродов напоминал им собственное недавнее уродство. Они начинали волноваться. Некоторые женщины вынимали даже зеркала, чтобы убедиться, что безобразная личина спала с их лица. И поэтому в городке Цорна всегда существовало несколько общественных кругов, как в иерархии общественных классов. «Плебеи и парии», уроды, по мере хода лечения переходили в «высший» класс вместе со своей кастой, своим кланом.

Скоро Престо заметили и здесь. Тогда он углубился в самый конец городка-парка. За невысокой стеной он услышал детские голоса. Там было детское отделение.

И снова назойливые взгляды встречных больных, смех, приглушенные голоса: «Престо! Смотрите, Престо!..»

Увы, здесь он был последним из париев.

Престо вернулся домой и до вечера никуда не выходил. Только с наступлением темноты, когда большинство больных разбрелось по своим виллам, Престо вновь направился к дому доктора.

Цорн повстречался ему на полдороге.

– Я к вам, – сказал Цорн. – Идемте гулять. Перед сном это полезно. Как спали вы прошлую ночь?

– Плохо. Я думаю, в этом виноваты ваши гипофизы. Я хочу знать, что это за звери, иначе мне будет казаться, что я хожу окруженный злыми демонами, как это казалось моему далекому предку.

– Ну что же, давайте знакомиться с «демонами».

– Если можно, доктор, пойдёмте вот этой дорожкой.

И Престо показал на крайнюю глухую дорожку, по которой почти никто не ходил.

Цорн кивнул головой и начал свои объяснения.

– Железы внутренней секреции вы только что назвали «демонами». Так вот, одни и те же демоны могут быть злыми и добрыми. Каким образом? Я вам сейчас объясню. Вы, конечно, знаете, что человеческое тело состоит из многих мил-

лиардов живых клеток, то есть мельчайших комочков живого вещества. Эти маленькие клеточки, выполняя различные, присущие им функции, живут и действуют в удивительном взаимодействии и в полном согласии меж собой. Чем больше изучаешь жизнь тела, тем больше удивляешься этой гармонии частей, этому порядку и согласию, царящему между всеми клетками и частями организма. Кто устанавливает этот порядок? Вопрос, который давно интересовал ученых. В течение девятнадцатого века ученые полагали, что все части и клетки организма связываются и объединяются нервной системой, а мозг является центром, которому слепо подчиняются все клетки. Однако оказалось, что это не совсем так. Мозгу отведено более скромное, хотя и очень важное место. Он является центром передачи возбуждения с одной точки тела на другую. Такая передача носит название рефлекса. Но рефлексами вовсе не исчерпывается проявление жизни организма, центральная нервная система не есть главная система. Нервных систем, в сущности, несколько, и мозг не есть центр всего тела. Организм управляется, как оказалось, более сложным порядком. Клетки вырабатывают особые химические вещества, которые стимулируют работу желез и мышц. Мышцы накапливают для клеток питательные продукты и продукты обмена, а железы вырабатывают особые вещества, называемые гормонами. Эти вещества не идут в отбросы организма и имеют роль активных деятелей. Они-то и определяют форму организма. Взаимный обмен

гормонов дает гармонию всему организму. Миллиарды клеток живут в точно установившемся взаимодействии. Некоторые органы, например, выделяют только гормоны. Такие органы называются железами внутренней секреции, и если, скажем, один из этих органов, желез, работает слишком активно, то он начинает преобладать в работе организма, количество же других факторов уменьшается, и организм претерпевает существенные изменения: человек ненормально полнеет или худеет, в детском возрасте – усиленно растет или же задерживается в росте; бывают и более глубокие изменения, приводящие к физическому уродству. Таким образом органы внутренней секреции, или железы, играют роль регуляторов, и их немало: щитовидная железа, паращитовидная железа, зобная железа, гипофиз, надпочечники и много других. Кстати, о щитовидной железе. Вы где родились?

– В горах Бурчиада.

– Я так и полагал. В местах, стоящих высоко над уровнем моря, в почвах выветриваются, выщелачиваются и вымываются дождями питательные соли, необходимые для координации действий организма при питании некоторых органов, и щитовидной железе в этих условиях не хватает материала. Потому-то в ваших местах так много больных зобом. Ведь зоб – это ненормальное развитие заболевшей от недостатка питания щитовидной железы. Ваша болезнь тоже происходит от нарушения деятельности желез внутренней секреции. Однако это нарушение имеет у вас несколько необычный ха-

рактир. Дело в том, что у людей вашего типа обычно наблюдается замедленность движений и всех процессов душевной жизни. Они вялы, тяжелодумны, флегматичны, тупы и напоминают собою добродушных животных. Правда, живой ум встречается и между ними. Но у вас не только живой ум, у вас активный, деятельный, творческий ум и повышенная восприимчивость и чувствительность нервов. Скажите, приступы усиленного сердцебиения у вас бывают?

– Бывают, – ответил Престо.

Цорн кинул взгляд на его руки.

– Вы чуткий, нервный, впечатлительный. Вы легко возбудимы, в вашем организме как будто действуют две взаимнопротивоположные силы. Я уже имею представление о вашем характере, темпераменте и умственном складе. С вами придется, как видно, повозиться. Вы, конечно, хотите иметь нормальный рост, нормальные пропорции тела и лицо, какое было бы у вас, если бы нарушение желез внутренней секреции не наложило на него своей печати?

– Ну разумеется, – ответил Престо.

– Вы так и не видали своего настоящего лица. Постараемся выявить его. Я делаю то, чего пока не делают другие врачи. Меня называют колдуном, кудесником. Так же называли нашего селекционера Бербанка. Я делаю не больше его. Он творит чудеса, изменяя форму и всю «конструкцию» плодов и овощей. Я же работаю над изменением формы и содержания человеческого организма. Пройдемте, посмотрим

мой «музей». Я покажу вам кое-какие мои трофеи. Я обогнал своих коллег, – продолжал Цорн, направляясь к дому. – Мне удалось создать замечательные препараты из гормонов желез внутренней секреции. При помощи этих препаратов мне удастся изменять формы и рост даже взрослых людей в сравнительно короткий срок. Посмотрите, – сказал Цорн, когда они вошли в комнату, смежную с кабинетом, – вот как выглядит сила, которая произвела все эти чудеса.

Он взял альбом, раскрыл его и показал Престо фотографии. На левой стороне были сняты ужасные уроды, на правой – вполне нормальные люди, среди которых были даже очень красивые. Между лицами левой и правой стороны было только отдаленное, едва уловимое сходство.

– Это до лечения, а это после, – сказал с гордостью Цорн, показывая на левую, потом на правую страницу альбома.

И он имел право гордиться. Казалось, он мог лепить формы тела и лица людей по своему желанию.

– Это все мои европейские трофеи. Ведь я начал свою работу во Франции у Сабатье, – сказал Цорн. – А вот первые американские. К сожалению, представители нашей официальной медицины, как мне пришлось слышать от Крукса, не очень доброжелательно относятся к моим опытам. В церковных кругах также ропщут. Впрочем, пока мне не мешают. А вот, – он показал на шкаф со стеклянными дверцами. На полках виднелись большие аптечные белые банки с латинскими надписями на этикетках. – Средневековый кудесник

много дал бы за эти банки. В них содержатся порошки. Одни из них увеличивают рост, другие уменьшают...

– Неужели вы в состоянии уменьшить или увеличить рост уже взрослого человека?

– Да, смогу сделать даже такое «чудо». Вот этот порошок радикально излечивает от ожирения, этот – худых людей превращает в полных. Словом, живи я пятьсот лет тому назад, я мог бы «заколдовывать» и «расколдовывать» людей, получая за это огромные деньги.

– И покончили бы дни свои на костре.

Цорн улыбнулся.

– Возможно. Теперь меня не сожгут живьем. Но все же допечь могут очень сильно. Косность человеческая переживает века.

Докторский приказ «разденьтесь». Престо исполнил механически. Цорн тщательнейшим образом исследовал Тонию.

– Необходимо запечатлеть всю последовательность ваших превращений, – сказал Цорн. – Одного больного я снимал в одной и той же позе каждый день киноаппаратом. Получился изумительный фильм: превращение на глазах зрителей уроды в красавца. Но такие снимки отнимают слишком много времени.

На другой день после этого Престо принял первый порошок, который должен был начать невидимую работу в его организме.

В этот день Престо долго стоял перед зеркалом, как бы прощаясь с собой.

Кощунственный поступок

Дни шли за днями, одно лекарство за другим глотал Престо. Он внимательно наблюдал себя в зеркале, но изменений не замечал. Все тот же туфлеобразный нос, те же уши-лопухи, тот же овал черепа, расширенного кверху. Престо терял терпение и уже начинал сомневаться в «магии» доктора Цорна.

Чтобы не быть центром всеобщего внимания, он давно отказался от прогулок по парку и выходил подышать воздухом только ночью. Время шло однообразно и довольно скучно. Он читал лос-анджелесские, сан-францисские и голливудские газеты, желая узнать, что там делается.

Некоторые газетные заметки невольно останавливали внимание Престо, хотя они и не относились к судьбе Люкс. В штате Калифорния, в городе Бэркли, несмотря на протесты щепетильных и стыдливых соседей, двухлетний Рольф Эллисон разгуливал голый в течение четверти часа в солнечные дни на заднем дворе своего дома. Этого требовала его мать Лилиан Эллисон. Доктор предписал ее сыну лечение солнцем. Но соседи пожаловались полиции. Один чувствительный супруг заявил, что нагота двухлетнего Рольфа страшно стесняет его жену.

Почтенный пастор Ноэль Гайнс из Франкфорта, штат Кентукки, заявил: «профессора, которые учат, что предками че-

ловека были хвостатые обезьяны, заслуживают виселицы».

В штате Арканзас в местном университете была проведена анкета по вопросу, кого они считают «величайшим музыкантом в мире». На первом месте в результате опроса оказался популярный дирижер джаз-банда Пол Уайтмен, на втором – Бетховен. Третье место заняли двое: Падеревский и Генритови, директор музыкальной школы при университете. В Эль-Пазо, штат Техас, Альфред Э. Седдон, священнослужитель пресвитерианской церкви, пользующийся большой популярностью, заявил: «Электричество, как сила природы, существовало с тех пор, как существует человек на земле, – около шести тысяч лет. И я не скажу, почему бы при божьем попечении у Адама не могло быть в его жилище радио, посредством которого он мог слушать гимны ангелов».

Другие газеты печатали совершенно невероятные факты, которые придумывал «властитель дум» Роберт Рипли. Например, Рипли открыл в Бостоне мистера Коннерса, который поставил рекорд скорости взбегания и сбегания по лестнице небоскреба. Некий Блайстон написал с помощью микроскопа тысячу шестьсот пятнадцать букв на рисовом зерне. Один французский писатель заполнил четыреста листов канцелярской бумаги знаками препинания и послал их своему издателю за то, что тот упрекнул автора в небрежном отношении к правописанию.

Французский поэт Брейтейль писал два года любовное письмо одной актрисе и написал миллион раз «я вас люблю».

Мисс Кук из Лондона писала завещание с двадцати до сорока лет, написала восемь томов и умерла, оставив пять тысяч долларов. Доктор Литтингер в Вене улыбался в течение тридцати дней...

Подобные заметки интересовали Престо тем, что они помогали изучать психологию американского обывателя, его доверчивость, проистекающую от невежества, его вкусы. Кое-что могло пригодиться и для трюков.

Но вот однажды Престо нашел и то, что искал.

Газеты сообщили о тяжелой болезни мисс Гедды Люкс. У нее произошел странный припадок, едва не окончившийся смертью. Врач, вызванный горничной, нашел мисс Люкс без чувств и посиневшей, с едва заметными признаками жизни. Врачу стоило больших трудов вернуть ее к жизни. Горничная Люкс также чувствовала себя очень плохо, хотя она оправилась от непонятного припадка раньше своей госпожи и нашла силы вызвать врача по телефону. Никаких следов угара или присутствия какого-нибудь газа, могущего вызвать подобное состояние, врачом обнаружено не было. О его причинах ни Гедда, ни ее горничная ничего определенного сказать не могли.

Только несколько дней спустя репортеру маленькой газетки удалось получить кое-какие сведения, проливающие свет на то, что произошло. По его словам, горничная мисс Люкс сообщила своему знакомому шоферу, что ее госпожа едва не умерла со смеху потому, что Престо имел дерзость сделать

ей, Люкс, предложение. «Престо был настолько смешон, что я сама едва не умерла от смеха», – говорила горничная.

Другие газеты не перепечатавали этого сообщения, считая его слишком неправдоподобным. Престо мог сделать предложение и получить отказ. Но умереть со смеху – это неслыханная вещь.

Еще через день в той же газете была напечатана заметка о том, что к странному припадку мисс Люкс Тонио Престо безусловно имеет отношение. Несколько свидетелей подтвердили, что видели Престо в то злополучное утро выходящим из виллы Люкс. Вскоре после его отъезда виллу Гедды Люкс посетил врач. Во всяком случае, от мисс Люкс не поступало никакой жалобы, и следственные власти не могли открыто приступить к производству следствия. Подозрения, падающие на Тонио Престо, усиливались тем, что он неожиданно исчез, быть может, опасаясь ответственности за свой поступок. По словам его кинооператора Гофмана, Тонио Престо уехал в Европу лечиться. Сам Гофман почти одновременно с Престо выехал на Таити.

Еще через день та же маленькая газетка, сообщавшая сплетни, оповестила мир о том, что факт кощунственного и святотатственного поступка Престо подтвердился. Тонио Престо действительно имел дерзость оскорбить Люкс предложением брака. Эта весть была подхвачена другими газетами, и поклонницы и поклонники Люкс слали в редакции тысячи писем с выражением негодования, сочувствия и собо-

лезнования «оскорбленной и оскверненной» Люкс.

«Кошунственный, святотатственный поступок! – с возмущением думал Престо. – Если бы я сейчас попался в руки поклонников Гедды Люкс, они растерзали бы меня. Вот суд толпы! Ну, что же, тем лучше! Пусть теперь мне не говорят, что я не имею права изменять свою внешность!»

Как все-таки хорошо, что Престо скоро сбросит свою ужасную личину!

Престо подошел к зеркалу и еще раз внимательно осмотрел свое лицо. Никаких перемен.

«А Люкс все же не хотела выдавать моей тайны, – думал Престо. – Горничная разболтала. Люкс! Как-то она встретит меня, когда я предстану перед нею в новом виде?»

Престо вдруг обуяло такое нетерпение, что, несмотря на присутствие в саду многих больных, он поспешил к доктору Цорну.

– Послушайте, доктор! Я не могу больше терпеть. Ваше лекарство не оказывает на меня никакого действия, – сказал Престо.

– Не волнуйтесь, – спокойно ответил Цорн. – Мое лекарство оказывает нужное действие. Но все делается не так скоро, как у вас в фильме. Лекарство действует на гипофиз и на щитовидную железу. Они должны накопить нужное количество гормонов. Гормоны действуют на клетки. Видите, сколько здесь передач? Притом не забудьте, что вам не десять лет от роду и кости ваши не столь податливы, как у ре-

банка. Когда железы, если так можно выразиться, наберутся сил, процессы изменения пойдут гораздо скорее.

Престо оглянулся и увидел красивую молодую даму или девушку, сидящую в кресле. Только сейчас он сообразил, что вбежал в кабинет врача без предупреждения, во время приема.

– Простите, – сказал он смущенно, обращаясь к даме.

Пациентка улыбнулась и сказала:

– Мы уже обо всем переговорили с доктором. – И, кивнув головой, дама легкой походкой вышла из кабинета.

– Новенькая? – спросил Престо.

– Наоборот, старенькая, – ответил, улыбаясь, Цорн.

– Но я не заметил, не видал такой среди больных...

– Да, вы не видели такой, и все же вы видели ее. Это та самая девушка, которая сидела у своей веранды в кресле, помните, мисс Веде?

– Страшное чудовище? – с удивлением спросил Престо.

– Она самая.

Престо бросился к доктору и начал жать его руки.

– Простите, доктор, что я усомнился в вашем всемогуществе!..

– До всемогущества далеко, но все же современная медицина кое-что может сделать. Идите и терпеливо ждите.

Чудо перевоплощения

Прошло еще несколько дней после этого разговора – дней, похожих на все минувшие. И вот началось «чудо перевоплощения», как сказал Престо, окончив утренний осмотр своего лица.

Зеркало не могло обмануть: провал переносицы заметно поднялся. Престо успокоился и сразу повеселел. Теперь уже не могло быть никакого сомнения: лекарства доктора Цорна пробудили внутренние силы его организма, началось преобразование его тела.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Переносица очень быстро начала принимать нормальный вид. А мясистый туфлеобразный конец носа будто «подсыхал», втягивался, словом, заметно уменьшался. Сжимались и уменьшались уши. Весь череп принимал более пропорциональный вид. И – удивительное дело! – Престо начал расти. Пальцы, руки и ноги удлинялись – это было заметно по брюкам и рукавам, делавшимся все короче.

Однажды утром к Престо явилась миловидная сестра и, поздоровавшись, сказала с улыбкой:

– Вы начинаете расти, мистер Престо. Поздравляю. Скоро этот костюм для вас будет мал. У нас имеется склад обуви, белья и костюмов разного размера. Прислать ли вам одежду большего размера или же вы будете заказывать новую? У нас

имеются белошвейки, сапожники и портные.

Какой же пациент Цорна станет носить одежду с чужого плеча! Престо, как и другие, сказал, что он будет заказывать костюмы.

Только немногие пациенты увозили с собою гардероб одежды разных размеров. Большинство оставляло эти костюмы, как шкурку сказочной лягушки-царевны, чтобы они не напоминали о прошлом. Костюмы впоследствии продавались коммерческими агентами Цорна.

Сестра кивнула головой и вышла.

Через несколько минут с Престо уже снимали мерку – портной, сапожник и белошвейка показывали образцы дорогих тканей и фасоны. Следом за ними явился шляпочник. А к вечеру Престо уже с ног до головы был одет во все новое, чтобы через несколько дней повторить эту процедуру.

Внутренние силы действовали чем далее, тем энергичнее. Раз прорвав застывшие формы, эти силы начали перестройку организма с необычайной быстротой. Тонио скоро потерял счет всем новым приобретениям и изменениям. И когда в конце первого месяца «метаморфоз» он вынул свою фотографическую карточку и сравнил с теперешним своим лицом, то сначала обрадовался, а потом даже испугался: зеркало отражало новое, чужое лицо.

Это уже не был Антонию Престо, каким он знал себя с детства. Тонио Престо потерял свое прежнее лицо... Престо стало жутко. Как будто его сознание переселилось в тело

неизвестного человека. Он пробовал делать движения руками – получалось что-то новое, довольно плавное, даже изящное, но какое-то чуждое. Физические ощущения были новыми и странными. Каждый жест удавался ему удивительно легко. Члены тела сделались гибкими, подвижными. Не было больше угловатости движений. Походка Престо, напоминая движение летучей мыши, сделалась теперь плавной и легкой. Все это было бы чрезвычайно приятно, если бы не было так ново – ново до жути.

Изменения происходили не только в организме Престо, но как будто и в окружающем мире. Ребенок растет годами, медленно и незаметно. У Престо рост происходил быстро, «не по дням, а по часам», как у сказочных богатырей. И, по мере его роста, Тонио казалось, что пространство и масштабы быстро уменьшаются. Кровать, на которой он занимал, когда приехал, не более трети длины, стала как будто укорачиваться, стулья, столы уменьшаться. Ему уже не надо было прибегать к эквилибристике, чтобы сесть на стул или в кресло. На письменном столе он все более раздвигал книги, письменные принадлежности. Он уже мог, приподнявшись на носках, самостоятельно снять с вешалки пальто, шляпу. А сколько со всем этим было возни! Раньше ему, как ребенку, ежеминутно приходилось прибегать к посторонней помощи или же возбуждать смех, делая попытки самостоятельно достать что-нибудь высоколежащее, куда-нибудь взобраться. Мир не приспособлен для карликов...

Это были приятные новшества. Но все же внутренние изменения привлекали наибольшее внимание Престо.

Тонио часами не отходил от зеркала. Он изучал свое обновленное тело. Он любовался им и удивлялся чудесам науки. Да, теперь он верил, что человеческое тело не представляет собой отлитых на всю жизнь форм, что эти формы текучи и подвижны, как вода. Надо только уметь разбудить «внутренние силы» организма, строителей живого тела – гормоны.

Гормоны, гипофиз, щитовидная железа – теперь эти слова уже не казались Престо непонятными обрывками колдовского заговора.

– И все же это очень странно, – говорил он, глядя в зеркало.

А из зеркала на него смотрел изящный молодой человек с красивым тонким носом, довольно высокий, очень стройный, худощавый.

И на этом новом теле был надет новый костюм. Престо посмотрел на старенький костюм, маленький костюм в клеточку, с короткими, почти детскими брюками. И этот костюм вдруг показался Престо жалким и трогательным. Как будто этот костюмчик остался от умершего подростка-сына или брата.

– Тонио Престо умер. Нет больше Тонио, – тихо сказал Престо.

Неожиданно ему стало жалко этого уродца, который знал

нужду, не согретое лаской детство, жизнь на улице.

Тонио вспомнил, как он мальчиком в поисках хлеба оставил родные горы и отправился на восток. Но трудно было с его ростом получить постоянную работу. В одном городе он продавал газеты, в другом служил живой рекламой – в шутовском костюме носил плакат: «Покупайте вакцину «Солнце»!» Мальчишки издевались над ним и нередко били. Пришлось снова отправиться в путь. Наконец, в одном городе ему посчастливилось попасть в бродячий цирк. Снова шутовской костюм, но здесь его не били. Он зазывал народ и имел у зевак успех. С этим цирком Престо посетил многие города и городишки Америки. В одном городе, в Калифорнии, где была киностудия, хозяину этого предприятия пришла мысль заснять бродячий цирк в картине по специально написанному сценарию. Цирк еще не успел уехать из города, как в кино уже появился новый фильм. И Престо впервые увидел на экране самого себя. Его роль была невелика – как всегда, он только зазывал.

Престо был глубоко взволнован, увидев свое изображение на экране. Тонио Престо – тогда он был еще просто Том Джонсон – вырос в собственных глазах. Если его показали на экране, на том самом экране, на котором выступали все его любимые герои, то и он сам чего-нибудь да стоит. Его охватила довольно распространенная болезнь – непреодолимое желание сниматься для экрана. Микроб этой болезни недостаточно изучен – играет ли тут роль простое тщесла-

вие, или жажда быстрого обогащения, или же бессознательное желание победить время и смерть, законсервировав на пленке хоть несколько моментов своей жизни, не известно, но сила болезни чрезвычайна.

Тонио явился к хозяину киностудии и предложил себя в качестве киноартиста. Тот только расхохотался. Тонио не успокоился. Он узнал о центре американской кинопромышленности, Голливуде, и, распростившись с цирком, отправился туда. Долго кинопредприниматели, режиссеры, операторы не хотели даже серьезно говорить с ним. Однако один умный оператор задумался и сказал директору:

– А почему бы из этого кретина не сделать второго Джекки Кутана? Этот, по крайней мере, не вырастет, как тот.

Несколько сот метров пленки в большом деле не составляют расчета. Директор согласился сделать пробу. Престо суетился и махал руками, как ветряная мельница. Режиссер безнадежно махал рукой: «Да он понятия не имеет об игре!» – но оператор не сдавался.

Фильм имел у публики неожиданный для директора и режиссера эффект. И в судьбе Престо произошел волшебный поворот...

Престо старался вспомнить всю свою жизнь. Ему хотелось проверить, знает ли новый Престо все то, что пережил старый. Не нарушило ли физическое «перевоплощение» единства сознания? Нет, память его действует нормально. Престо-новый является преемником всего психического наслед-

ства Престо-старого. И все же в психике Престо произошли немалые изменения. Престо-новый стал спокойнее, положительнее. Он лучше владеет собой, не горячится, не мечется. И это тоже очень странно. В существе Престо как будто осталась только тоненькая ниточка, соединяющая его прошлое «я» с настоящим, – ниточка единства сознания. Порвись эта ниточка, и Престо-старый умер бы окончательно, а новый молодой человек «родился» бы на свет в возрасте двадцати семи лет. А что, если в самом деле эта ниточка порвется? Тонио забудет все, что было с ним до начала лечения. Кем же он тогда будет? Тонио потер свой лоб, отошел от зеркала и опять посмотрел на себя.

– Да, Тонио Престо потерял лицо.

Злоумышленник

«Чудо перевоплощения» совершилось. Зеркало отражало не безобразного уroda, а красивого молодого человека, стройного, немного худощавого. И удивительней всего было то, что в новом Престо, с его безукоризненно правильными формами нормального человека, было нечто заставлявшее вспомнить о старом Престо, то сходство, которое мы подмечаем в двух скульптурах, различных по форме, но принадлежащих резцу одного скульптора. Доктор Цорн осмотрел свое произведение с чувством художника, удовлетворенного своей работой.

– Отлично, – сказал он. – Желаю вам жизненного успеха. Внутренние процессы переустройства вашего тела закончились, но все же вы еще недельки две внимательно понаблюдайте за своей внешностью. Если заметите в лице хоть малейшее изменение, немедленно приезжайте ко мне.

Восхищенный Престо жал руку доктора.

Тонио оставил у доктора почти все деньги, которые взял с собой, – а их было около сотни тысяч долларов. У Престо осталось только на дорогу. Он послал телеграмму Себастьяну, предупреждая его о том, что приедет завтра утром.

В назначенный час наемный автомобиль подкатил к подъезду виллы Престо. Старый слуга выбежал на широкую лестницу, спускавшуюся отлогим полукругом к усыпанной пес-

ком дороге, и вдруг с недоумением остановился. Вместо своего хозяина он увидел изящного молодого человека, который, заметив недоумение слуги, рассмеялся и сказал приятным баритоном:

– Что, не узнал меня, старина? Это я, Антонио Престо, но я побывал у врача, и он, понимаешь ли ты, изменил меня, переделал заново. Бери чемоданы!

Но Себастьян не двигался с места. Он был преданный слуга, даже больше чем слуга. На карлика Престо он смотрел, как любящая няня на ребенка, и оберегал его интересы больше, чем свои собственные. Себастьян знал, каким опасностям подвергается личность и имущество миллионера в Америке, а Престо был крупным миллионером. Себастьян с замиранием сердца читал в газетах о тех уловках и хитростях, к которым прибегают преступники, чтобы овладеть не принадлежащим им богатством. И в данную минуту Себастьян не сомневался в том, что имеет дело с одним из молодчиков, который хочет провести его и обворовать дом Антонио Престо.

– Но не на такого напал! – насторожившись, бормотал про себя старик.

Не только Себастьян, выдавший виды, но и глупый молокосос не попался бы на такую удочку. Обман был слишком очевиден. Мыслимое ли дело, чтобы человек так изменился!

– Ну, что же ты стоишь? – нетерпеливо спросил Престо.

– Уезжайте, откуда приехали! – грубо сказал Себастьян,

поднимаясь на несколько ступеней, чтобы занять на всякий случай более удобную позицию около двери. – Хозяина нет, а без него я никого не пущу в дом. Мне дан строгий приказ.

– Вот чудак, я же говорю тебе, что я сам и есть хозяин, Тонио Престо.

Престо сделал нетерпеливое движение рукой, которое чем-то напомнило Себастьяну жест старого уродца Престо. От волнения и негодования, что Себастьян не пускает его, Престо возвысил голос, и в последней его фразе: «я сам и есть хозяин, Тонио Престо», – послышались нотки фальцета карлика Тонио.

Себастьян с недоумением еще раз осмотрел незнакомого молодого человека.

«Что за чертовщина! – подумал старик. – В нем в самом деле как будто сидят два человека!»

Престо, быть может, удалось бы воспользоваться этой минутой колебания и убедить Себастьяна, если бы не вмешательство еще одного свидетеля этой сцены. Шофер заинтересовался разговором. Он искоса поглядел на Тонио. Разумеется, это не Престо. Кто же не знает Престо? Шофер был явно на стороне Себастьяна и незаметно мигнул тому, как бы предупреждая: «Не пускай в дом этого человека, он опасный».

Себастьян понял этот жест и поднялся еще на несколько ступеней. Теперь он стоял у самой двери. Престо уже терял терпение. Он тоже начал подниматься по лестнице, но Се-

бастьян зорко следил за злоумышленником. С неожиданной для своего возраста быстротой он проскользнул в дверь и закрыл ее на железный засов, на ключ, на крюк, на цепочку. В отсутствие Престо Себастьян сам придумал все эти сложные запоры и заказал их слесарю. Теперь старик был в полной безопасности и мог выдержать осаду целой шайки бандитов.

– Что, не удалось, мальчик? – с злорадной усмешкой сказал он, стоя за дверью.

Тонио начал стучать, но Себастьян не открывал двери. Ни просьбы, ни уговоры не помогли. Себастьян был тверд, как скала.

– Упрямый, глупый старик, – в сердцах выбранился Престо.

Под насмешливым взглядом шофера Тонио медленно сошел с лестницы, обдумывая свое положение. Быть может, его собственный шофер окажется толковее. Престо прошел к гаражу, рядом с которым стоял небольшой домик, где жил шофер. На двери висел большой засов.

– Вероятно, пустил мою машину в прокат, мошенник, – проворчал Престо. Ему ничего не оставалось больше делать, как остановиться в номере гостиницы. Он назвал один из лучших отелей в городе.

У Престо едва хватило денег, чтобы расплатиться с шофером. Хорошо еще, что он был в дорогом, прекрасно сшитом костюме и имел отличные чемоданы, с внушительными ярлыками лучших европейских и американских отелей. Швей-

цар с почтением открыл перед ним дверь.

– Ваша фамилия? – спросил у Тонио молодой человек в больших очках, сидевший за конторкой.

– Тонио Престо, киноартист, – выпалил Тонио.

Раньше ему не нужно было называть себя. Подавляя улыбку, швейцары, лакеи и метрдотели первыми почтительно называли его по имени. Его знали лучше, чем президента. Теперь ему пришлось назвать себя. Но этого мало. Слова «Тонио Престо» вызвали у конторщика неожиданный эффект. Он вдруг откинулся назад и несколько минут смотрел на Престо изумленным взглядом. Потом любезно, но холодно сказал:

– Вероятно, вы изволите быть однофамильцем известного Престо?

И тут Престо допустил малодушие. Он не захотел убеждать молодого человека в том, что противоречило очевидности, – этот юноша в очках, так же как и Себастьян, не поверил бы ему. Зачем ставить себя в глупое положение человека, который явно присваивает чужое имя?

– Да, однофамилец, – ответил Престо и поспешил подняться на лифте и скрыться в свой номер.

«Что же будет дальше? – озабоченно подумал он. – Оказывается, потерять свое лицо – пренеприятная вещь».

Престо проголодался. Хорошо еще, что в отеле можно было завтракать и обедать, не платя каждый раз. Престо позволил и заказал завтрак. От внимания Престо не ускользнуло,

что лакей как-то особенно смотрит на него. Видимо, весть о неизвестном молодом человеке, который имеет бестактность присвоить прогремевшее имя, уже обошла весь отель.

Престо позавтракал и повеселел. В конце концов все объяснится, и он сам будет смеяться над своими злоключениями.

Теперь он решил осуществить свою давнишнюю мечту, которую лелеял все время, пока находился в лечебнице Цорна: Престо решил сделать первый визит Гедде Люкс. Он извинится перед ней и... Как-то она теперь примет его?

Престо еще раз критически посмотрел в зеркало и нашел, что он – настоящий красавец. Вот когда он сможет играть роли в высоких трагедиях! Мечта его осуществится... Он – Ромео, Гедда – Юлия... Престо стал в позу и протянул руки к воображаемой Юлии. «Великолепно... Неотразимо. Она не устоит. Теперь она не откажет мне!» – подумал он и, переодевшись в новый костюм, вышел на улицу.

Снова отвергнутый

Вилла Гедды Люкс находилась за городом, недалеко от ки-ногородка мистера Питча, в полумиле от собственной вил-лы Тонио. У Престо не осталось денег, чтобы нанять авто-мобиль.

«Придется идти пешком», – думал он. И тут же утешил себя, что моцион – очень полезная вещь. Однако он скоро убедился, что даже самые полезные вещи приятны только то-гда, когда их имеешь в меру. Для сокращения пути он решил идти по новой, только что проложенной дороге.

Жара стояла нестерпимая. Белое шоссе, еще не покрытое гудроном, блестело так, что глазам было больно. Вдобавок по шоссе все время туда и обратно сновали автомобили, кото-рые так пылили, что Престо задыхался. Он давно успел поза-быть, что автомобили оставляют позади себя так много пыли и что они могут доставлять столько неприятностей челове-ку, который принужден плестись по дороге. А автомобили-сты как будто издевались над пешеходом и, проезжая мимо, так вызывающе ревели в свои гудки и пускали столько пыли в глаза, что Престо сжимал кулаки от негодования.

Никогда еще знакомый путь не казался ему столь длин-ным.

Когда Престо добрался наконец до виллы Люкс, то вид у него был очень непрезентабельный. Лицо и воротничок по-

чернели от грязи и пота, волосы слиплись, костюм и ботинки покрылись слоем пыли. Он осмотрел себя и начал колебаться, показаться ли ему перед Геддой в таком виде. Но желание скорее увидеть ее заставило решительно нажать кнопку звонка. Дверь открылась, и Престо увидел ту самую горничную, которую он едва не убил смехом вместе с ее госпожой. Девушка не узнала его. Она несколько презрительно осмотрела его костюм, но, взглянув на лицо, приветливо улыбнулась. Эта улыбка ободрила и окрылила Престо.

– Я хотел бы видеть мисс Люкс.

Тысячи молодых людей, мечтающих о славе киноартистов и артисток, желают видеть мисс Люкс в надежде воспользоваться ее протекцией. Десятки тысяч людей всех возрастов и обоих полов сочли бы за счастье лицезреть «божественную» Люкс. Но у нее не хватило бы времени на работу, если бы она начала принимать всех проходящих.

– Мисс Люкс нет дома, – ответила горничная обычной фразой.

Но Престо знал эти уловки.

– Для меня она должна быть дома! – сказал он многозначительно. – Я ее старый друг, и она будет очень рада видеть меня. – Девушка усмехнулась при слове «старый». – Да, да, не смейтесь, – продолжал Престо. – Я знал Гедду, когда она была еще совсем маленькой девочкой. Я приехал на несколько дней по делам и решил повидаться с нею. Но по дороге мой автомобиль сломался и... – он многозначительно пока-

зал на свой костюм, – мне пришлось идти пешком.

– Как о вас прикажете доложить? – уже совсем любезным тоном спросила горничная.

Опять этот роковой вопрос!

– Видите ли, – замялся Престо, – я хочу сделать мисс Люкс сюрприз. Скажите мисс, что ее хочет видеть старый Друг.

Горничная приоткрыла дверь, впустила Престо в большую приемную и отправилась доложить своей госпоже, попросив Престо подождать ответа. Это была уже полупобеда.

«Женщины любопытны, – думал Престо. – Гедда, наверно, захочет посмотреть старого друга, в особенности после того, как горничная опишет ей мою наружность. А она наверно сделает это...»

– Пожалуйста, мисс просит вас пройти к ней в будуар, – сказала горничная, и Престо, волнуясь, прошел в знакомую комнату, утопавшую в мягких коврах, на которых были разбросаны пуфы, подушки, львиные и медвежьи шкуры.

Люкс полулежала на кушетке и при входе Престо поднялась и с недоумением посмотрела на него. Опять обман! К каким только ухищрениям не прибегают эти поклонники и охотники за славой...

– Что вам угодно? – сухо спросила она.

Престо поклонился.

– Мисс, я не обманул вас. Я – ваш старый друг, хотя вы не узнаете меня. – Его приятный баритон и искренность тона произвели благоприятное впечатление.

– Прошу вас! – сказала Люкс, указывая на маленькое кресло.

Престо сел в кресло. Люкс опустилась на кушетку, минуту длилось молчание. Потом Престо начал говорить, многозначительно поглядывая на Люкс.

– Чтобы убедить вас в том, что я не обманул вас, я могу рассказать вам то, чего никто не знает, кроме вас и... еще одного человека. Я повторю вам, что говорил вам Тонио Престо в последнее свидание с вами, а также и то, что вы отвечали ему. Повторю от слова до слова.

– Он вам передавал это? – спросила Люкс.

Тонио улыбнулся.

– Да, он мне передавал это. Он очень извинялся, что причинил вам... беспокойство, заставив вас смеяться так много...

– Я едва не умерла.

Престо утвердительно кивнул головой.

– Я знаю это.

– Но при чем тут вы? – спросила Гедда. – Тонио просил вас передать его извинение?

– Да, он... завещал мне это.

– Он умер? – с испугом спросила Гедда.

Тонио не ответил на ее вопрос.

– Позвольте напомнить вам, что вы ответили ему на его предложение.

– Боже мой, но я не могла предположить, что мой отказ

убьет его. Он был вашим другом. И теперь вы как будто явились мстить за него...

– Прошу вас, не спешите делать выводы и выслушайте меня. Итак, вы тогда сказали Престо, что между ним и вами стоит непреодолимая преграда. И эта преграда – его уродство. Ведь так? Значит, если бы не было этой преграды... он имел бы шансы?

– Да, – ответила Гедда.

– Так вот, – сказал Престо, – теперь этой преграды не существует. Антонио Престо не умер, но переменял свою внешность. Антонио Престо – это я. Ведь вы не можете сказать, что я безобразен?

Престо поднялся с кресла и сделал несколько шагов, как «живой манекен» в магазине модных костюмов. Люкс невольно откинулась назад. В глазах ее отразился ужас. Мысль ее напряженно работала. Кто этот странный человек? Сумасшедший? Преступник?..

– Что вам от меня надо?.. – спросила Гедда, едва владея собой.

– Я пришел за ответом и уже получил его, – ответил Престо. – Вы сказали: «Да».

– Но вы не Престо... Прошу вас, не мучайте меня! Что вам надо?

– Успокойтесь, мисс Люкс. Вам не угрожает опасность. Я не сумасшедший и не бандит. Я знаю, вам трудно поверить в то, что вот этот неизвестный молодой человек, разговари-

вающий с вами, есть действительно отвергнутый вами Антонио Престо. Но я постараюсь убедить вас в этой невероятной вещи.

И Престо рассказал Гедде все, что произошло с ним после свидания, показал вырезки из газет о «чудесных превращениях» доктора Цорна, наконец, вынул фотографии, отметившие все этапы эволюции, происшедшей в теле Престо. Эти фотографии были убедительнее всего. И все же, когда Гедда, оторвав взгляд от фотографий, посмотрела на красивого молодого человека и мысленно представила себе старого Тонио Престо, ее разум отказывался верить, что такие превращения возможны.

Она задумалась. Наступило молчание, которое Престо не нарушал. Он ждал ответа Гедды, как приговора. Наконец Люкс подняла голову и сказала:

– Мистер... Престо... – Это начало не понравилось Тонио. Раньше Гедда не называла его так официально, обращаясь к нему по-товарищески: «Тонио». – Допустим, что все так, как вы говорите. Стена уродства не стоит перед нами. Но...

– Какое же еще может быть «но»?.. – нетерпеливо спросил Престо.

– Я выслушала все, выслушайте теперь вы меня. Помните наш разговор, когда вы еще были уродом Тонио. Я говорила вам о том, что положение обязывает. Преклонение толпы много дает, но и много требует. Я возвеличена волею

той толпы, которая посещает кино. И я не должна ссориться с толпой. Я говорила, что толпе было бы приятнее всего, если бы я осталась вечной невестой. И тогда каждый клерк, каждый метельщик улиц, хранящий мой портрет, мысленно представлял бы себя в роли моего «героя». Толпа еще простит мне, если я выйду замуж за подлинного героя...

– За бога или полубога – сказали вы тогда.

– Да, за тех, кого превозносит сама толпа.

– Но разве Престо не бог? – гордо спросил Тонио.

– Вы больше не Престо. В этом-то и весь вопрос. Вы были бог-страшилище, но вы были неподражаемы в своем безобразии. Теперь вы красивы, как Нарцисс, но таким вас не знает толпа. Вы превратились в безвестного красивого юношу. А безвестная красота – это хуже, чем прославленное безобразие Престо. Я не хочу, не могу допустить, чтобы про меня сказали, что стареющая Люкс – а я ведь старше вас на два года, вы это знаете, – что стареющая Люкс купила себе на свои миллионы молодого мужа, бездарного, неизвестного, но смазливого юношу. Да едва ли и вы сами согласитесь быть «мужем знаменитости». Для мужчины с самолюбием это непривлекательная роль. А вы избалованы славой и успехом.

– Кто вам сказал, что я никому не известен? Разве я не Тонио Престо? Престо надел на себя новую маску. Но разве он перестал быть Тонио? Разве мой талант не остался тем же? Раньше я смешил людей, теперь буду потрясать их сердца. Я

был комик, паяц, теперь буду трагик. О, как я буду играть! Поверьте мне, зрители будут потрясены до глубины души, когда увидят на экране Престо-трагика. Если я был полубогом, то стану богом...

– «Буду, буду, стану»... Это все только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...

– Зачем вы говорите мне все это? Разве я не знаю, что стать знаменитостью нелегко? Но ведь я... допустим даже, что я никому не известный юноша. Но у меня есть хорошее наследство, оставленное мне Тонио Престо: общепризнанный талант, великолепное знание артистической техники, наконец, связи...

– Но у вас нет главного: невероятно смешного туйфлеобразного носа Тонио Престо. И толпа не признает вас.

– Я заставлю ее признать. Смотрите же, это последняя отговорка. И если я приду к вам, увенчанный славой и преклонением толпы...

– Тогда мы продолжим этот разговор. Но помните, Престо, я не даю никаких обещаний и ничем себя не связываю.

– Вы влюблены? У вас есть жених? – спросил Престо.

– У меня есть живое сердце и свободная воля, Престо. Идите добывать вашу славу!

Это наш нос, а не ваш

Пробраться к мистеру Питчу обновленному Тонио Престо оказалось еще труднее, чем к Гедде Люкс. Драгоценнейшее время мистера Питча охраняло несколько слуг, немых и глухих ко всяким доводам, мольбам и убеждениям. Отчаявшись в силе словесного оружия. Престо решил прорвать блокаду. Он оттолкнул лакея и быстро пошел вперед. К счастью, Тонио хорошо знал расположение комнат и потому без особого труда добежал до кабинета мистера Питча и успел скрыться за дверью.

Престо увидел знакомый ему кабинет, уставленный глубокими кожаными креслами, устланный ковром и украшенный по стенам фотоснимками и портретами киноартистов. На видном месте, в центре стены, красовался его собственный портрет. Тонио Престо был снят в натуральную величину и изображал Отелло с платком Дездемоны в руках. Сколько раз Престо бывал в этом кабинете! Питч всегда был неизменно любезен с ним, предлагал хорошую сигару, усаживал в кресло, ухаживал за ним, как за дорогим гостем.

Мистер Питч сидел на своем обычном месте, у открытого американского бюро, и разговаривал с юрисконсультлом мистером Олкоттом.

– В контракте обусловлена неустойка в пятьсот тысяч долларов, – говорил мистер Питч, не обращая внимания на Пре-

сто. – Если мистер Тонио Престо сбежал неведомо куда, не закончив съемки начатого фильма «Любовь и смерть», то он, Престо, обязан уплатить неустойку и убытки. Коммерческая часть даст вам справку, во сколько обошлась нам постановка незаконченного фильма по день исчезновения Престо и сколько мы теряем от того, что не пустим этой картины в прокат. Получится весьма солидная сумма. Подготовьте иск.

– Но к кому мы будем предъявлять его? – спросил юрист-консульт. – Не лучше ли подождать возвращения Престо? Быть может, его и в живых нет. Ходят разные слухи.

– Тем более. Мы назначим опеку для ответа на суде и наложим арест на его имущество. Неужели вы не понимаете моей цели?

Разговор этот был прерван появлением лакея, который, потоптавшись за дверью, решил нарушить строгий регламент и войти в кабинет без доклада, чтобы оправдать себя за свое невольное упущение.

– Простите, мистер, – сказал лакей, – вот этот мистер – и лакей глазами указал на Престо, – самовольно вошел в ваш кабинет, несмотря на все мои...

Мистер Питч посмотрел на Престо. У мистера Питча были свои правила. Он строжайше наказывал слугам не пропускать к нему «шляющихся молодых людей», но уж если кто-либо из них так или иначе пробирался в его кабинет, мистер Питч был любезен и не подавал вида, что это вторжение неприятно ему.

Мистер Питч кивнул головой, приказывая лакею выйти, и очень любезно спросил мистера, пожаловавшего к нему, что мистеру угодно.

– Я могу сообщить вам кое-какие сведения об Антонио Престо, – сказал Тонио.

– Ах, вот как! Это интересно. Говорите скорее, он жив?

– И да, и нет. Вот такого, – Тонио показал на свой портрет в золоченой раме, – такого Престо нет. Тонио Престо жив, и он стоит перед вами в своем новом облике. Я – Тонио Престо.

Питч вопросительно посмотрел на Олкотта.

– Вы не верите мне, это вполне понятно. Родная мать не узнала бы меня, но я сейчас докажу вам, что я – Тонио Престо.

– Пожалуйста, не трудитесь доказывать, я вполне верю вам, – поспешно ответил мистер Питч. – Что же вам угодно, ээ... мистер Престо?

– Я слышал отрывок разговора о том, что вы хотите предъявить ко мне иск за то, что я уехал, не закончив сниматься в фильме «Любовь и смерть». Можете не предъявлять иска. Я уплачу вам неустойку и убытки. Но этот фильм должен быть заснят вновь. И я опять буду играть в нем роль мейстерзингера. Только новый фильм будет уже не комедией, а трагедией.

– Да-с, трагедией... – неопределенно подтвердил Питч. – Вы хорошо осведомлены о наших делах. Но... Это не прой-

дет, молодой человек.

– Значит, вы не верите мне, что я Тонио Престо.

– Верю, верю, но... но вы Тонио Престо... совсем из другого теста. Вы нам не нужны, кто бы вы ни были. Такими штампованными Аполлонами, как вы, хоть пруд пруди, а Тонио Престо был неподражаем, неповторим в своем уродстве. Это был уникал. И если вы действительно перевоплотившийся Тонио Престо, чему я... верю, то по какому праву вы могли делать это перевоплощение? Вы заключили с нами генеральный договор на десять лет и ряд отдельных договоров на ваше участие в тех или иных фильмах. Ни один цивилизный лист короля не стоит столько ни одному государству, сколько стоили нам вы. За что мы платили вам эти сумасшедшие деньги? За ваш неподражаемый нос. Мы купили его у вас дороже, чем на вес золота. Где же она, эта драгоценность? Что вы сделали с ней? Брильянт величиною в туфлеобразный нос – дешевая побрякушка по сравнению с носом мистера Престо. Вы не имели ни морального, ни юридического права лишать нас вашего носа. Это был наш нос, а не ваш. Да, да! Нос Тонио Престо принадлежал всем, как чудесный дар природы. Как смели вы лишить общество этого дара? Вы видите, я обращаюсь к вам как к Тонио Престо. Что вы скажете в свое оправдание?

– Я найду свое оправдание не в словах, а в делах. Дайте мне выступить перед объективом, и вы увидите, что новый Престо дороже старого...

Питч подскочил в кресле.

– Вы не Престо! Теперь я вижу, что вы не Престо. Вы – молодой человек, мечтающий стать кинознаменитостью. Вы подслушали наш разговор о Престо и повели рискованную игру. Тонио Престо не сказал бы того, что говорите вы. Тонио Престо знает, что талант – дело второстепенное. Главное – реклама. С талантом нередко люди погибают под забором, в неизвестности, никем не оцененные и не признанные, а рекламой можно вознести бездарность на вершину славы. Престо был бесподобен, великолепен, очарователен. Но пусть черти сожгут меня, как старую киноплёнку, если таких же Тонио не найдутся десятки в ярмарочных балаганах...

– Вы сами только что говорили о том, что Престо и его нос – уникам.

– Да, говорил и буду говорить. Потому что на рекламу этого носа мною затрачено больше миллиона долларов, прежде чем этот нос показался на экране. Слава всякого киноартиста прямо пропорциональна суммам, затраченным на рекламу. Это хорошо знал Тонио Престо, как бы он ни ценил себя. Не делайте трагических жестов. Допустим, что вы самый настоящий Тонио Престо, то есть что вы были им. Допустим, что душа, талант у вас остались престовские. Что я, аппаратом душу снимаю? Как бы вы ни были гениальны, будь вы трижды гений, публика не знает вас, и в этом все ваше несчастье. А делать из вас нового Престо, Престо-трагика, – это

слишком хлопотливо, накладно, скучно. Довольно. Я временно прекращаю производство кинозвезд и гениев. Слишком дорого. Вы не нужны нам, молодой человек. Кланяйтесь нашему старику Тонио Престо, если вы увидите его, и скажите, что мы с нетерпением ожидаем его и отечески облобызаем святейшую туфельку.

– Я все же настаиваю...

– И напрасно. Я допускаю, что вы – гений. Но публика поверит в гениальность только тогда, когда я украшу путь гения радугой банковых билетов, а они мне нелегко достаются. Желаю вам успеха на каком-нибудь другом поприще. Может быть, вам удастся поступить к адвокату клерком или в банк счетоводом. Это даст вам немного, но кто же виноват? Вы сами изгнали себя из рая, если вы действительно были Тонио Престо. – Питч позвонил и приказал лакею проводить молодого человека.

Игра была проиграна.

– Кто этот молодой человек? Сумасшедший или жулик? – спросил юрисконсульт мистера Питча, когда дверь закрылась за Тонио. – Вы говорили с ним так, как будто наполовину верили тому, что он действительно Тонио Престо.

– Не наполовину, а почти на все сто процентов. Дело в том, что Гедда Люкс звонила мне по телефону. Она уверяла меня, что видела фотографии и разные документы, бесспорно подтверждающие, что Тонио Престо изменил свой внешний вид при помощи какого-то лечения. И только когда

он заговорил об испытании его как киноартиста, я, признаюсь, немного усомнился в том, что он бывший Антонио Престо. Осел! Он сам загубил себя. Он конченный человек. Он слишком избалован деньгами и успехом, чтобы перейти на более скромное амплуа в жизни. Привыкнув широко жить, он быстро промотает состояние, движимое и недвижимое. Вот почему я спешу предъявить иск.

– Вы дальновидны, как всегда! – польстил Олкотт своему патрону.

Мистер Питч закурил новую сигару, пустил струю дыма вверх и, когда дым растаял, сказал глубокомысленно:

– Вот так и слава. Когда нет денег на сигары, исчезает и дым славы.

Олкотт почтительно выслушал этот неудачный афоризм, как перл мудрости.

За счёт былой славы

Тонио был огорчен неудачей, жажда томила его. Выйдя от Питча, он почувствовал слабость в ногах. А ему еще предстоял длинный и томительный обратный путь. Теперь Тонио шел по прекрасной широкой дороге киногородка, мимо надземных построек, где помещались лаборатории, мастерские, дома и отели артистов и служащих.

На правой стороне дороги, возле громоздкого здания – склада декораций, находился небольшой ресторан, который охотно посещался в дни съемок статистами, проводившими здесь томительные часы ожидания. Тонио машинально опустил руку в карман в надежде найти мелочь. Но, кроме измятого носового платка, в кармане ничего не было. Престо вздохнул и хотел пройти мимо ресторана, однако соблазн был так велик, что Тонио в раздумье замедлил шаги и наконец вошел в ресторан.

За мраморным столиком сидели двое начинающих киноартистов, блондин и брюнет. Брюнет недавно выдвинулся из статистов в буквальном и переносном смысле: он еще играл в толпе, но режиссер выдвигал его вперед так, что зрители могли выделить его из массы статистов. Еще немного, и ему дадут маленькую эпизодическую роль. Тогда он будет настоящим киноартистом. А режиссером, выдвинувшим молодого человека, был сам Тонио. Этот молодой человек – как его

фамилия? Смит. Один из миллионов Смитов... Ради Престо он бросился бы в огонь и в воду... Но, увы! Тонио не был похож на самого себя. И Смит, конечно, не поверит Тонио... Молодые люди пили фруктовую воду. Невыносимо! Престо как бы невзначай остановился у столика двух молодых людей.

– Кажется, мистер Смит? – спросил Престо брюнета, приподнимая шляпу. – Не узнаете? Я – Джонсон. Снимался в толпе в фильме «Любовь и смерть».

Смит сухо откланялся. Он не может знать фамилии всех тех, кто составляет безликую толпу.

– А я привез вам привет от Тонио Престо, вчера я видел его, – продолжал Тонио.

Это известие произвело необычайное впечатление. Молодые люди оживились. Смит любезно поставил стул и позвал лакея.

– Неужели? Где вам удалось видеть его? Что вы хотите? Коктейль?

– Оранжед. Два, три оранжада!.. Ужасно жарко, – сказал Престо. – Да, я видел его вчера.

– И он действительно помнит обо мне? – интересовался Смит.

– Как же, он сказал, что из вас выйдет толк. А если Престо сказал... Уф... Прекрасный напиток.

– Но где он? Что с ним?

– Лечится. Я навещал свою сестру и случайно увидел его

в лечебнице доктора Цорна.

– Престо болен? Надеюсь, ничего серьезного? Я читал, что он уехал лечиться. Но чем он болен?

– Престо меняет амплуа. Из комиков переходит в трагики. И для этого он решил переменить внешность. Цорн делает чудеса. Из Престо он сделал молодого человека... как две капли воды похожего на меня.

Смит даже рот раскрыл от изумления.

– Сумасшедший! – наконец убежденно проговорил он.

– Безумец! – подтвердил его товарищ.

– Но почему же? – спросил Престо.

– Потому, что ему теперь цена такая же, как... нам с вами...

Престо, утолив жажду, отправился пешком в город, мимо своей виллы и белой виллы Гедды Люкс.

«Однако как быстро и низко я падаю, – думал он, шагая по шоссе. – Я начинаю жить за счет былой славы, побираюсь в трактирах, как последний бродяга, вызывая расположение к себе тем, что я знаком с самим собой. Нет, так дальше не может продолжаться... Но что же делать? Как хочется есть... Человек, потерявший лицо...»

Подходя к гостинице, Престо привел в порядок, насколько мог, свой запыленный костюм, чтобы не привлекать к себе подозрительного внимания отельной прислуги. Он незаметно проскользнул к себе в номер, вымылся и переоделся. К счастью, в его чемодане был запасной костюм и свежее бе-

лье.

Он заказал обед, как в былое время, обильный, изысканный, дорогой. Плотно пообедав, Антонио улегся спать, попросив не беспокоить его, и проснулся только в десять часов вечера. Еще перед сном в его голове созрел план дальнейших действий. Он не стал мешкать, быстро оделся и, передав ключи от номера коридорному, вышел из отеля.

Кража со взломом

Огни города остались позади. Престо предстояло еще раз измерить расстояние от отеля до своего дома. Но теперь идти было легче. Вечерняя прохлада освежала, Престо бодро шагал по шоссе. Время от времени ему встречались прохожие – плохо одетые люди, бродячая, бездомная Америка.

В стороне от шоссе на пригорке, в тени эвкалиптов стояла красивая вилла. Его вилла! Сколько воспоминаний связано с нею. Когда-то ему казалось, что иметь собственную виллу – вершина жизненных успехов. С каким увлечением он строил эту виллу сначала в мечтах, а потом и на самом деле! Сколько изобретательности и вкуса проявил он, обдумывая общий план и каждую мелочь. В его вилле не должно быть пошлой аляповатой роскоши. Все должно быть просто, строго и вместе с тем изящно. И ему это удалось. Его виллой восхищались. О ней писали. Ей подражали.

Особенно много остроумия он вложил в то, чтобы приспособить обстановку к своему маленькому росту. Глядя на мебель, никто не сказал бы, что она создана для детей и карликов. И вместе с тем это не была обычная мебель. Одни кресла и стулья имели сиденья, расположенные ниже обычного, а другие – скрытые ступеньки и скамеечки, выдвигающиеся при нажиме кнопки.

Да, прекрасная вилла была у Престо! Сколько раз вот на

этом самом повороте автомобиль круто сворачивал, и через несколько минут Престо подкатывал к подъезду. За сотню метров шофер криком сирены предупреждал о приезде хозяина – Престо неизменно встречал у широко открытой двери его верный слуга, старый Себастьян. И вот теперь Престо вздохнул и направился к дому, медленно поднимаясь в гору.

Было около одиннадцати часов вечера. В боковом окне светился огонек, Себастьян еще не спал. Тонио осторожно прошел возле решетки сада до группы молодых кипарисов, улегся на теплый песок. Звезды ярко светили над головой. Пахло эвкалиптом. Время от времени на шоссе виднелись огни автомобилей и звучали гудки.

Двенадцать... Огонек в крайнем окне все еще светился. Неужели Себастьян сторожит ночи напролет? От него всего можно ожидать.

Все реже пролетали, как светящиеся жуки, освещенные фарами автомобили. Престо не терпелось. Он поднялся и начал медленно и осторожно перелезать через высокую железную ограду. Он знал, что ворота запираются на ночь. Хорошо, что во дворе нет собак. Престо не любил их, потому что собаки не выносили его суетливых движений и всегда лаяли на него. И потому, несмотря на все уговоры Себастьяна, Престо запретил держать дворовых собак. Теперь он был очень рад этому: он мог безопасно подойти к дому. Престо привлекало окно, в котором еще светился огонь. Тонио осторожно поднялся к нему. Штора была спущена. Спит или не спит

Себастьян? Быть может, святающееся окно – только его военная хитрость, которая должна была отпугивать от дома злоумышленников. Тонио подождал еще полчаса.

Наконец в час ночи он решил, что пора действовать.

Престо прошел к противоположному углу дома и приподнялся к окну. Рама была закрыта. Надо выдавить стекло. Но как это сделать бесшумно? Престо пробовал осторожно нажимать на стекло, чтобы оно треснуло. Но оно не поддавалось. Разбить? Это может привлечь внимание старика, если он не спит. Престо нажал стекло легонько плечом. И вдруг стекло с треском разбилось.

«Кончено!» – подумал Престо, отбегая в сторону. Он перелез через ограду, лег на землю и начал смотреть, выжидая, когда Себастьян выйдет из дома или откроет окно. Но дом по-прежнему был молчалив. Прошло несколько минут. Никаких признаков жизни. Престо вздохнул с облегчением. Себастьян крепко спит. Стекло разбито. Главное сделано.

Престо вновь перелез через ограду и подошел к разбитому окну. Он осторожно начал вынимать осколки. Когда осталось вынуть всего несколько кусков, Престо поторопился и порезал себе указательный палец на правой руке. Замотав его носовым платком, он влез в окно и уверенно пошел по комнатам.

Странное чувство овладело им. Антонио был у себя, в своем собственном доме, где каждая вещь была знакома ему, и тем не менее он должен был красться, как вор. Да он и

был «вором». Он пришел сюда затем, чтобы украсть деньги из своего собственного несгораемого шкафа. Осторожно ступая, он прошел через столовую со стенами и мебелью из черного резного дуба, большую овальную гостиную с белым роялем, поблескивавшим в темноте, библиотеку, уставленную столами, шкафами и стеллажами. Здесь надо быть осторожным, чтобы не наткнуться на одну из лесенок, разбросанных в проходе. Вот, наконец, и кабинет. Несгораемый шкаф в стене возле письменного стола. 5-6-27-15-9 и под ними 32-24-7-8-12. Так нужно повернуть номера на двух кольцах, чтобы ключом открыть замок. Сложная система. Великолепно. Хорошо, что новый Престо получил в наследство память старого Престо и эта память не изменила ему. Разве это не доказательство того, что он тот же Престо или, по крайней мере, законный наследник его капиталов и всего имущества?

Престо начал набивать карманы банковскими билетами. И вдруг ему показалось, что в соседней комнате слышатся крадущиеся шаги. Престо окаменел и затаил дыхание... Нет, все тихо... Померещилось. Он вновь принялся за работу. Неожиданно вспыхнувший свет электрического фонаря ослепил Престо и парализовал его движения.

– Руки вверх!

В дверях стояли четыре полисмена с направленными на Престо револьверами. Престо растерянно посмотрел на них. Он был безоружен. Кабинет имел только один выход. Выпрыгнуть в окно? Но Престо по своей неопытности не поза-

ботился открыть его. А пока он будет открывать окно, полисмены успеют схватить его или убить... Сопротивление невозможно. Престо покорно поднял руки вверх. И в это время из другой комнаты, за спиной полисменов, послышался чей-то злорадный, раскатистый старческий смех.

– Я говорил вам, – узнал Престо голос Себастьяна, – что этот молодчик пожалует сюда.

Через несколько минут Престо уже сидел со стальными наручниками в полицейском автомобиле. В полиции с Престо сняли предварительный допрос и очень смеялись, когда он называл себя Тонио Престо. Тонио был так возмущен грубостью обращения, что не стал доказывать своей правоты, но потребовал, чтобы завтра же утром ему устроили свидание с прокурором.

– Не спешите. Свидание с прокурором всегда предшествует свиданию с палачом. А за вами найдутся, вероятно, такие делишки, за которые вам придется пяток минут посидеть на электрическом стуле, – сказал допрашивавший Престо сержант.

Необычный судебный процесс

Наутро Престо предстал перед лицом не прокурора, а судьи, который оказался большим буквоедом. Впрочем, буквоедство это имело и особые причины. Престо не знал, что Питч принял меры к тому, чтобы новый Престо не был признан правопреемником имущества карлика Престо. Если бы право нового Престо было немедленно признано, он мог лично выступить на суде, пригласить в защиту своих интересов виднейших адвокатов, пустить в ход деньги – все это осложнило бы дело. Опека гораздо больше устраивала Питча. Опекун для ответа на суде вместо «безвестно отсутствующего» Престо был бы выдвинут Питчем из своих людей, и такой опекун, конечно, поспешил бы признать все требования Питча. Нужно было, во всяком случае, затянуть, запутать дело, и судья успешно делал это. Несмотря на то, что Престо очень убедительно доказывал, что он есть Антонио Престо, только изменивший свой вид, что о краже не может быть и речи, судья стоял на своем:

– Допустим, что ваши фотографии настоящие, а не ловко подобранная коллекция похожих людей; допустим, что доктор Цорн, если я удовлетворю вашу просьбу и вызову его в качестве свидетеля, подтвердит все сказанное вами; допустим, что знаменитый киноартист, который мне самому доставлял немало веселых минут, и вы, совершенно не похо-

жий на него молодой человек, одно и то же лицо, хотя лица у вас и разные. Все это не изменяет положения. Еще древние римские юристы находили, что слово кража, «фуртум», происходит от слова «фурва» – мрак, тьма, так как кража обыкновенно совершалась «клям, обскуро эт плэрумквэ». О! – Судья поднял палец вверх. – Это значит: тайно, во мраке и преимущественно ночью. Вы совершили тайно, во мраке, ночью.

– Но позвольте, – возражал Престо. – Насколько мне известно, при краже всегда предполагается похищение чужого имущества, а это имущество мое.

– Вы не доказали и этого. Вы должны были законным путем восстановить вашу личность.

– Вернуть мой прежний вид?

– Это было бы лучше всего. По крайней мере, судебным порядком, на основании всех имеющихся у вас данных, обязаны были доказать ваше тождество с исчезнувшим Тонио Престо.

– Но для этого мне необходимо собрать документы, навести справки и прочее. Я прошу освободить меня до суда из-под ареста.

– Под залог. Пять тысяч долларов.

– Разве того, что отняли у меня в полиции, недостаточно? Там было около ста тысяч долларов.

– Это еще спорное имущество.

– Другого я не имею. Но послушайте, – взмолился Пре-

сто, – какое же вам еще нужно обеспечение? Разве я могу убежать от суда, если от разрешения этого дела зависит все мое благосостояние? Мое имущество превышает сотню миллионов. Неужели я убегу от них?

Судья задумался. Довод показался ему убедительным. Конечно, Престо не убежит от миллионов. И, конечно, Престо есть Престо. Судья и раньше слышал о Цорне и о чудесах, которые он производит. Престо не первому приходится доказывать свое тождество. Но главное не это. Главное – миллионы, которые вернутся в руки Престо. Совсем не пустое дело – оказать в трудную минуту услугу миллионеру. Мистер Питч, видимо, будет недоволен? Но что же делать? Судья сделал, что мог...

Юриисконсульт Питча недаром назвал своего патрона предусмотрительным. Мистер Питч, очевидно, предвидел и такого рода колебания судейской совести и постарался оградить свои интересы с другой стороны.

Судья собирался уже отпустить Престо, но в этот момент судье был подан срочный пакет от прокурора, который требовал отложить разбор дела гражданина, именующего себя Тонио Престо, и не принимать никаких действий, так как в этом деле имеются некоторые обстоятельства, вызывающие вмешательство прокуратуры.

Судья прочитал письмо и, махнув бумажкой, сказал:
– Не могу. Ничего не могу сделать. Ваше дело будет слушаться с участием прокурора. Пока вы должны отправиться

в тюрьму.

Никакие доводы больше не помогли. И из полицейского участка Престо был переведен в тюрьму.

Начался один из самых запутанных, курьезных процессов, которые когда-либо слушались в американских судах. Процесс этот оказался настоящей золотиносной жилой для газетных корреспондентов. Не только газеты, но и толстые журналы обсуждали казуистическое сплетение обстоятельств.

Имеет ли человек право изменять свой внешний вид?

Будет ли кражей похищение собственного имущества?

Действительно ли Престо превратился в новую личность?

Нужно ли Престо-новому утверждаться в правах наследства Престо-старого или же Престо-новому достаточно доказать свою идентичность с прежним Престо?

Имела ли бы право жена Престо, если бы он был женат, требовать развода на том основании, что ее муж изменился до неузнаваемости?

Не поведут ли такие изменения к новым преступлениям?

Не получают ли преступники «шапку-невидимку», скрывающую их от представителей власти?

Как смотрит на такое превращение церковь с точки зрения норм религии и морали?

Не угрожают ли эти метаморфозы всем устоям нашего социального строя?..

Каждый из этих вопросов открывал необозримые возможности блеснуть своим остроумием и показать свою эру-

дицию.

Прокуратурой были собраны новые данные не в пользу Престо.

Служащий отеля, в котором остановился Престо по возвращении из лечебницы доктора Цорна, сообщил, что Престо сам по прибытии в отель признался в том, что он Престо, не настоящий Престо, а однофамилец киноартиста. Кроме того, из гражданского отделения суда была прислана справка о том, что мистер Питч успел наложить арест на капиталы и запрещение на недвижимое имущество Престо в обеспечение иска по договору в день, предшествующий краже. Таким образом, Престо мог обвиняться в попытке скрыть имущество, служащее обеспечением иска. Престо оставалось только утешаться тем, что показания Цорна и нескольких больных, лечившихся у него, были в его пользу. Престо – не обманщик, а действительно Тонио Престо, изменивший свой прежний вид. Однако это мало помогло ему. Прокурор, самолично побывавший в лечебнице Цорна, был поражен всем виденным. Вопреки обычаю, он дал интервью газетным корреспондентам и высказал свой взгляд на вещи. Увы, перевоплощение Престо оказалось действительно «трудным случаем в практике» Цорна.

– Основой нашего государственного строя является право частной собственности, – заявил прокурор. – Всякая собственность предполагает не только объект, но и субъект права собственности, проще говоря – собственности без соб-

ственника не бывает. Будь это индивидуальная собственность или групповая, как акционерные общества, первичным носителем права собственности всегда является физическая личность, человек, лицо. Что же будет с обществом, если обладатель собственности станет менять свое физическое лицо, как перчатки? К кому мы будем предъявлять иски? С кого получать взыскания? Как станем бороться с злостными банкротами? Главное же, как сможем мы вести борьбу с преступниками, которые начнут подделывать свои лица под лица миллионеров так, как они сейчас подделывают чужие подписи? Как отличим мы настоящего капиталиста от поддельного? Произойдет ужасный хаос. Деловая жизнь остановится. Страна погибнет в анархии. Нет, в нашей стране мы не можем допустить свободу изменения внешности человека. В детском возрасте, с лечебными целями, применение методов доктора Цорна, пожалуй, еще можно допустить. Но для взрослых – ни в коем случае. И поэтому я вхожу в конгресс с законодательным предложением: немедленно издать закон, воспрещающий взрослым людям – под страхом потери имущественных прав – изменять свой внешний вид какими бы то ни было способами, за исключением случаев неизбежного хирургического вмешательства для спасения жизни. Что же касается нашего обвиняемого, то, хотя обычно закон и не имеет обратной силы, я все же считаю необходимым распространить санкцию закона, который должен быть издан, на мистера Престо и лишить его всех иму-

щественных прав. Это послужит предупреждением для других.

– Будете ли вы держать Престо в тюрьме или же найдете возможным выпустить его? – спросил один из корреспондентов у прокурора.

– Поскольку выяснилось, что Престо не мистификатор, «субъективно» его вина уменьшилась, – ответил прокурор. – Он мог «бона фиде» – по чистой совести – искренне заблуждаться относительно своих прав на похищение имущества у самого себя. Это, конечно, не уменьшает, с моей точки зрения, тяжести его преступления, но все же дает мне возможность выпустить его под расписку на свободу, пока конгресс не рассмотрит мое предложение и не проведет новый закон. В зависимости от того, как будет формулирован этот закон, Престо будет оправдан или обвинен в краже.

Прощальный ужин

Престо был выпущен на свободу без денег, без дома и без имени.

Тонио Престо вернулся в отель. К нему в номер явился метрдотель и вежливо напомнил о том, что номер все время числился за ним, Престо, так как в номере находились его вещи, и что необходимо заплатить по счету.

– Хорошо, завтра утром я вам заплачу, – ответил Тонио, расхаживая по номеру.

Метрдотель поклонился, не очень доверчиво взглянул на Престо и ушел.

– Однако где же я достану деньги? – вслух сказал Тонио.

Он подошел к чемодану, открыл его и начал вытряхивать костюмы с надеждой найти в кармане завалившиеся случайно деньги. Денег не было. А они были ему необходимы. Если дать телеграмму Гофману и просить его прислать несколько тысяч телеграфом? Но при получении их опять могут встретиться затруднения. Впрочем, Гофман может выслать деньги на имя владельца отеля.

Престо думал и рассеянно просматривал газету. Одна заметка привлекла его внимание. В отделе театра и кино сообщалась самая последняя новость: мисс Гедда Люкс выходит замуж за мистера Лоренцо Марра. Лоренцо! Восходящая звезда, красавец Лоренцо, киноартист, не раз игравший вме-

сте с Престо. Престо – несчастный, Лоренцо – счастливый любовник. Так было на экране, так случилось и в жизни. Вот он, тот полубог, которому Люкс отдала свою руку и сердце! Но разве он более красив, чем перевоплощенный Престо? Тонио посмотрел в зеркало. Да, да, Престо не менее красив, чем Лоренцо. Но у Лоренцо есть имя, а Престо потерял свою славу вместе со своим лицом.

Престо должен повидаться с нею. Проклятие! У него не осталось даже приличного костюма. Выходной истрепался в тюрьме. Престо взял перо и быстро написал телеграмму Гофману:

«Пришлите десять тысяч долларов на имя мистера Грин, отель «Империаль», Голливуд. Престо».

Затем Престо попросил к телефону владельца отеля и сказал ему:

– Мистер Грин, вы, видимо, знаете, что я вполне платежеспособен и только случайно попал в затруднительное материальное положение. Завтра меня выручит мой друг Гофман. Он пришлет десять тысяч долларов на ваше имя. Прошу из этих денег взять, что вам следует по моему счету, а остальные деньги вы передадите мне.

Владелец ресторана охотно пошел на эту сделку, и скоро в кармане Престо лежали деньги – за вычетом долга, более четырех тысяч долларов. Гофман вместо десяти прислал только пять. В отеле Престо опять был открыт кредит, и лица лакеев вновь сделались почтительными. Антонио купил се-

бе новый костюм и, наняв автомобиль, отправился к Гедде Люкс.

– Мисс Люкс, – сказал Престо, увидав Гедду. – Я пришел поздравить вас. Вы нашли своего бога?

– Да, нашла, – ответила она.

– Еще раз поздравляю вас и желаю всяческих радостей... Я примирился со своей участью человека, потерявшего лицо. Вы верите мне, верите, что я действительно Антонио Престо, ваш старый товарищ и друг?

Люкс кивнула головою.

– Так вот... к вам у меня есть одна большая просьба. Я хотел бы устроить... прощальный ужин и пригласить на него всех моих бывших друзей. Их это ни к чему не обяжет. Просто мне хотелось бы еще раз, в последний раз, побывать в их милой компании, а потом... потом ваш Антонио займет подобающее ему скромное место в жизни. – Люкс боялась сцен и, видя Престо таким покорным, охотно приняла его приглашение.

– Но этого мало, – продолжал Престо. – Я прошу вас обеспечить успех моему прощальному ужину. Вот список приглашенных. В нем вы найдете фамилии мистера Питча и счастливецца Лоренцо Марра, Драйтон, Гренли и Пайн, декоратора Булинга, осветителя Мориса и кое-кого из второстепенных киноартистов. Мне хотелось бы, чтобы вы взялись за это дело. Когда вы получите принципиальное согласие приглашенных, я разошлю им приглашительные карточки. Итак,

в понедельник, в восемь часов вечера, в круглом зале отеля «Империаль».

Вечер удался на славу. Все приглашенные явились полностью. Престо мог убедить самых недоверчивых людей, что он хоть и в новой оболочке, но все тот же старый Престо, не только изумительный актер, но и прекрасный режиссер. Новую актерскую игру Престо гости оценили, впрочем, только впоследствии. Зато режиссерские способности были в полной мере оценены во время самого ужина, который был обставлен чрезвычайно декоративно. Зал освещался нежным розовым светом, а через открытую на веранду широкую дверь падал лунный свет, создавая красивый световой контраст. Все было заранее рассчитано. Невидимый оркестр играл прекрасные мелодии. На ужин было приглашено и несколько представителей печати, для которых нашлось немало материала и работы.

На почетном месте были усажены Гедда Люкс, ее жених – по левую руку и мистер Питч – по правую. Мистеру Питчу нравилась затея Престо. Попивая тонкое вино, мистер Питч, чуть склонив голову к Гедде Люкс, с улыбкой говорил:

– Кто бы он ни был, этот новый Престо, он неплохо начинает свою новую жизнь. Пожалуй, из него выйдет толк. И притом... – Питч отхлебнул из бокала, – его сказочное превращение и его фантастический судебный процесс послужили для него отличной рекламой. Такую рекламу не сделаешь и за полмиллиона долларов. Да, он таки делает себя. И ес-

ли он действительно обладает талантом старого Престо, то с ним, пожалуй, стоит повозиться.

Люкс слушала, с интересом поглядывая на Престо, а ее жених прислушивался к словам Питча со скрытым беспокойством. Престо мог оказаться опасным конкурентом на экране и в жизни. Лоренцо казалось, что Люкс смотрит на Престо не только с любопытством, но и с нежностью.

Престо поднял бокал вина, желтого и прозрачного, как янтарь, и сказал маленький спич:

– Леди и сэры! Известно ли вам, что в Китае существует такое выражение: «человек, потерявший лицо»? Так говорят о каком-нибудь человеке, совершившем неблагоприятный поступок. «Человек, потерявший лицо» там подвергается гражданской смерти. Правда, в Китае... А Китай – азиатская страна... У нас, в культурнейшей стране мира, совершенно иное. У нас наше лицо крепко спаяно с нашим кошельком. И пока кошелек толст, нам не грозит потеря лица, в китайском смысле слова, какими бы проделками мы ни занимались. Но горе тем, кто осмеливается, как я, изменить свое физическое лицо. Тогда их лишают всего: денег, имени, дружбы, работы, любви. Да и может ли быть иначе в стране, где царит доллар? Да не подумают мои почтенные гости, что я критикую прекрасные законы нашей великолепной страны. О, нет! Я вполне признаю разумность этих законов и обычаев. Я подчиняюсь им. Я преклоняюсь перед ними. Я сделал ошибку, роковую ошибку, переменив свое ли-

цо, и теперь приношу публичное покаяние. Я едва ли смогу, даже с помощью доктора Цорна, вернуть себе мой прежний вид. Но даю торжественное обещание не менять больше своего лица и прошу общество простить мне мою ошибку, совершенную по неопытности, и принять меня в свое лоно, как библейский отец принял блудного сына. И увидите, я буду достойным сыном!

Речь эта, несколько странная в середине, под конец понравилась всем. Престо аплодировали. Корреспонденты быстро строчили.

Антонио выпил бокал вина, поклонился и вышел на веранду.

– Нет, прямо молодец! – говорил восхищенный Питч. – Такой способности к саморекламириванию я не знавал даже у старого Престо. Решительно из него стоит сделать человека с именем. Да где же он? Я хочу с ним чокнуться.

– Я тоже! – неожиданно подхватила Гедда Люкс и поднялась вместе с Питчем.

Они прошли на веранду. Там Престо не было.

– Престо! Тонио Престо! Где же вы? – кричал мистер Питч, расплескивая вино в бокале. – Тонио! Мальчик мой!

– Тонио! – мелодично звала и Люкс.

Но Тонио не было. Тонио как сквозь землю провалился. Обошли весь сад, принадлежащий отелю, на этот вечер предоставленный в полное и исключительное распоряжение пирующих, – Тонио не было. Вернулись в зал. Наконец го-

сти, потерявшие терпение, начали незаметно расходиться один за другим, обсуждая странное поведение хозяина.

– Может быть, это тоже для рекламы? – сказал Питч, возвращавшийся домой в своем автомобиле вместе с Люкс. – Но он перестарался, этот проказник Тонио. Все надо делать в меру. – И, не смущаясь присутствием Люкс, Питч сладко зевнул.

Жертвы «колдовства»

Дни идут за днями, а о Тонио Престо ничего не слышно – он словно в воду канул. Мистер Питч некоторое время поджидал появления блудного сына, но потом махнул рукой: время и работа не ждут. Лоренцо Марр боялся возвращения Престо не только как артиста-конкурента, но и как соперника – претендента на руку и сердце Гедды Люкс. После знаменитого прощального ужина Люкс неожиданно заявила своему жениху, блистательному Лоренцо Марру, что он не должен торопить ее с замужеством. Неужели новый Престо околдовал ее и она ждет его возвращения? С нею творится что-то неладное. Даже мистер Питч заметил, что Люкс изменилась, стала какая-то вялая, задумчивая, рассеянная, временами раздражительная. Впрочем, и сам Питч в последнее время чувствует себя нехорошо: какое-то недомогание, одышка. Но работать надо! Мистер Питч задумал ставить большой новый фильм под названием «Торжество любви» с Лоренцо Марром и Геддой Люкс в главных ролях. Мистер Питч деятельно готовится к этой постановке. В его кабинете с утра совещаются главные персонажи, режиссеры, операторы, архитекторы.

Мисс Люкс только что приехала. Она вошла в кабинет, подошла к столу мистера Питча и, протягивая ему руку через стол, сказала:

– Здравствуйте, мистер. Вы все полнеете.

– Чертовски полнею, – ответил мистер Питч.

Каждый день он прибавлял в весе несколько фунтов и теперь выглядел ожиревшим боровом.

– А вы, кажется, перещеголяли моду? – спросил Питч, глядя на юбку мисс Люкс. Юбка была действительно слишком коротка.

Гедда смущенно посмотрела на свою юбку.

– Я не укорачивала ее, – ответила она. – Я сама не понимаю, что случилось с моими платьями. Они как будто сами укорачиваются.

– Или вы растете, – шутя сказал Питч. – А вы, Лоренцо, худеете не по дням, а по часам!

Лоренцо тяжело вздохнул и развел руками. Он выглядел очень плохо, похудел так, что костюм висел на нем мешком. Красавец Марр даже как будто стал меньше ростом, брюки его удлинились и ложились буфами на ботинки.

– Я уже обращался к врачу. Прописал усиленное питание.

– У вас щеки провалились. Если так пойдет дальше, вы не в состоянии будете сниматься. Никакой грим не поможет. Вам придется взять отпуск и полечиться.

Поговорив еще о делах и ролях, они отправились в ателье. Оператор Джонсон хлопотал около аппарата. Он попросил Люкс стать у отмеченной черты на полу, посмотрел в визир и заявил:

– Вы режетесь.

Люкс посмотрела на аппарат и на пол вокруг себя. Этого не могло быть. Она стояла почти в центре фокуса.

– Ваша прическа не видна. Вы выросли, мисс Люкс.

В ателье послышался смех.

– Я не шучу, – добавил Джонсон. – В пятницу я снимал вас на этом самом месте, вот черта, аппарат стоит неподвижно. Тогда вы входили в кадр, а теперь режетесь вверху почти до половины лба.

Люкс побледнела. Она с испугом смотрела на свою короткую юбку. Неужели она, Гедда, начала расти? Но ведь это немыслимо. Она не девочка. И тем не менее не только юбка, но и укоротившиеся рукава говорили о том, что она вырастает из своего платья, как подросток.

Наметанный глаз Джонсона сделал еще одно открытие. Джонсон заявил, что Лоренцо не только похудел, но стал меньше сантиметра на три. Это уже было совершенно невероятным, и тем не менее Джонсон доказал, что это так.

Все с недоумением переглянулись. Артисты на вторых ролях, бывшие на ужине у Престо, осмелились заявить, что с ними также происходит что-то непонятное. Одни из них полнели с такою же быстротой, как и мистер Питч, другие худели, иные начинали расти, другие уменьшаться. Всех «пострадавших» охватил панический ужас. Люкс упала в обморок. Лоренцо хныкал.

Срочно был вызван врач, и все стали по рангу: впереди Питч – он даже Гедде не уступил своей очереди, – за ним

Гедда, приведенная в чувство, Лоренцо, за ним прочие артисты в живой очереди. Амбулаторный прием был открыт в кабинете Питча.

Врач внимательно осмотрел своих пациентов, но не нашел никаких органических заболеваний. Он неопределенно качал головой и разводил руками. Все органы здоровы. Как будто все в порядке. Только у мистера Питча доктор нашел ожирение сердца, что неизбежно при такой полноте.

– Надо лечиться от ожирения. Диета, гимнастика, прогулки...

– Пробовал. Не помогает, – безнадежно отвечал Питч. – Уж не отравил ли меня чем-нибудь на ужине Престо? – Доктор протестующе махнул рукой. – Ничего нет удивительного, – продолжал Питч. – Обратите внимание: полнеют, худеют, вырастают и уменьшаются в росте все, кто был на ужине у Престо.

– Но медицине неизвестны такие яды, – ответил доктор.

Мистер Питч не удовлетворился советами врача и через несколько дней созвал консилиум. Но и консилиум не утешил Питча. Ему посоветовали уехать на воды или лечь в специальную лечебницу, где лечат от ожирения.

Мистер Питч интересовался, как чувствуют себя Гедда Люкс и Лоренцо, и позвонил им. Гедда Люкс, голосом, прерывающимся от слез, ответила, что она продолжает расти, что не успевает переделывать платья.

– Чем же это кончится? О съемках нечего и думать, – го-

ворила она, всхлипывая. – Если так пойдет дальше, то скоро меня можно будет показывать на ярмарках.

– Вы тоже не можете себе представить, как я изменился, – хрипел Питч. – Я уже не могу сесть в кресло и сижу на трех стульях. Мое тело напоминает студень. Я засыпаю во время разговора, меня душит жир.

Мистер Питч не узнал голоса Лоренцо в телефоне. Лоренцо говорил таким пронзительно-тонким голосом, что Питч два раза переспросил, кто говорит с ним. У Лоренцо было свое горе. И что хуже всего – лицо его изменилось: переносица впала, кончик носа сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким.

– Я похож на жабу, – пищал Лоренцо. – Это Престо заколдовал меня.

– И я о том же говорю. Но как он мог это сделать?

– Может быть, ему помогал доктор Цорн, у которого Престо лечился.

– Цорн! – закричал Питч. – Помогал ли он Престо околдовывать нас, я не знаю, но Цорн может помочь нам! И никто, кроме Цорна. Как это я раньше не подумал о нем! Сейчас же позвоню ему по телефону. Едем к нему!

Мышеловка

Странный кортеж приближался к лечебнице доктора Цорна. Целая вереница автомобилей ввозила во владения Цорна необычайных уродцев, как будто переезжал бродячий цирк. Мистер Питч едва вмещал свое разбухшее шарообразное тело в кузове огромного автомобиля. Мисс Люкс возвышалась над всеми. Зато Лоренцо, потерявшего все свое величие, совсем не было видно. Он сделался так мал, что голова его не поднималась над кузовом открытого автомобиля. В одном автомобиле ехало страшное чудовище – подававший надежды молодой актер с признаками акромегалии.

Новые пациенты были быстро размещены в коттеджах лечебницы.

Как и всюду, мистер Питч был первым на приеме Цорна.

Цорн сообщил мистеру Питчу очень интересную новость. Накануне злополучного вечера кто-то похитил из его лаборатории банки, в которых хранились препараты из различных желез. Теперь мистер Питч не сомневался в том, что все их злоключения – дело рук Престо, который, очевидно, хотел отомстить таким своеобразным способом тем, кто легкомысленно отвернулся от него.

– Но есть надежда на излечение? – спросил мистер Питч.

– Полная, – уверенно ответил Цорн. – Довольно будет воздействовать на ваш мозговой придаток, как вы быстро ста-

нете сбавлять в весе.

И Цорн оказался прав. В три недели Питч потерял треть своего веса, причем Цорн заявил, что «до жира мы еще не добрались, а спустили только воду».

Вообще с мистером Питчем было меньше всего хлопот. Болезнь его легко поддавалась лечению. Более сложной была болезнь Лоренцо и Гедды Люкс. Лоренцо стал настолько маленьким, что когда он стоял рядом с Геддой Люкс, то его можно было принять за ее сына.

– Вы не смущайтесь, бывают люди и повыше, – сказал Цорн Гедде Люкс. – Наибольший рост, достоверно известный науке, – двести пятьдесят пять сантиметров. Правда, русский великан Махнов, говорят, был еще выше и достигал двухсот восьмидесяти пяти сантиметров.

– Я буду счастлива только тогда, когда мне вернут мой рост.

– Хорошо, постараемся вернуть ваш прежний рост, – успокоил ее Цорн.

Больше всех доставлял Цорну хлопот Лоренцо Марр. Он совсем пал духом, плакал, капризничал, как ребенок, умолял, требовал, грозил самоубийством. Цорн потратил много труда, чтобы утешить его.

Остальные больные из киностудии покорно ожидали своей судьбы. Большинству из них лечение у Цорна на свой счет было недоступно, и они радовались тому, что Питч принял расходы на себя, заявив, однако: «после сочтемся». Питч не

мог допустить, чтобы и второй незаконченный фильм был выброшен.

Похудевший мистер Питч уговаривал Лоренцо и Люкс остаться такими, какими их сделали «яды», влитые Престо в вино.

– Вы будете производить фурор не меньше, чем производил старый Престо. – Питч сулил им миллионы, и Лоренцо уже начал колебаться. Но, посмотрев на Люкс, отказался от заманчивого предложения.

Лечение продолжалось, и все начали понемногу принимать свой прежний вид. Гедда Люкс уменьшалась в росте, малыш Лоренцо заметно подрастал, а Питч уже почти дошел до своей обычной полноты. Все поговаривали о скором отъезде.

За несколько дней до их выписки в лечебницу прибыли новые больные: судья, прокурор и губернатор. Но в каком виде! Прокурор сделался малышом, наподобие Лоренцо, судья растолстел, как мистер Питч, а губернатор выглядел настоящим негром. А быть негром в Америке совсем невесело, в особенности губернатору. Он перенес кучу всяческих неприятностей, прежде чем добрался до Цорна.

Губернатору пришлось познакомиться со всеми прелестями джим-кроуизма³.

---

³ Неграм на юге США запрещается пользоваться общественными библиотеками, ресторанами и парками, для них устроены отдельные ожидательные комнаты на железных дорогах, они должны ездить в специальных вагонах и т. п.

Возмущенные дерзостью «негра», пассажиры едва не выбросили губернатора в окно, когда он явился в вагон-ресторан. На вокзале также произошел ряд столкновений. В эти горькие минуты у губернатора даже начали появляться необычные для него мысли о том, что американские законы о неграх, быть может, и не совсем справедливы и гуманны и что их, пожалуй, следовало бы отменить.

Он ужасно боялся того, как бы ему не остаться негром на всю жизнь. Он не отпускал от себя двух преданных слуг, на глазах которых он постепенно превращался в негра, и во всех столкновениях и недоразумениях они свидетельствовали, что губернатор – не негр. Да, Престо сделал большую неприятность губернатору, заставив его побыть в шкуре негра. Губернатор несколько раз в день принимал горячие ванны, намыливался, остервенело тер себя мочалкой, но кожа его не белела. Приглашенный врач нашел, что кожа губернатора не окрашена сверху, а имеет темную пигментную окраску, как у негров.

Мистер Питч, выслушав печальные истории новых больных, заявил, что они, очевидно, также пали жертвой мщения Престо.

– Но как он мог это сделать? – недоумевал губернатор.

– Он мог подкупить слуг, и они подмешали порошки в питье, – высказал предположение Цорн. – Это все работа гипофиза – мозгового придатка. Гипофиз выделяет особое вещество, обладающее любопытным свойством. Ничтожное ко-

личество этого вещества, впрыснутое в кровь, вызывает расширение клеток, содержащих красящее вещество. Ученые уже несколько лет тому назад делали такой опыт: впрыскивали вытяжку в кровь светлокожей лягушке, и кожа лягушки очень быстро темнела. Лягушка становилась негром.

Губернатор сделал гримасу, ему не понравилось сравнение. Эти ученые способны ставить на одну доску губернатора и какую-то светлокожую лягушку!

– Гипофиз оказывает действие и на цвет кожи человека, – продолжал Цорн. – Вам, вероятно, известно, что у беременных женщин часто появляются пятна на лице. Появление этих пятен находится в связи с циркулированием в крови гормона задней доли гипофиза, вызывающего это темное окрашивание.

Час от часу не легче! Теперь его сравнивают с беременной женщиной! И, чтобы прекратить эти неприятные научные пояснения, губернатор спросил:

– А лечение?

– Воздействие на тот же гипофиз.

– Так воздействуйте же на него! – воскликнул губернатор с таким жаром, как будто гипофиз был его смертельным врагом.

– Я все-таки не понимаю цели, которую преследовал Престо, – пропищал прокурор. Он сидел в кресле и задумчиво смотрел на свои короткие ноги, которые не достигали пола. – Неужели только месть?

– Что же еще может быть? – спросил губернатор.

Все замолчали.

Мистер Питч, который был умнее, высказал предположение:

– А не имеет ли это связи с вашим законодательным предложением в конгресс и с вашим публичным выступлением, осуждающим изменение внешности взрослыми людьми?

Прокурор некоторое время с недоумением и вопросом смотрел на Питча, потом вдруг ударил себя ладонью по лбу.

– Тысяча чертей! – запищал он. – Вы правы. Престо загнал нас в мышеловку, которую я сооружал для него собственными руками! Он заставил всех нас совершить то же преступление, в котором обвиняли его мы, – изменение внешности, лица. И что, если конгресс примет мой законопроект? Я сам настаивал на том, чтобы закон имел обратное действие.

Губернатор-негр простонал. Он тоже понял хитрый ход Престо. Безвыходное положение! Несмотря на все искусство Цорна, после лечения они все же могут несколько отличаться от прежнего вида. А если изменится лицо, на них также должен распространиться закон, и губернатор, прокурор, судья, Питч, Люкс, Марр будут лишены имущества, разорены...

– Нам остается только одно, – прохрипел толстый судья, – или отказаться от лечения...

– Ни в коем случае! – воскликнул губернатор. – Остаться негром на всю жизнь? Никогда! И потом, ведь мы все равно уже потеряли свое лицо, хотя и невольно. Я не хочу подвер-

гать свою судьбу капризам судебной казуистики!

– Ясно! Нам остается одно, – заключил прокурор. – Необходимо немедленно взять обратно наш законопроект. Тем более что не один миллионер уже переменял свое лицо. Об этом я раньше тоже как-то не подумал. И Престо будет восстановлен в своих имущественных правах. Что делать? Он перехитрил нас.

Так окончилось это совещание, и Цорн принялся за лечение.

Все больные были на пути к полному выздоровлению. Мисс Люкс уменьшилась до своего нормального роста и вернула былую красоту. Подрос и Лоренцо. Но он был огорчен тем, что нос его стал как будто несколько толще прежнего. Он опасался, что ему не удастся доснять в начатом фильме и что вообще публика не признает его. Однако скоро исчез и этот недостаток.

Все больные решили выписаться в один день. Цорн одобрил это решение. Он мог проверять результаты лечения взаимным сравнением; к тому же излечившимся не мешало пробыть несколько контрольных дней для того, чтобы проверить стойкость достигнутых результатов.

Наконец настал и этот желанный день. Все исцеленные из группы «пострадавших от Престо» собрались в курзале. Несмотря на то что Цорн был косвенно виноват в их злоключениях, больные сердечно благодарили его за успешное лечение. Особенно прочувственную речь сказал губернатор,

который был бесконечно рад своему превращению из негра в белого человека.

По пути домой он с удовольствием приказал вышвырнуть негра, который имел дерзость войти в вагон для белых.

Часть II

У Изумрудного озера

Престо сидел на бочонке в тени старой сосны, курил трубку и читал Уолта Уитмена. «Это интересно», – подумал Тонио Престо. Вынул вечное перо и записную книжку, сел на траву и, превратив дно бочонка в письменный стол, начал записывать:

«Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишасшие ничтожными гротесками, калекками, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой...»

– Ничтожные гротески, калеки, шуты и уроды!.. Вот материал! Это может быть почище уродца Престо! – воскликнул Тонио. Он хотел продолжать записывать, но молодой сенбернар Пип, услышав голос хозяина, просительно залаял. Он сидел против Тонио, от нетерпения перебирал передними лапами, ворочал головой и приподнимал то одно, то другое ухо. Престо улыбнулся.

– Больше нет. Все! – сказал Тонио. По утрам он угощал Пипа остатками завтрака.

Пип отрывисто залаял, подскочил и запрыгал возле Престо. Он звал на прогулку. Это был удивительно смысленный

пес. Пип любил по утрам, после завтрака, ходить с Престо к Изумрудному озеру. Тонио забрасывал удочки, а Пип впи-вался глазами в поплавок. Он повизгивал и начинал дрожать, когда рыба клевала. Первая добыча доставалась ему. Иногда Престо носил пойманную рыбу к ближайшему горячему гей-зеру и, опустив сетку в кипящую воду, варил, приготавливая себе второй завтрак. Пип неодобрительно относился к этой затее: он не мог победить страх перед клокочущим, шипя-щим, дышащим паром гейзером и не подходил близко.

Престо посмотрел на Изумрудное озеро, на синевшие вда-ли горы, потом на книгу и записную книжку и, наконец, на белый домик сторожа. Окна и дверь были открыты. Эллен еще убирала его комнату.

– Нет, Пип, сегодня я не пойду с тобой гулять. Вот лягу здесь под сосной и буду смотреть на небо, – сказал Престо.

Пип шумно вздохнул. Он знал привычки Престо: уж если тот лег под сосной, то кончено: никуда он не пойдет. Пропала утренняя прогулка.

А Тонио Престо, к неудовольствию четвероногого друга, часто часами лежал под сосной. После необычайных тревол-нений последнего времени он нуждался в отдыхе, хотя при-ехал сюда и не для того, чтобы отдыхать.

Особенно суматошными были последние дни перед про-щальным ужином, столь памятным для всех его участников.

Еще во время судебного процесса к Престо обраща-лись крупнейшие юристы Америки, предлагая свою помощь.

Официально представлять на суде за Престо в обычном порядке они не могли: для этого нужна была нотариальная доверенность. Престо же находился на положении недееспособного. Суд не принял бы такой доверенности. Поэтому адвокаты предлагали только неофициальное, закулисное воздействие на чиновников и судей. Лучшим способом этого воздействия были деньги и личные связи адвокатов. Денег же Престо был лишен – по крайней мере, не мог распоряжаться ими, – на его имущество был наложен арест. Крупные адвокаты имели собственные деньги, могли прибегнуть и к займам. Их расходы на негласное воздействие нельзя было учесть. И они могли ставить дутые счета. Притом за риск они требовали от Престо чудовищные гонорары. Тонио колебался.

За несколько дней до памятного ужина его посетил личный секретарь и помощник знаменитого нью-йоркского адвоката Пирса. Пирс некогда был членом Верховного суда, но затем сменил свою почетную должность на более доходную, перейдя в адвокатуру. Он считался крупнейшим юристом-законоводителем страны. Главное же – у него сохранились личные связи с виднейшими судебными деятелями. Ему не надо было зазывать клиентов – они сами шли к нему. Но Пирс принимал только дела о миллионных исках и наследствах, причем большинство из этих дел поручал своим многочисленным помощникам. Это было широко поставленное коммерческое предприятие, и Пирс быстро составил себе

крупное состояние. И вот знаменитый адвокат прислал своего посла к Престо, якобы заинтересовавшись казусным делом. Это, впрочем, не помешало Пирсу поставить Престо такие условия, которые Тонио в душе назвал грабительскими. Состояние Престо должно было растаять чуть ли не наполовину. Несколько дней Престо вел переговоры с представителем Пирса, который шел только на незначительные уступки. Совершенно изнуренный изворотливостью адвоката, Престо принужден был принять все условия и подписаться под всевозможнейшими обязательствами, вплоть до вексельных. Что делать? Волчий закон: на раненого набрасывается вся стая. Пирс еще благороднее других: кое-что оставляет и Престо. К тому же дело находится в верных руках. Того, что сделает Пирс, не сделает ни один адвокат в Штатах, говорят – не было еще случая, чтобы Пирс проиграл процесс, за который он взялся.

Теперь Престо мог заниматься другим, не менее важным делом, которое требовало полного уединения.

Доктор Цорн перед началом лечения говорил Престо:

– Вы еще не видели своего настоящего лица, такого, каким оно должно быть, если бы болезнь с детства не изуродовала вас.

Престо увидел свое настоящее физическое лицо, но к нему теперь не подходила манера игры уродца Престо, как не подходило старое платье карлика новому телу. Новое лицо, новое тело требовали и нового внутреннего содержа-

ния, новых целей в жизни, новых приемов творчества в искусстве. В этом Престо убедился после разговоров с Питчем, Геддой Люкс и другими. Вопрос оказался сложнее, чем он ожидал. К новому физическому лицу ему надо было найти и новое лицо артиста, новый репертуар, новые роли. Над этим надо было серьезно поразмыслить, размышления требуют сосредоточенности, а для сосредоточенности необходимо полное уединение.

«Так уединялся и Будда, желая найти свое лицо, сначала в роще из манговых деревьев на берегу реки Анома, а потом в дремучих лесах Урувелы. Где бы найти такие леса?» – думал Престо.

Он долго выбирал, куда ему поехать. Вспоминал уединенные места своей обширной родины, горы, леса, пустыни. Их было немало. Но забираться слишком далеко в глушь не годится: он должен следить за ходом дела. Быть может, адвокату потребуются какие-либо справки. Пирсу, конечно, Престо сообщит свой адрес, но только ему одному, и притом в строжайшем секрете.

И вдруг он вспомнил об Йолстоунском национальном парке. Парк, территория которого превышает территорию Бельгии! Есть где уединиться! Там найдутся такие глухие уголки, куда не заглядывают туристы. Он остановится не в отеле, а снимет комнату у какого-нибудь сторожа или лесника. Отлично! Кстати, он посмотрит этот прославленный парк, это мировое чудо. Престо за вечной работой и спешкой не удосу-

жился побывать в знаменитом парке. Теперь он посмотрит, немного развлечется в поездке – это очень необходимо, – а затем уединится в рощу манговых деревьев и будет размышлять о своей судьбе.

И Тонио деятельно занялся приготовлением к путешествию. Он накупил книг, путеводителей по Йолстоунскому парку, много книг по кинематографии, литературе и даже философии. Ему во многом надо разобраться. Он тщательно составил маршрут, меняя средства передвижения, чтобы лучше замести следы. И в тот час, когда гости на званом ужине еще допивали последние бокалы, окликая куда-то отлучившегося хозяина, Престо был уже далеко.

Сторож-ученый

Как ни был подготовлен Престо путеводителями и книгами, он был поражен, увидав Йолстоунский парк. Природа как будто собрала здесь все причудливые формы, все контрасты, все цвета, все, что может удивлять и очаровывать. Горы, ущелья, водопады, озера, леса сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Вода горячих ключей выбрасывала наружу частицы извести, которые, охлаждаясь, каменели и образовывали целую систему террас, словно выточенных из мрамора. Эти террасы, то узкие, то широкие, обведены подвесками и затейливыми кружевами из сталактитов. Совершенно белые террасы сменялись светло-желтыми, розовыми, синими, зелеными, коричневыми... Престо особенно заинтересовала высокая терраса, которая носила название Кухни Дьявола. Это было темное пространство, в котором слышался глухой гул. Как черные хлопья, кружились летучие мыши, почти задевая Престо и шофера своими крыльями... И вдруг новая декорация – «Золотые ворота» из лавы, окрашенной в золотисто-желтый цвет, «Лебединое озеро», дикая гористая местность со снежными вершинами. Не остановиться ли здесь? Нет, слишком суровая картина. Дальше! Бассейн гейзера Герриса и горячих ключей «Черный ворчун», «Человек минуты», выбрасывающий струю вверх каждую минуту, «Постоянный», извергающийся через двадцать минут.

Ниже – разноцветные грязевые ключи, розовые, желтые, белые... Эти ключи с шумом выбрасывали горячую воду, и она падала на землю затейливыми каскадами. Подальше от этого шума!..

Бирюзовый источник с водою необычайной голубизны и прозрачности отражается в зеркальной поверхности Призматического озера. Вокруг множество гейзеров и горячих ключей, маленькие горные озера, изумрудные ручьи с водопадами... Вот причудливый по форме гейзер «Улей», вот «Губка», «Лев». А дальше, среди скал, отливающих топазами и рубинами, лежит Изумрудное озеро. Оно очаровало Престо. Правда, здесь, как везде, виднелись отели для туристов, домики с бензиновыми колонками для обслуживания автомобилей, затейливыми киосками с прохладительными напитками то в виде огромной шляпы-котелка – своеобразная реклама фирмы шляп, – то в виде буддийской статуи, то в стиле китайской беседки. И всюду назойливые рекламы – на стенах домов, на заборах, на придорожных деревьях, даже на скалах. Эти рекламы о зубной пасте, подтяжках, бритвах, патентованных лекарствах уродовали, обезобразивали красивейшие виды в мире. Но дальше от проезжей дороги виднелись еще не тронутые места.

Престо заметил вдалеке одинокий домик, скромную хижину на склоне горы. К ней вела узкая, заросшая травой дорожка, по которой едва мог проехать автомобиль. Вероятно, жилище сторожа. Вот то, что надо. Престо приказал шоферу

проехать к домику. Шофер неохотно повиновался – «машину сломаешь».

Но подъем на гору прошел благополучно. Только в одном месте гейзер, расположенный возле самой дорожки, обрызгал машину и седоков желтыми горячими грязевыми каплями.

Был вечер. Солнце уже спускалось за вершину горы. Изумрудное озеро, принявшее оттенок заката, играло цветами перламутра. Престо даже невольно вздохнул – такая красота. Не будет ли она отвлекать от размышлений? Ничего, к красоте привыкают, как ко всему.

Престо повезло. Хозяин домика сидел на обрубке дерева и курил короткую трубку. На нем была клетчатая рубашка с открытым воротом, заправленная в кожаные брюки, на ногах – высокие сапоги. Так удобнее ходить по колючим зарослям. Он сидел без шляпы. Голова с проседью. Длинное, несколько усталое лицо, усы, борода. Он спокойно смотрел на подъезжавший автомобиль.

Престо приветствовал хозяина и вышел из машины. Он хотел бы снять одну-две комнаты. В отелях слишком шумно, ему же необходимо отдохнуть и немного поработать над своей книгой. Он журналист и немного писатель. Смит, Адам Смит.

Старик испытующе смотрел на Престо. Многие туристы, которые хотели устроиться подешевле, обращались к парковым сторожам с просьбою поселиться у них. Каждый такой

турист выдумывал различные причины, почему ему в гостинице «неудобно».

Администрация парка неодобрительно относилась к тому, что туристы останавливались у сторожей. От этого страдали интересы владельцев отелей. Поэтому служащие парка, как ни хотелось им заработать, только в редких случаях принимали жильцов-туристов под видом родственников или друзей.

Престо заметил, что сторож колеблется, и поспешил сказать:

– Я буду платить вам столько же, сколько возьмут с меня в отеле... даже больше.

– Но у меня вы не найдете тех удобств, – возразил сторож, видимо, сдаваясь.

– Я неприхотлив. Стол, стул, кровать, простой обед, больше мне ничего не требуется, – сказал Престо. – Мне нужна только тишина, а здесь, кажется, тихо.

– Да, если не считать шума гейзеров. Но к нему скоро привыкаешь и не замечаешь. Что же, посмотрите.

Хозяин провел Престо в дом. Это была совсем не такая маленькая хижина, какую казалась издали. В доме было три комнаты – одна из них довольно большая, – кухня и даже ванная. В маленькой комнате, которую хозяин показал только мельком, Престо заметил кровать с пологом, туалетный столик с зеркалом и маленькие женские туфли. В комнате хозяйина стояла узкая кровать, довольно большой письмен-

ный стол, шкаф с книгами. На стенах висели хорошо изготовленные чучела птиц и барометр. Над письменным столом, в овальных рамках – небольшие портреты Дарвина и Геккеля, которые немало удивили Престо.

– Здесь у нас нечто вроде гостиной и парадной столовой, – указал хозяин на большую комнату, – но обычно мы обедаем в кухне.

– У вас большая семья? – с некоторой опаской спросил Престо.

– Я и племянница, – ответил хозяин. – Вот эту комнату я могу предложить вам.

Окна и дверь выходили в цветник, на холме росли сосны. Престо понравилась комната, и договор был заключен, чемоданы внесены, шофер отпущен.

– Как только Эллен вернется, она приведет в порядок вашу комнату. А пока идемте в кухню, я приготовлю чай. Наверно, с дороги пить хочется.

– Вы очень любезны, мистер...

– Простите, я еще не назвал своего имени. Джон Барри.

За чаем Барри рассказывал Престо, сколько в парке буйволов, оленей, серн, медведей, какие живут птицы. Со многими обитателями парка Барри жил в дружбе – некоторые медведи брали даже хлеб из его рук. Потом он начал рассказывать о деревьях, о необычайных растениях, и не только Йолстоунского парка. Кое-что из его рассказов было уже известно Престо по справочникам и путеводителям – о ги-

гантском росте и толщине секвой, о том, как на одном срезе с пня секвойи стояло пианино, сидело четверо музыкантов и еще оставалось место для шестнадцати пар танцующих, как на другом срезе был поставлен домик, вмещавший типографию, где печатались «Известия дерева-гиганта». Как для Парижской выставки в тысяча девятисотом году американцы заготовили из секвойи «величайшую в мире доску» и эта доска так и осталась в Америке: ни один пароход не брался перевезти ее в Европу целиком.

Подобные истории рассказывались всеми гидами падким на «колоссальные масштабы» американским туристам. Но ведь Барри был простым сторожем, и его знания, его правильная литературная речь удивляли Престо.

– Вы знаете историю названия секвойи? – спросил, улыбаясь, Барри. – Среди индейских вождей был один, которого звали Секвойя. Вы ошибетесь, если подумаете о нем, что это был дикарь, потрясающий томагавком, охотник за скальпами. Он был очень культурный человек, изобретатель индейской письменности. В его честь индейцы и назвали дерево секвойей. Американские секвойи были открыты учеными менее ста лет тому назад и названы «калифорнийскими соснами», или «мамонтными деревьями». Мамонтовыми, может быть, потому, что голые сухие суки старых секвой напоминают бивни мамонта. Первый изучивший секвойю ботаник-англичанин захотел увековечить имя английского героя, полководца Веллингтона, и в честь него назвал дере-

во «Веллингтония гигантеа». Но американцы обиделись, за-протестовали: их американское дерево назвать именем ан-гличанина, да еще генерала! И американские ботаники на-звали дерево по имени своего национального героя, Вашинг-тона: «Вашингтония гигантеа». Однако позднее выяснилось, что то и другое название неправильно, так как новое дерево представляло собою новый вид, но не новый род. Поэтому вполне заслуженное название «гигантеа» могло быть остав-лено, но родовое название должно быть иное, какое имело уже ранее известное дерево того же рода – «Секвойя сем-первиренс» – секвойя вечноживущая. Так вождь индейцев победил национальных героев Англии и Америки. Эту ис-торию гиды не очень охотно рассказывают туристам-амери-канцам и англичанам, чтобы не оскорбить их национальное самолюбие.

– Мистер Барри! – не выдержал Престо. – Вы так много знаете. Почему же вы служите сторожем, а не заняли место по крайней мере гида?

– Именно потому, что много знаю, – с печальной улыбкой ответил Барри. – Да сторожем и спокойнее. Надо быть бла-годарным судьбе и за это.

– Но ведь вы человек образованный! – горячился Престо.

– Это я перед вами, пришлым человеком, так разболтал-ся. – И, помолчав, Барри спросил: – Вы не из Гарднеровско-го газетного треста?

– Нет-нет! Можете быть со мною совершенно откровен-

ны! – поспешил успокоить Престо.

– Да, я имею высшее образование, – сказал Барри. – Биолог. Был учителем, но изгнан за вольнодумство.

Престо вспомнил портреты Дарвина и Геккеля и догадался, в чем заключалось вольнодумство умного, высокообразованного учителя.

Еще одна область жизни, которая не допускалась в киностудию Питча! Сценаристы если и слышали о таких жизненных драмах и конфликтах, то не интересовались ими хотя бы потому, что хозяева кинопредприятий боялись подобных тем как огня.

«А между тем чем не сюжет? Взять хотя бы «обезьяний процесс»!» – подумал Престо.

– Администрация парка даже не подозревает, что я имею диплом Гарвард-колледжа, – продолжал Барри.

– Гарвард-колледж! Знаю. Как же. Старейший университет в Штатах, – сказал Престо. – Но вам, я думаю, нелегко живется, и вы не один?

– Что же делать? Эллиен – сирота. Дочь моей покойной сестры. В городах ей работы не найти. Пробовала, но безуспешно. Она ведет у меня домашнее хозяйство. Если случается, на стороне работает. Ей обещают место судомойки в отеле. Она у меня молодец! – сказал он с любовью и, посмотрев на стенные часы, добавил уже с некоторым беспокойством: – Что-то она запоздала, уже совсем стемнело.

В этот самый момент за окном послышался веселый соба-

чий лай и детский, как показалось Престо, голосок:

– Тише, Пип! Сумасшедший!

– Вот и они! – радостно воскликнул Барри.

Через минуту в широко открытую дверь вбежала собака, запряженная в маленькую колясочку, и остановилась против хозяина, весело лая и помахивая хвостом. Вслед за собакой вошла молодая девушка. Ее каштановые, коротко остриженные волосы придавали ей мальчишеский вид. Привычным глазом артиста Престо окинул ее фигуру. Средний рост, безукоризненное сложение, крепкое, подвижное тело. На девушке была простая белая блузка с низким вырезом ворота и короткими рукавами, клетчатая короткая юбка. Голые загорелые ноги, обутые в сандалии. Почти бронзовый загар кожи южанки. Ее лицо нельзя было назвать вполне красивым, – чуть-чуть вздернутый нос, полные губы, как-то по-детски сложенные, быстрый и умный взгляд карих глаз, – но в этом лице была та миловидность, которая привлекает больше красоты. В каждом ее движении чувствовался избыток сил и жизнь. Вошла она запыхавшейся от быстрой ходьбы и воскликнула, обращаясь к собаке:

– Безобразник! Едва не вывернул тележку... Купила мучки, сахару... – Тут она увидела Престо и, ничуть не смущаясь, сказала: – Здравствуйте, мистер. Добрый вечер, – как будто была давно с ним знакома.

Престо с улыбкой раскланялся с ней.

Это неожиданное появление запряженной в тележку соба-

ки в сопровождении девушки напомнило Престо цирковую сцену его юных лет. Ему вдруг стало радостно и весело.

А девушка прикрикнула на Пипа:

– Стой смирно! Сейчас распрягу! – И начала вынимать из тележки кульки и пакеты.

– Да ты познакомься с гостем как следует! – сказал Барри, ласково глядя на девушку.

– Ай, и правда. Все торопишься. Простите! – воскликнула она, немного смутившись. – Я только освобожу Пипа от его сбруи. А то он опять наделает бед.

Девушка быстро сняла ошейник-хомут. Пип тряхнул головой, захлопал ушами и, виляя хвостом, улегся у двери.

– Это наш жилец. Мистер Адам Смит, – отрекомендовал Барри. – Моя племянница, Эллен Кей.

– Я уже догадался, – сказал Престо, пожимая маленькую руку. При этом он почувствовал, что ладони Эллен были жесткие.

«Бедняжке немало приходится заниматься грубой работой», – с участливым сожалением подумал Престо.

И как бы в подтверждение этого Барри сказал девушке:

– Убирай продукты, Эллен, и поскорей вымой пол в гостиной, застели постель, поставь умывальник.

– Пожалуйста, не беспокойтесь! – воскликнул Престо. – Вы дайте только белье, я сам застелю постель, а остальное можно сделать завтра. Уже поздно, и мисс Кей, наверно, устала.

– Устала? – с удивлением и даже обидой повторила девушка. И начала с такой быстротой перекладывать продукты из тележки в шкаф, что у Престо в глазах зарябило.

«Ну и жизни же в этой девушке!» – подумал он, невольно наблюдая за ее движениями. Немножко быстрый темп для киносъемки, но сколько непринужденной грации в этих простых движениях! То, что киноартистам достается с большим трудом, после бесконечной режиссерской муштровки и сотен метров испорченной пленки, у нее выходит естественно, и она даже не подозревает об этом, думая о красоте своих движений не больше, чем игривый котенок.

Не прошло и трех минут, как продукты и тележка были убраны.

– Еще вот что! – сказала девушка, как бы продолжая какой-то спор. – Зовите меня просто Эллен. Я еще не доросла до мисс Кей!

Девушка взглянула на него почти сердито и ушла в гостиную. А через минуту она уже хозяйничала там, сдвигая мебель и напевая песню.

– У вас замечательная хозяйка, – сказал Престо.

– Да. Я уж говорил вам, что она у меня молодец, – ответил Барри, видимо, гордясь своей племянницей. – И какая способная! Из нее вышел бы толк... – Лицо Барри омрачилось.

Престо понял сторожа и, желая его утешить, сказал:

– Ну, время еще не упущено, ведь она почти девочка.

– Не так уж молода, как кажется. Ей скоро восемнадцать.

А мне не удалось дать ей даже законченного среднего образования...

И они замолчали, погруженные каждый в свои думы.

Эврика

Так произошло вселение Престо в дом Джона Барри.

По утрам Тонио занимался чтением и размышлениями. Он читал книги по истории американского кино, думал о лицах и масках знаменитых артистов в поисках своего пути, своего нового оригинального лица. А вечерами он беседовал с ученым сторожем и его племянницей.

Эллен вначале несколько дичилась. Но Престо привез с собою много книжных новинок. Эллен проявила к ним живейший интерес. Через несколько дней она уже спорила с Престо о прочитанных романах, удивляя его меткостью и оригинальностью своих замечаний. Оказалось, что она хорошо знает европейских классиков и американскую литературу. Однажды она прочитала ему монолог Дездемоны, а потом изобразила сцену безумия Офелии. Престо был поражен. У Эллен безусловно был драматический талант. Что, если сделать из нее киноартистку, партнершу в высоких трагедиях?

А на другое утро Офелия превращалась в уборщицу, судомойку, кухарку.

Как только Престо вставал, Эллен являлась с ведрами, тряпками и швабрами, изгоняла Престо и Пипа в сад и начинала уборку комнаты.

Лежа на холме под сосною, Престо украдкой наблюдал за

нею. Это было, конечно, нехорошо. Но он оправдывал себя тем, что наблюдение за окружающими людьми – его профессиональный долг: все наблюдения могут пригодиться для работы.

Эллен собирала складки короткой полосатой юбки, зажимала меж колен и, наклонившись, начинала мыть пол. Обметая паутину и пыль с потолка, она вся вытягивалась вверх, немного отклонялась назад. Ее позы ежеминутно менялись. Престо смотрел на Эллен и думал: «Если бы ее видел Гофман! Он был бы восхищен этим поворотом. Я никогда не подозревал, что в простых естественных трудовых движениях может быть столько грации и красоты. Удивительно! К каким ухищрениям, искусственным позам, поворотам, ракурсам приходится прибегать нашим знаменитым артисткам, кинозвездам, чтобы выгодно показать свою фигуру, красоту линий талии, бедра, спины, изящную ножку, чтобы скрыть природные недостатки! Все это неизбежно связывает свободу их движений, делает из них красивых автоматов, манекенов. Сколько режиссерской работы требуется для того, чтобы придать их движениям естественность и простоту!»

Престо вспомнил, как один режиссер заставлял артистку проделывать простое движение ногой десятки раз, истратил несколько сот метров пленки, пока получил то, что хотел. А у Эллен «все идет, ни один жест не пропал бы даром».

«Нет, из нее не следует делать Офелии и Дездемоны. Ее пришлось бы муштровать, прививать непривычные жесты,

заставлять думать о своих движениях, и с Эллен случилось бы то же, что с сороконожкой в сказке Уайльда, которая свободно бегала, пока ее не попросили объяснить, как именно она передвигает ноги – какую ставит раньше, какую позже. Сороконожка задумалась и... не могла сделать шагу. Эллен должна остаться собой. Значит, нужны будут и иные сценарии...»

Размышления Престо были прерваны Эллен. Она выглянула из окна и крикнула громче, чем этого требовало расстояние:

– Мистер Смит! Сегодня вечером в кино, которое возле отеля Россетти, идет картина с участием Тонио Престо.

– Пойдете? – спросил Престо.

– Непременно! – ответила девушка. – В последнее время редко ставятся его картины. Говорят, он куда-то исчез, или с ним что-то нехорошее произошло. Это было бы ужасно!

– Вы любите Тонио Престо?

– Кто же его не любит? – отвечала Эллен.

Престо было приятно это слышать, но последующие фразы девушки несколько огорчили его.

– Каждый любит посмеяться, а он такой смешной. Я прямо-таки обожаю его.

– И вышли бы за него замуж, если бы он предложил вам руку?

Эллен удивилась этому вопросу.

– За него? Замуж? – с безразличностью и даже долей негодо-

вания на то, что ей задали такой вопрос, воскликнула она. –
Никогда!

– Почему? – спросил Тонио, догадываясь об ответе. Но оказалось, что Эллен думала не только о безобразии Тонио, но и о том, чего он не ожидал.

– Мне кажется, это должно быть понятно. Какая мать захотела бы иметь детей-уродов?

«Не само безобразие и уродство отталкивало ее, и не о себе она думала, а о детях! Как все это не похоже на доводы и соображения Гедды Люкс! Вот здоровое понятие о браке», – подумал Престо и сказал, как будто мимоходом:

– Но ведь, говорят, он страшно богат.

– Никакое богатство не искупит горя матери, у которой несчастные дети! – отвечала Эллен. – Заболталась я с вами, а еще не окончила уборки.

– Мисс Эллен, а мне можно с вами пойти в кино?

– Можно! – милостиво ответила Эллен уже из глубины комнаты.

В кино шла картина «Престо – ковбой» – одна из его ранних самостоятельных работ.

Сидя рядом с Эллен в темном зале и глядя на экран, Тонио вспоминал время, когда снимался этот фильм. Имя Престо уже гремело. Владельцы кинопредприятий старались переманить его, журналисты следили за каждым его шагом. Себастьян, как злой и неподкупный Цербер, строго охранял входы в дом. На территорию же киностудии владелец не пус-

кал никого из посторонних. И вот, во время постановки массовой сцены со множеством статистов ковбоев, один догадливый журналист ухитрился верхом, в костюме ковбоя, въехать в запретную зону и замешаться в толпу статистов. А там, пользуясь перерывом в киносъёмке, добрался до Престо и пытался интервьюировать его. Эта проделка рассмешила Престо, но все же он не ответил ни на один вопрос журналиста, что не помешало предприимчивому газетчику напечатать пространное интервью, обошедшее все газеты. Чего только не было в этом интервью! И предполагаемая женитьба Тонио Престо на вдове-миллионерше миссис. У., и новый договор, который будто бы предложила мистеру Престо крупнейшая кинофирма: она сулила ему содержание, «в три раза превышающее цивильный лист английского короля», и творческие планы Престо, который пишет сценарий нового фильма «Сотворение мира» и будет играть роль Адама... Все это было так нелепо, дико и невероятно, что Престо даже не написал опровержения. Но американская публика, жадная до всяких сенсаций, несколько дней только и говорила об этом интервью. Интерес к Престо возрос еще больше... А теперь? Теперь он ничто, «Табула раса» – чистая соскобленная доска, на которой еще неизвестно что будет написано...

В зрительном зале раздавались дружные взрывы смеха. И Эллен смеялась едва ли не больше всех.

Хорошо ли сделал Престо, изменив свою внешность? Не было ли это роковой ошибкой?.. Сотрясаемая смехом Эллен

качнулась, и ее плечо коснулось плеча Тонио. И от этого прикосновения Престо как-то вдруг сразу почувствовал свое тело, молодое, здоровое. Между ним и Эллен – между ним и женщинами всего мира, между ним и любовью, которой ему так недоставало в жизни, – уже не существовало стены уродства. Ради этого стоило пожертвовать многим, даже славой. Сама слава не может дать столько счастья и наслаждения, как любовь! А славу можно завоевать и вторично. Только бы найти свое лицо!

Даже здесь, в кино, он продолжал поиски нового пути. Комик он или трагик? Смех или слезы должен исторгать он своей игрой?.. Ему казалось, что он колеблется только между этими двумя путями, не решаясь, на какой ступить. В его подсознании шла своя, сложная и напряженная работа...

Он вышел из низов народа. Провел горькое голодное детство. Он узнал превратности судьбы, зависимость маленького человека от каприза властителей жизни... Все это создавало свои симпатии и антипатии, производило отбор жизненных явлений. Мимолетные факты, уличные сцены, которые ему приходилось наблюдать, прочитанные в книгах случаи и мысли других людей, мелькнув в его сознании, опускались в темные глубины подсознания и там подвергались обработке и систематизации. И когда накаплился достаточный материал, когда все эти отрывочные факты, мысли, впечатления сливались в единое целое, они вдруг всплывали на поверхность сознания как готовое решение.

Это и случилось с Престо в кино к концу сеанса. Он еще не мог охватить новую мысль во всех подробностях, но главное было найдено. Да, он нашел свое новое лицо! Его охватили такая радость и такое волнение, что он воскликнул, подобно Архимеду, нашедшему закон удельного веса:

– Эврика! Нашел!

Зал кино дрожал от смеха, и восклицание Престо потонуло в шуме. Только сосед справа посмотрел на него недоумевая, а Эллен спросила:

– Вы что-нибудь потеряли и нашли?

– Да! Все в порядке! – ответил Престо и вздохнул всей грудью. – Я нашел свой удельный вес! – произнес он тихо.

Мучительные колебания, размышления нового Будды кончились. Он словно родился вновь. Никакие трудности впереди не пугали его.

– Конец! – с сожалением сказала Эллен, когда экран погас.

– Начало! – весело отозвался Престо. И на вопросительный взгляд Эллен ответил: – Какой-то индийский мудрец сказал, что всякий конец есть в то же время и начало – начало чего-то нового.

Всю дорогу домой Тонио был необычайно оживлен и весел. Это заметила Эллен.

– Я и не знала, что вы такой забавный, – сказала она. – Вас словно подменили, или как будто вы нашли бумажник, туго набитый долларами.

– И подменили, и бумажник нашел! – воскликнул Пре-

сто. – Смотрите, Эллен, какие чудесные звезды, какая удивительная ночь!

– Вы еще и поэт?

– Конечно, поэт. Хотите, напишу вам стихотворение?.. Эллен! А у вас нет желания самой играть в кино? Быть артисткой?

– Играть в кино-о? Да я и ступить-то не умею! – отвечала девушка со смехом.

– Если бы вы только смогли остаться сами собой... Киноартистки получают много денег...

– Нет, не хочу быть киноартисткой, – ответила Эллен. – Они все какие-то изломанные. – И Эллен так комично пошевелила плечами, подражая салонным львицам большого света, что Тонио рассмеялся.

– Вы, кажется, единственная в мире женщина, которая не хочет быть киноартисткой. Кем же вы хотите быть? Думали ли вы о своем будущем?

– Что же о нем думать? Оно и без моих дум придет, – ответила девушка. – Настанут лучшие времена, дядюшка вновь получит место учителя, я найду работу...

– Потом?

– Потом... Потом выйду замуж и буду воспитывать детей. «Все тот же оптимизм среднего американца! Бедняжка! Сколько разочарований ожидает тебя!» – подумал Престо и сказал:

– Да будут исполнены ваши желания!

Загадочная находка

Престо действительно словно подменили. Эллиен с удивлением наблюдала за своим жильцом. Раньше Адам Смит по утрам лениво валялся на траве под сосной или же часами сидел с удочкой на берегу озера. Теперь жилец проявлял необычайную энергию. По утрам писал много писем в своей комнате или делал какие-то выписки из книг, часто ходил на почту, где получал корреспонденцию до востребования. Эта корреспонденция за последние дни очень выросла. Жилец возвращался с целыми пачками писем и газет. Однажды во время уборки в его комнате Эллиен из любопытства взглянула на лист бумаги, исписанный заметками и цифрами, и прочла:

«Во всем мире 52 000 кинотеатров, имеющих 21 миллион мест.

Капиталы, вложенные в эти театры: 11 миллиардов золотых марок, 60 % этой суммы приходится на Америку.

Инвестиции (вложения капиталов) в киноиндустрию Америки достигают двух миллиардов долларов.

Стоимость фильмов от 200 000 до 40 миллионов долларов и выше каждая.

В год изготавливается 700 художественных фильмов.

Расходы и издержки производства в

процентах:

Оклады артистов	25
Плата за помещение и пр.	20
Декорации	19
Оклады режиссеров, ассистентов и операторов ...	10
Сценарий	10
Расходы по натурной съемке ...	8
Пленка	5
Костюмы	5
<hr/>	
.....	100

Расход одной кинофабрики в неделю (Голливуд) – несколько миллионов долларов в неделю. На жаловании – 71 писатель, 31 директор, 49 «звезд», армия актеров, технические служащие...

Стоимость кинотеатра – миллион и больше долларов.

Банк – хозяин над всеми студиями, над Голливудом, над двадцатью семью тысячами кинотеатров. *Цензура фильмов банком.*

Посещаемость кино в Америке – до 10 миллионов человек в день. Цены от 25 центов до 2 долларов и дороже; первый экран – от 2 долларов.

Реклама – только газетная – 5 миллионов долларов.

P.S. Некоторые цифры устарели. Проверить новыми данными...»

Читать дальше у Эллен не было времени, да и не интерес-

но. Мистер Смит, очевидно, пишет какую-то работу по кино.

В другой раз Эллен нашла на столе случайно забытый Тонио конверт. На конверте стоял адрес местной почтовой конторы, а адресовано оно было до востребования мистеру Антонио Престо.

Это поразило Эллен. Значит, знаменитый Тонио Престо еще существует и, очевидно, живет где-то поблизости. Но почему вскрытый конверт оказался на столе мистера Смита? Это была загадка. Может быть, Смит – близкий родственник или друг Тонио Престо. Что же, это возможно. Но почему мистер Смит никогда не говорил ей, что лично знает Престо? Эллен уже не раз приходила мысль о том, что между Тонио Престо, которого она великолепно знала по экрану, и их жильцом есть какое-то неуловимое сходство, несмотря на то что Смит здоровый, нормальный молодой человек, а Престо урод. Эллен была чрезвычайно заинтересована своим открытием. Но ни с жильцом, ни даже со своим дядей она не решилась поговорить об этом. Нельзя же было признаться в своем нескромном любопытстве – чтении чужих бумаг. ореол тайны придал мистеру Смиту в глазах Эллен новый интерес. До сих пор она считала Смита скромным журналистом, неудачником, который не имеет средств даже остановиться в отеле. И вот оказывается, что он имеет какие-то очень близкие и таинственные отношения с самим Тонио Престо. И, быть может, только по этим причинам Смит поселился в скромном доме сторожа. Она стала с усиленным вниманием наблюдать

за жильцом, так что он в конце концов это заметил и однажды спросил ее:

– За последнее время, Эллен, вы не спускаете с меня глаз. Уж не влюблены ли?

Девушка смутилась, потом как будто даже рассердилась и ответила:

– И не думала. Это вам только кажется.

– Что кажется? Что вы влюблены в меня? Этого я и не утверждаю. Но что вы как-то особенно поглядываете на меня, это факт.

«Ну, подожди же, я тебе отвечу!» – подумала Эллен и сказала:

– В этом, может быть, вы и правы. Дело в том, что вы чем-то напоминаете мне Тонио Престо.

Престо смутился в свою очередь. «Не прочитала ли она адреса на конверте? Кажется, я забыл однажды на столе. Нет, она этого не сделает. Эллен слишком мало интересуется мною, чтобы читать мои бумаги».

– Вот как! – воскликнул Престо, уже овладев собою. – А вы напоминаете мне, как две капли воды, одну знакомую... У вас большое воображение. Этак вы, пожалуй, вообразите, что я и есть Тонио Престо.

Эллен рассмеялась и воскликнула:

– Ну, мое воображение не столь велико. Таких чудес не бывает.

Престо вздохнул с облегчением, но после этого разговора

стал как-то более задумчив и осторожен в разговорах с Эллен.

Настроение его снова изменилось. Он, видимо, нервничал. Еще чаще ходил в почтовую контору. Часто Эллен слышала его нетерпеливые шаги по комнате. В сад он почти не выходил.

В эти дни он ожидал окончательного ответа по своему делу от адвоката Пирса. Пирс уже сообщил Престо, что после того, как губернатор, прокурор и прочие участники прощального ужина прибегли к помощи доктора Цорна, чтобы изменить свою внешность, проект закона о лишении подобных лиц имущественных прав был взят обратно. Вся эта история была придумана хитроумным Пирсом. Его же агенты доставили Тонию и чудодейственные порошки Цорна, получив их каким-то неведомым путем – вероятно, через подкупленных слуг Цорна.

«Я не сомневался в том, что законопроект будет взят обратно, – писал Пирс. – Таким образом, главное препятствие устранено, и остается лишь формальное установление идентичности вашей новой личности с прежним Престо. Доказать это будет не трудно. Победой является уже то, что суд признал вашу доверенность на ведение судебных дел и этим самым как бы признал вашу дееспособность и правоспособность...»

Теперь Пирс употреблял свое влияние и связи на то, чтобы суд скорее назначил дело к слушанию и чтобы «все сошло

гладко».

И вот настал день, который остался памятным для Престо и Эллен.

Знаменательный день

Утром в кухню, где была Эллен, вошел почтальон и сказал:

– Примите телеграмму мистеру Антонио Престо.

Эллен с изумлением посмотрела на почтальона и ответила:

– У нас не живет Антонио Престо.

Почтальон пожал плечами, посмотрел на телеграмму и протянул ее Эллен.

– Адрес указан точно. Смотрите сами.

Эллен прочитала адрес.

– Да, – сказала она, – адрес наш, но Антонио Престо у нас не живет. Очевидно, телеграфная ошибка. – И протянула телеграмму почтальону.

Почтальон взял, еще раз пожал плечами и вышел.

Через окно его увидел Престо и окликнул:

– Алло! Кому телеграмма?

– Антонио Престо, – ответил почтальон.

– Давайте сюда. Я Антонио Престо.

Почтальон подошел к окну с озадаченным видом.

– Да... – замялся он. – Но мне сказали, что в этом доме не проживает Антонио Престо. И потом... если это тот Антонио Престо, которого знает вся Америка, то вы, мистер, не очень-то похожи на него. – И почтальон в нерешительности

вертел телеграмму в руке.

– Давайте, давайте! – с нетерпением воскликнул Престо, протягивая руку. – Вы доставили телеграмму по адресу, адресат принимает ее, чего же вам еще нужно?

– Но вот мисс сказала... – все еще колебался почтальон.

Престо выхватил у него телеграмму, моментально вскрыл и прочел:

«Решение суда вашу пользу поздравляю Пирс».

– Отлично, – весело сказал Престо. – Не беспокойтесь. Телеграмму вы вручили адресату. Сейчас распишусь... Вот вам за доставку на дом и за хорошие вести.

И Престо протянул почтальону вместе с распиской десять долларов.

Почтальон расцвел улыбкой, поблагодарил, пожелал всяческих благ и бодро зашагал в обратный путь.

– Победа! – не удержавшись, воскликнул Престо, потряс телеграммой над головой, сделал пируэт, повернулся и увидел Эллен, стоявшую в дверях его комнаты с расширенными от удивления глазами и побледневшим лицом.

– Зачем вы это сделали? – глухо спросила она.

– А вы все видели и слышали? Что я такое сделал, мисс Эллен?

– Зачем вы приняли телеграмму на имя Антонио Престо? Зачем вы обманули почтальона?

– Я не обманул его и принял телеграмму потому, что я и есть Антонио Престо.

– Этого не может быть.

– А между тем это факт! – весело воскликнул Престо.

– Тогда, значит, вы обманули нас, меня и дядю, называя себя мистером Смитом?

– Да, в этом я виноват. Особенности обстоятельства вынудили меня к подобному поступку. Не осуждайте меня, пока не выслушаете моих объяснений. Когда вернется из обхода мистер Барри, я расскажу вам все.

Эллен ушла в кухню с хмурым лицом, не сказав больше ни слова. Все это было слишком необычно, переворачивало все представления о жильце. Многие из того, что она говорила мистеру Смигу, не решилась бы сказать Престо. Она вспоминала все свои разговоры с ним, вспоминала, как иногда сурово обходилась с неудачливым журналистом. Потом она начала успокаивать себя: «Нет, это же не тот знаменитый Антонио Престо, которого она знала по экрану. Вероятно, однофамилец, быть может, родственник...» Сомнения и любопытство одолевали ее так, что в этот день у нее работа валилась из рук.

Когда она с тряпками и швабрами в одной руке и ведром воды в другой явилась в комнату Престо, то вид ее был очень смущенный. Как теперь обходиться с этим новоявленным Престо? Она уже не сказала ему, как обычно: «Теперь уходите-ка, не мешайте!» – а посмотрела на него почти с виноватым видом и пролепетала:

– Мистер... Престо! Пройдите, пожалуйста, в сад...

– Сейчас! – ответил Престо. – Одну минутку... – Он что-то быстро строчил на телеграфном бланке.

Эта случайная задержка рассердила Эллен. Ей показалось, что Престо нарочно задерживает ее, важничает. И она хороша! словно заискивает! И, уже с обычной суровостью, она сказала:

– Мне же надо убирать!

– Вот и все! – сказал Престо. – Простите, что задержал вас. Пойду я не в сад под сосну, а, с вашего разрешения, на почту. Пип! – окликнул он собаку. – Идем гулять!

Сенбернар, давно заглядывавший в комнату, весело залалял и запрыгал.

Престо вышел.

– Мистер См... Мистер Престо! – окликнула его Эллен неожиданно для себя. Любопытство оказалось сильнее ее.

Престо повернулся.

– Простите... – промолвила она, и щеки ее заалели. – Скажите мне только, пока придет дядя, вы... тот или не тот Тонио Престо?

– И тот, и не тот, – отвечал он. – Извините, я очень спешу на почту. Наберитесь терпения.

И он ушел, сопровождаемый Пипом.

Опершись на палку швабры, Эллен несколько минут стояла в раздумье, а потом с ожесточением взялась за уборку.

Но события памятного дня на этом не кончились.

Адвокат Пирс обычно посылал всю корреспонденцию

Престо на вымышленное имя Смита в почтовое отделение, как они условились. Последнюю же телеграмму Пирс послал на имя Антонио Престо, в дом лесника, полагая, что Престо больше нет нужды сохранять свое инкогнито. Эта телеграмма с полным адресом и настоящей фамилией сама должна была символизировать, что Престо-новый уже является полным и признанным правопреемником Престо-урода. Такая телеграмма не могла не доставить удовольствия клиенту, думал Пирс. И он не ошибся. Но адвокат не подумал о всех последствиях своего поступка.

Журналисты крупнейших газетных трестов уже давно старались обнаружить местопребывание столь неожиданно исчезнувшего нового Престо. Для журналистов это был своего рода спорт. Каждому хотелось первым найти его. На почте, на телеграфе у журналистов имелись свои платные агенты из служащих, которые были обязаны немедленно сообщать им обо всем, что их интересовало.

И вот не успел Престо вернуться из почтовой конторы, как к дому Барри подкатил автомобиль с одним из вездесущих журналистов. Он жил в ближайшем отеле и получил на час раньше Престо телеграмму своего агента, служившего в нью-йоркском главном телеграфе, о посылке телеграммы на имя Антонио Престо по адресу Йолстоунского национального парка. И журналист немедленно выехал.

Он имел вид солидного коммерсанта. Его можно было принять за туриста. На ремнях, перекрещивающихся на гру-

ди, висели два фотоаппарата – маленькая кинема и зеркалка. Еще не выходя из автомобиля, он успел снять домик лесника и Эллен, выглядывавшую из окна, со шваброй в руке. За несколько минут своего пребывания он нащелкал несколько десятков снимков, с любезной бесцеремонностью вторгаясь всюду. Он обрушился на горевшую от смущения Эллен лавиной вопросов. Девушка так растерялась, что отвечала одними междометиями, и тем не менее журналист заполнял страницу за страницей стенографическими иероглифами. Но когда неожиданный гость подошел к письменному столу Престо с явным намерением просмотреть лежащие там бумаги, Эллен вышла из себя. Весь гнев, который накопился в ней против назойливого посетителя, вдруг прорвался. Она, как часовой, заслонила собою стол, угрожающе взяла швабру наперевес и сказала прерывающимся от волнения голосом:

– Мистер! Хозяина нет дома. Извольте сейчас же оставить комнату!

– Хе-хе! Вот вы какая гордячка! – И, принимая Эллен за дочь или служанку бедного лесника, он вынул толстый бумажник и зашелестел долларами. – Может быть, вы подобраете, если...

– Вон! – крикнула Эллен, махнув шваброй перед самым лицом журналиста.

Он опешил, проворчал: «Ну, ну», – и под натиском Эллен, пятясь, вышел из комнаты.

«Что-то теперь будет?..» – подумала Эллен, чувствуя, что

зашла далеко. Если журналист пожалуется Престо, как он посмотрит на ее поступок?

И вдруг она услышала лай Пипа и вздохнула так, словно сбросила со спины тяжелый мешок.

«Пусть теперь мистер Престо сам справляется с ним как хочет».

А мистер Престо расправился очень просто.

– Никаких интервью, и поворачивайте обратно! – сказал он решительно. Престо привык обращаться с этой братией.

Журналист сразу понял, что здесь с интервью дело безнадежно. Он мог только сердито щелкнуть три раза аппаратом, чтобы заснять найденного Престо, но тот с быстротой ящерицы повернулся спиной, прежде чем щелкнул затвор.

Машина уехала. Престо застал Эллен в застывшей позе со шваброй в руках.

– Этот нахал, кажется, причинил вам беспокойство? – участливо спросил Престо.

– Да, но и я ему, кажется, тоже... – ответила Эллен и, под влиянием возбуждения, рассказала Престо обо всем.

Тонио рассмеялся и низко поклонился.

– Вы прекрасно защищали мои интересы, мисс. Однако досадно! Теперь журналисты налетят, как саранча. Я отчитаю этого Пирса за его неосторожность... Хоть из дому беги... Я, впрочем, скоро уеду, но до отъезда мне еще о многом надо поговорить с вами и вашим дядюшкой. Так вот что: как только сюда кто-нибудь явится, говорите, что я уехал в

Канаду. Не церемоньтесь, если понадобится, еще раз пустите в ход и вашу победоносную швабру.

В этот день действительно было еще несколько налетов журналистов, но Эллен энергично выпроводила их, умышленно напустив на себя роль грубой, неотесанной, бестолковой женщины. И Престо, скрывавшийся в саду, с интересом наблюдал эти сцены и шептал: «Эх, Гофмана бы сюда с аппаратом!.. Ну, ничего! Мы еще заснимем ее в этой роли!»

Вечером, когда вернулся Барри, Престо за ужином рассказал леснику-ученому и его племяннице свою необычную историю, из которой Эллен не пропустила ни слова.

– Что же вы думаете делать дальше? – спросил Барри, когда Престо окончил свой рассказ.

– У меня уже готовый план, который я создал под вашей кровлей. О нем еще никто не знает, и пусть это пока и останется между нами... Из моего рассказа вы видите, что даже крупные артисты всецело зависят от предпринимателей, – продолжал Престо. – Мистер Питч отверг меня. Ну, что же! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Постараюсь обойтись и без мистеров Питчей.

– Вы хотите вступить в Ассоциацию киноартистов, организовавших, как я слышал, собственное кинопредприятие? – спросил Барри.

– Ассоциация киноартистов – только первая попытка киноработников коллективной защиты своих интересов, – ответил Престо. – Но, по существу, это объединение кино-

звезд. Ассоциация сильно пропитана коммерческим духом, и средним актерам, не говоря уж о статистах, там житье нелегко. Притом и творчески в этой Ассоциации я не был бы вполне свободен, а мне нужна полная свобода – свобода составлять сценарии, режиссировать, играть. То, что я затеваю в этой области – заранее можно сказать, – совсем не понравится заправилам Ассоциации.

– Отсюда можно сделать вывод, что вы хотите организовать собственное предприятие? – спросил Барри.

– Именно.

Барри ничего не ответил, только повел бровью и, затянувшись трубкой, пустил струю дыма.

– Вы сомневаетесь в успехе? – спросил Престо и, не ожидая ответа, продолжал: – А я верю в успех. Иск мистера Питча, лечение и, главное, судебный процесс очень истощили мой капитал. Но все же у меня осталась достаточная сумма, чтобы начать дело. По крайней мере, ее хватит на то, чтобы выпустить на экран первую картину. А что дальше? На займы я, конечно, не могу рассчитывать. Банки почувствуют опасность в моем предприятии и не только не дадут мне денег, но и всячески будут вредить мне. Это я предвижу. Но я рассчитываю на другое. Мое предприятие не будет строго коммерческим, хотя, конечно, оно не должно быть и убыточным, иначе я не выдержу борьбы. Оно должно носить кооперативный характер в гораздо большей степени, чем Ассоциация киноартистов. Это будет не только объединение ар-

тистов, но и всех, без исключения, работников, вплоть до плотников и уборщиков. В одном Голливуде всегда имеется больше сотни безработных режиссеров, тысячи киноартистов. Они охотно согласятся в первое время получать даже меньше обычного, пока предприятие не начнет давать доход, участниками которого они станут. Но такого ограничения, я думаю, и не понадобится. Наоборот, я постараюсь поставить средних и низших работников сравнительно в лучшие условия. Спайка на почве солидарности интересов поможет нам выдержать борьбу даже с левиафанами-киноконцернами. По крайней мере, я надеюсь на это.

– Вам виднее, – сказал Барри.

– Я делаю ставку на людей, – с воодушевлением продолжал Престо. – Мне нужны верные помощники, которые понимали бы меня и на которых я мог бы положиться. И вот... я подумал о вас, мистер Барри...

– Обо мне? – с удивлением отозвался тот.

– Да, о вас и мисс Эллен. Эта дыра, хотя бы и самая живописная в мире, совсем не место для вас, образованного и умного человека. Не место и для мисс Эллен. И я предлагаю вам бросить сторожку и перейти ко мне на работу. Я гарантирую вам, что первый же оклад будет превышать вдвое содержание учителя, которое вы получали.

– Но я полный профан в кинематографии! – возразил Барри.

– Только поэтому вас и удивляет мое предложение. Кино-

промышленность ведь огромная и сложнейшая индустрия с самыми разнообразными специальностями. Для вас на первое время найдется работа, с которой справится каждый грамотный человек. Ну, скажем, в договорном, счетном отделе. Когда же вы лучше познакомитесь с кинопроизводством, сможете занять и более ответственный пост, вплоть до управляющего, который получает весьма солидный оклад. Найдется работа и для мисс Эллен.

– Только не сниматься! – поспешно сказала девушка.

– Выбор работы всецело будет зависеть от вас, – постарался успокоить ее Тонио.

– Все это так неожиданно, – сказал Барри, видимо, колеблясь дать согласие.

Престо понял его сомнения: перед ним был человек, уже запуганный жизненными неудачами. Он боялся потерять то небольшое, что имел.

– Я откровенно сообщил вам, – начал убеждать его Престо, – что для меня лично это начинание сопряжено с риском. И рискую я большим, чем вы. Ваш же риск я не считаю большим. Ведь за год-два вы заработаете у меня столько, сколько не заработаете и за десять лет в этом парке. Вы приобретете новые специальности, значит, у вас расширятся и возможности устроиться помимо меня...

Барри все еще колебался. Тогда Тонио решил затронуть его слабую сторону. Тонио уже хорошо знал, как старый Джон любит свою племянницу и как огорчается, что эта

неглупая, способная девушка пропадает здесь, в глуши, без образования и будущего.

– Подумайте о мисс Эллен! – воскликнул Престо. – Не век же ей возиться с тряпками и горшками!

– Обо мне не беспокойтесь! – вспыхнула Эллен. – Я не жалею и вполне довольна судьбой.

– Но вы можете быть ею довольны еще больше, – возразил Престо. – Вы попадете в другое общество, будете встречаться с интересными, образованными людьми...

– Мне и здесь хорошо, – хмуро ответила девушка.

«Вот упрямая девчонка! Как бы она все не испортила!» – с досадой подумал Престо. Если бы она и ее дядюшка знали о причине горячего красноречия Престо! Если бы Эллен догадалась, что все дело было в ней, что на нее Тонио возлагал столько надежд в своей новой работе!

Слова Престо об Эллен и ее последний ответ, в котором прозвучала невольная грусть, видимо, произвели впечатление на старого Барри. Уже сдаваясь, он сказал:

– Вы сами должны понять, мистер Престо, что мне трудно сдвинуться с места, если бы и хотел. Что же от вас скрывать? У меня нет никаких сбережений, даже на проезд и наем квартиры...

– Все это пустяки! – уже весело воскликнул Престо, предвидя победу. – Вы получите аванс хоть сегодня же. Хватит и на переезд, и на квартиру, и на обзаведение... Да вам и не нужно будет нанимать квартиру. Ведь я получил от прежне-

го Престо неплохую, просторную виллу, а живу в ней один. Весь верхний этаж пустует. Вы прекрасно можете устроиться в нем с вашей племянницей. Для меня это будет только приятно. Я так привык к вам и сдружился с вами.

– Благодарю вас за вашу любезность, но это неудобно. Совершенно неудобно, – ответил Барри.

– Почему? – спросил Престо, но тотчас догадался: – Да, конечно. Общественное мнение... я холостяк, в моем доме нет женщин. Но ведь это глупости, мистер Барри! Во-первых, мисс Эллен будет жить не одна, а с вами, и даже не в одном этаже со мною. Мог же я сдать внаем верхнюю часть дома! А во-вторых... Мы можем найти для мисс Эллен компаньонку, этакую почтенную старушку. И тогда даже все наши ханжи, лицемеры и фарисеи не найдут к чему придраться. Итак, по рукам?

– По рукам! – ответил Барри.

У Эллен сквозь густой загар проступил румянец. Глаза ее засверкали. Она уже не могла сдерживать свою радость и с детским нетерпением спросила, обращаясь и к Престо и к дядюшке:

– Когда едем?

Опять дома

Престо приехал на свою виллу раньше Барри и Эллен: сторож-педагог задержался на несколько дней, чтобы ликвидировать свои дела с управлением парка и распродать ненужные вещи.

Возвращение Престо произошло при довольно торжественной обстановке. При «вводе во владение» присутствовали судебный чиновник и адвокат, помощник Пирса.

Указывая на Престо, чиновник сказал Себастьяну, открывавшему им дверь:

– Этот молодой человек – ваш хозяин, Антонио Престо, изменивший свой вид. Он является собственником виллы, и вы должны подобающим образом относиться к нему и исполнять его приказания.

Себастьян хмуро поклонился и пропустил посетителей.

Чиновник и адвокат прошли по всем комнатам, удивляясь художественным сокровищам, которые собрал Престо со строгим, изысканным вкусом знатока. После оживленного завтрака чиновник и адвокат ушли.

– Вот я и опять дома! – воскликнул Престо, с удовольствием потягиваясь в кресле. У ног стояла знакомая скамеечка, но теперь она не была нужна.

В дверь постучались.

– Войдите!

На пороге показался Себастьян. Он был очень смущен. Его седые брови хмурились, а губы запавшего рта шевелились. Престо решил прийти ему на помощь и весело спросил:

– Ну, как вы тут без меня жили, Себастьян?

Старый слуга только вздохнул, но продолжал молчать. Престо рассмеялся.

– Я вижу, вы никак не можете привыкнуть к моему новому виду.

– Мистер Престо! – наконец заговорил Себастьян и замолк, словно ему не хватило дыхания.

– Ну?

– Позвольте мне уйти от вас.

– Как уйти? Почему? Вы хотите меня оставить? – удивился Престо. – Вы, мой старый верный слуга, который столько лет ухаживал за мной, как за ребенком?

Себастьян пожал плечами и ответил с печальной улыбкой:

– Да вы и были ребенок. Все равно что ребенок... А теперь вы выросли, и вам не нужна больше нянька.

В сердце сурового на вид старика было много нежности. Он смотрел на Престо, как на ребенка, привязался к нему и действительно ухаживал за ним, как заботливая нянька. Престо знал об этом и в свою очередь был очень привязан к старику.

– Но, дорогой мой! – воскликнул Престо, вставая с кресла и подходя к Себастьяну. – Разве я нуждался только в том, чтобы мне подставляли под ноги скамеечки и доставали ве-

щи, которые я не мог сам достать из-за своего малого роста? Ведь вы вели все мое хозяйство, были в доме моей правой рукой...

Себастьян снова вздохнул и еще больше нахмурился.

– Но я не могу оставаться в этом доме после того, что произошло, – ответил он.

– Что же такое произошло? – спросил Престо. – Уж не то ли, что вы не хотели меня пустить в дом?

– И устроил засаду, и предал в руки полиции, и оскорблял, – продолжал Себастьян. – Такие вещи не забываются, и я не хочу, чтобы вы рано или поздно за это уволили меня. Уж лучше я уйду сам.

– Вот чудак! – горячо заговорил Престо. – Послушайте, Себастьян! Даю вам честное слово, что я нисколько не обвиняю вас и не сержусь. Конечно, мне было неприятно. Но вы поступили так, как должен был поступить всякий честный слуга. Я сам на вашем месте поступил бы так же. Забудем эту историю и станем друзьями по-прежнему.

Морщинистое лицо Себастьяна немного просветлело, но седые брови все еще хмурились.

– Вам только кажется, что вы можете забыть, – сказал он.

– Совсем нет! – возразил Престо и ласково положил руки на плечи Себастьяна. Теперь их лица были на одном уровне. А когда-то Престо смотрел на слугу снизу вверх. На всех людей ему приходилось смотреть, закинув назад голову.

«А, пожалуй, в этом лице есть что-то, действительно на-

поминающее моего маленького Престо...» – подумал старик, впервые внимательно рассматривая новое лицо Престо.

– Так вы... действительно Престо? – спросил Себастьян.

– Ну разумеется, – улыбаясь, ответил Тонио. – Неужто вы до сих пор сомневаетесь в этом?

– Простите, но я человек простой, и у меня заходит ум за разум, когда я думаю обо всем этом. А вдруг, думаю я, моего мальчика убил какой-нибудь бандит, похожий на него, и объявил себя Престо. И я буду служить ему...

– Вот в чем дело! Ну, теперь, кажется, вы договорили все до конца! Идите скорее за мною!

Престо подошел к письменному столу, показал Себастьяну целую серию фотографических карточек, на которых последовательно изображались все фазы превращения старого Престо в нового, объяснил, почему и как это произошло. Себастьян был ошеломлен, качал головой, перебирал карточки, сверяя с живым лицом Престо.

– Чудеса! – наконец воскликнул он.

– Да, чудеса науки, – сказал Престо. – Ну, теперь вы верите, что я не бандит, убивший вашего мальчика? А если еще не верите, я могу рассказать вам все, все, что произошло с тех пор, как вы вошли в мой дом, все наши разговоры, все мелочи жизни. Ни один бандит, как бы он ни был ловок, не может знать этого! – И Престо действительно напомнил некоторые эпизоды, о которых никто не знал, кроме него и Себастьяна. И только тогда старик улыбнулся откры-

той улыбкой и воскликнул:

– Значит, и в самом деле мой мальчик попрос!

– Ну вот! Давно бы так, старина! – в свою очередь воскликнул Престо. – Значит, живем по-прежнему?

Себастьян закивал головой.

«Я одержал самую трудную победу», – подумал Престо и продолжал:

– А то выдумали уходить, когда вы мне сейчас так нужны. Больше, чем прежде. Ведь я начинаю новую жизнь, Себастьян... Кстати, как вы думаете, какая мебель потребуется, чтобы обставить комнату молодой девушки? Туалетные столики, трюмо, трельяжи?..

Себастьян усмехнулся одними глазами. «Вот оно куда повернула новая жизнь! Ну что ж, на то и вырос!..»

От наблюдательного Престо не ускользнул веселый огонек, сверкнувший в глазах старого слуги.

– Вы не думайте, что я собираюсь привести жену в дом, – поспешил сказать Престо. – Нет, я просто решил сдать внаем несколько комнат верхнего этажа. Зачем мне столько? Там поселится один джентльмен со своей племянницей. Я сдаю квартиру с обстановкой...

– Неужели до этого дело дошло? – с заботой спросил Себастьян.

– До чего, старина?

– До того, что эти суды и адвокаты так общипали вас, что приходится уж сдавать внаем комнаты. Ведь я тоже газеты

читаю...

– Нет, Себастьян, наши дела еще не так плохи. Но квартирант, видите ли, будет работать у меня секретарем. Личным секретарем... Я открываю собственное предприятие. Нужно, чтобы он всегда был под рукой. А у него племянница...

– Понимаю! – многозначительно сказал Себастьян. И мысленно прибавил: «А все-таки, если тут замешалась племянница, дело нечисто». И, с откровенностью старой няни, он спросил: – А кто она, племянница? Девушка? Молодая?

– Да.

– Так удобно ли ей, хоть и с дядей, в квартире холостяка...

«И он о том же! Второй и, наверно, не последний!» – подумал Престо, проклиная в душе лицемерные нравы общества. Поселение Эллен в его доме может дать пищу клевете. Но он не отступит, а Эллен не из тех девушек, которые придают всему этому значение!

– Вы правы, Себастьян. Но я подумал обо всем. Нам надо будет найти даму-компаньонку. Пожилую женщину из приличного общества. И тогда все будет в порядке.

Себастьян кивнул головой, и они начали составлять список мебели и необходимых вещей для новых жильцов.

Новый Санчо Панса

– Повернитесь! Еще! Пройдитесь! Присядьте! Поднимитесь! Жест удивления... ужаса... внезапной радости.

Престо стоял посредине большой комнаты, выходящей на север. Стена и часть крыши были застеклены. Другие стены задрапированы черным бархатом. На паркетном полу выложен черный квадрат – поле фокуса киноаппарата. Это было домашнее ателье Тонио. В нескольких метрах от него, наклонившись к видеоискателю киноаппарата, стоял Гофман. Сколько удачных поз, жестов Престо запечатлел Гофман в этом ателье, изо дня в день наблюдая уникального урод-карлика! Теперь Гофман изучал нового Престо.

– На сегодня довольно. Нам еще много о чем надо поговорить, Гофман! – сказал Престо и, выйдя из «магического» квадрата, прошел к стеклянной стене, где стоял стол с двумя креслами. На столе лежали папки с бумагами, сигарный ящик, папиросы, электрическая зажигалка, пепельница.

Тонио закурил папиросу.

– Ну как? – спросил он у Гофмана с некоторым волнением.

Гофман не спеша обрезал сигару автоматическим ножичком, закурил, выпустил струю дыма и, наконец, ответил, глядя куда-то в сторону:

– Я еще не вижу вашего нового лица, Престо. Вы мно-

го приобрели, но много и потеряли. Ваши движения стали более медленными, плавными. Это хорошее приобретение. Помните, сколько хлопот причиняли вы мне своими быстрыми, суетливыми движениями? Для вас было сделано исключение, во-первых, потому, что иначе вы не могли, и, во-вторых, потому, что в этом и заключалась одна из характерных особенностей вашего артистического лица. И все же мне нередко приходилось прибегать к замедленной съемке, в то же время заставляя ваших партнеров несколько ускорять движения, чтобы найти какую-то равнодействующую. Это была адски сложная работа. Теперь этой трудности нет. Но что есть нового? Пока я как-то не чувствую его... И, откровенно говоря, если бы вы пришли в киноателье на испытание как никому не известный молодой человек, который хочет попробовать себя в кино, я не уверен, что заинтересовались бы вами директор, кинооператор, режиссер.

Престо бросил папиросу, как будто она была очень горька, и закурил сигару.

– Вы простите меня, что я так откровенно... – немного смутился Гофман.

– Откровенность лучше всего, – ответил Престо. – Ваши слова, не скрою, немного огорчают меня, но не удивляют. Я этого ожидал. Иначе и быть не могло. Но я верю в себя. Мое новое лицо! Чтобы его увидеть, мало повертеться перед вами... Вы знаете мой творческий метод. Мне нужно войти в роль, перевоплотиться в героя, зажить его жизнью, всеми его

чувствами, тогда сами собою придут нужные жесты, мимика, позы и раскроют лицо. Вот, подождите. Я уже работаю над сценарием. И когда я явлюсь вам в роли нового героя, вы увидите мое новое лицо.

– Что же это за сценарий? – заинтересовался Гофман.

Престо нахмурился, а Гофман рассмеялся.

– Вижу, что у вас многое осталось от старого Престо! – воскликнул он. – Новый сценарий всегда был тайной для окружающих, пока вы не поставите последней точки. У, какой вы бывали сердитый во время этой работы! Словно одержимый. С вами и разговаривать в это время трудно было. Вы или раздражались, или непонимающими глазами смотрели на собеседника. Вы теряли сон и аппетит, словно тяжелобольной. Но вот наступал день, и вы являлись с веселой улыбкой, становились добрым и общительным. И все в киностудии, начиная от звезд и кончая плотниками, знали: новый сценарий родился!

Престо улыбнулся и ответил:

– Да, это правда. И в этом я, кажется, не изменился.

– Но если вы не хотите рассказать содержание нового сценария, то, может быть, познакомьте меня хоть с общими вашими планами? Ведь новое лицо, насколько я понимаю, должно создать и новое направление в вашем творчестве.

– Иначе и быть не может, – сказал Престо и протянул руку к папке. – Об этом я и хотел побеседовать с вами.

Тонио порылся в папке и вынул исписанный листок.

– Вот, как вам нравится этот отрывок из Уолта Уитмена: «...Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишашие ничтожными гротесками, калекami, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой. В лавках, на улицах, в церквах, в пивных, в присутственных местах – всюду легкомыслие, пошлость, лукавство и ложь; всюду фатоватая, хилая, чваная, преждевременно созревшая юность, всюду чрезмерная похоть, нездоровые тела, мужские, женские, подкрашенные, подмалеванные, в шиньонах, грязного цвета лица, испорченная кровь; способность к материнству прекращается или уже прекратилась, вульгарные понятия о красоте, низменные нравы или, вернее, полное отсутствие нравов, какого, пожалуй, не найти во всем мире...» Так Уитмен писал о современной ему американской демократии. Согласитесь, что в настоящее время картина не лучше, а хуже, – заключил Престо.

Гофман слушал внимательно, сначала с удивлением, потом со все возрастающим беспокойством и, наконец, с возмущением.

– Что вы на это скажете? – спросил Престо.

– Вы хотите вступить на этот гибельный путь? – уже с ужасом спросил Гофман.

– Почему же гибельный?

– На путь обличения социальной несправедливости? Путь политики? Хотите бросить вызов национальному самолю-

бию? Вас растопчут ногами! Против вас вооружатся все, имеющие власть и деньги. Но и зрители отвернутся от вас – зрителю не очень-то нравится быть в положении оперируемого больного под ножом злого хирурга.

– Не горячитесь, Гофман! Выслушайте меня.

Но Гофман продолжал, как проповедник, обличающий великого грешника:

– Вспомните судьбу картин режиссера Эрика фон Строегим. Он не хотел давать «счастливых» картин. И что же? Их принимали холодно, несмотря на все художественные достоинства.

– Надо сделать так, чтобы их принимали восторженно, – возразил Престо. – Вы не думайте, что я собираюсь ставить грубо-агитационные картины, показывать одни чердаки и подвалы, ужасы эксплуатации и безработицы. Я хочу создать такие картины, чтобы зритель смеялся не меньше, а даже, может быть, больше, чем раньше. Я хочу показать и красоту и величие души, но там, где ее раньше никто не видел. Мы с вами многое просмотрели, Гофман. Вы и не подозреваете, сколько может быть грации, изящества в простых трудовых движениях девушки, убирающей комнату или развешивающей белье... Мы слишком много снимали дворцов и аристократов... Не бойтесь. На моих новых картинах смех не будет умолкать. Будет смех, будут и слезы. Ведь публика любит и поплакать. Вы это тоже знаете. Зритель выйдет из кино очарованный. А через день-два он задумается. И неза-

метно для себя придет к выводу, что наш мир, наша прославленная демократия не так-то уж хороши, что надо искать какой-то выход, а не только упрямо верить в возвращение золотого века процветания, который ушел и не вернется больше... Вот моя цель!

Это я вам так откровенно обо всем говорю, Гофман, – сказал Престо после паузы. – Но зритель, да и все наше так называемое общество, пожалуй, не так скоро разберется в «социальной коварности» моих новых фильмов.

– Разберутся! И скорее, чем вы думаете! – возразил Гофман. – Мистер Питч первый отвергнет ваши сценарии. А если не он, то цензура нью-йоркского банка, от которого он сам зависит, в лучшем случае изрежет, искромсает, исправит... или скорее же всего не даст «релиз».

– Мне не надо никакого релиза, – возразил Престо.

– Я не понимаю вас.

– А понять, казалось бы, нетрудно. Я организую собственное кинопредприятие.

Гофман откинулся на спинку кресла и воскликнул:

– Час от часу не легче! Но это просто безумие! Я знаю, что вы имеете кое-какой капитал. Но ваши средства – дубинка против пушки. На вас пойдут войной все силы банковского капитала, его легкая кавалерия – пресса, прокатные фирмы, владельцы кинотеатров. Питч расходует несколько миллионов в неделю, а его предприятие еще не самое богатое в Голливуде. Вы просто идете на верное разорение, Престо, и

мне очень жаль вас. Кажется, карлик Престо был практичным человеком.

Тонио улыбнулся.

– Время покажет, кто из нас практичнее, старый или новый Престо. Не думайте, Гофман, что я поступаю опрометчиво. – Он хлопнул рукою по папкам. – Мы с вами еще займемся этим материалом, и вы увидите, что я все предусмотрел. Как бы то ни было, весь риск падет на одного меня. Я приглашу очень немногих крупных артистов. Если разорюсь, они всегда найдут другую работу. Всю остальную массу артистов и служащих я предполагаю нанять из безработных членов профессиональных союзов. Для них, на худой конец, это будет, по крайней мере, передышка.

– А если крупные артисты не пойдут к вам? Не станет же мисс Люкс играть роль прачки!

– Обойдусь и без них, – ответил Престо. – Мне трудно было бы обойтись только без опытного, талантливого оператора. Но я рассчитываю на вас, Гофман. Неужели и вы, мой старый друг, отречетесь от меня и скажете: «Я не знаю этого человека»?

Наступило напряженное молчание. Гофман пускал кольца дыма, глубоко задумавшись. Потом он начал, как бы рассуждая вслух:

– Мое дело маленькое – вертеть ручку аппарата. И все же мне не безразлично, что я наверху. Работая с вами, я перейду во враждебный банковский лагерь, составлю себе репутацию

«красного». И банки будут мстить мне. Если вы разоритесь, мне трудно будет найти другую работу.

Престо не мог не согласиться с этим доводом, поэтому не возражал, с волнением ожидая отказа. Гофман вновь замолчал, следя за дымными кольцами.

– Но мне не хочется оставлять и вас, старина, в тяжелое время. Вы делаете большую глупость. Для меня это совершенно очевидно. И еще просите меня помочь вам скорее разориться...

– Без вас я могу разориться еще скорее, Гофман. Но не в этом дело. Поймите же, что я начал эту неравную борьбу прежде всего в интересах самих киноработников.

И Престо начал горячо говорить о беспощадной эксплуатации предпринимателями киноработников, об их бесправии, о подавлении личности, о бездарных «звездах», раздутых рекламой, о безвыходном положении талантливой молодежи.

Все это было хорошо известно Гофману, который и сам прошел тяжелую жизненную школу.

– Пора изменить это невыносимое положение, – закончил Престо. – Я мечтаю о кооперации, о коллективном отстаивании интересов киноработников. Мы сами не знаем своей силы.

– Зато хорошо знаем силу врага, – меланхолично отозвался Гофман.

«Откажется», – с тоской подумал Престо. Но Гофман все

еще пускал кольца дыма.

Престо – друг, но своя рубашка ближе к телу. Именно потому, что Гофман прошел тяжелую жизненную школу, ему не хотелось рисковать тем, что он уже имеет. Но так ли уж велик риск? Если новый Престо окажется плохим артистом и его сценарий будет иметь «опасные мысли», Гофман узнает об этом прежде, чем картина появится на экране, и он сумеет уйти вовремя. Этому можно будет даже придать вид протеста, и его репутация будет сохранена...

Гофман улыбнулся и сказал.

– Вы Дон Кихот, Престо. А у каждого Дон Кихота должен быть свой Санчо Панса. Ну, что же, берите меня оруженосцем, благородный рыцарь Ламанчский, хотя воевать нам придется далеко не с ветряными мельницами!

Престо крепко пожал руку своему другу.

– С вами вместе мы победим всех великанов, дорогой Гофман, и я заранее назначаю вас губернатором острова! – воскликнул он.

– Ох, уж эти Дон Кихоты, – вздохнул новый Санчо Панса. – Благодарю за честь. Не знаю, завоюем ли мы остров, но палочных ударов определенно немало падет на наши головы.

– Мы ответим на них встречными ударами, Гофман. А теперь давайте готовиться к бою.

И, раскрыв папки, наполненные выписками и расчетами, сделанными на берегу Изумрудного озера, он начал посвящать Гофмана в свои планы.

Борьба начинается

Престо развивал кипучую энергию. Он нанял большой дом, где устроил временную контору. С утра до вечера здесь стояла толчея: нанимались служащие, актеры, заключались всяческие договоры. Весть о новом кинопредприятии быстро разнеслась среди армии безработных Голливуда. Артисты, статисты, работники всех специальностей приходили толпами, становились в большие очереди. Престо сам принимал каждого кандидата, не исключая статистов, беседовал с ними, заставлял позировать, разыгрывать импровизированные сцены. В чем другом, но в людях недостатка не было. В четыре часа прием артистов и служащих прекращался, и, поспешно пообедав, Престо переходил к другим делам: говорил с комиссионерами о покупке или аренде земельного участка для постройки на нем киностудии, с подрядчиками, поставщиками, архитекторами.

Эта вторая половина дня проходила для Престо гораздо труднее, чем первая. О новом предприятии уже знали не только безработные, но и кинопредприниматели. Появление нового конкурента не могло не волновать их. Особенно озабочен был мистер Питч: Тонио, который долгое время был козырем в его игре, теперь становился опаснейшим соперником. Питч и другие кинопредприниматели открыли против Престо военные действия. Под видом безработных, ко-

которые приходили наниматься, Питч подсылал к Престо своих шпионов и лазутчиков, переманивал наиболее талантливых артистов, вставлял палки в колеса где только можно.

Ко всему этому Тонио был подготовлен. Но ему было нелегко. Комиссионеры, например, нашли подходящий участок, все переговоры с собственником успешно закончили, оставалось только оформить сделку. Но в последний момент Питч узнал об этом и перехватил участок, не поскупившись уплатить вдвое больше.

Престо приходилось самому прибегать к хитростям и уловкам.

«Вот приедет Барри, его здесь еще никто не знает, и он купит какой-нибудь участок на свое имя, как будто под плантацию или огород. Барри довериться можно», – думал Престо.

Конкуренты интересовались особенно тем, какие картины будет ставить Престо. Но, несмотря на все ухищрения, этого они никак не могли узнать. С журналистами Тонио или отказывался разговаривать, или же начинал нести такую околесицу, что даже у привыкших ко всему разбойников пера глаза лезли на лоб, и эти профессиональные лгуны не решались печатать подобные интервью. Нанятым артистам, которые проявляли слишком большое и подозрительное любопытство, Престо отвечал:

– Дойдет до съемок – узнаете.

Раздосадованный Питч пригласил к себе Люкс и сказал ей:

– Я рассчитываю на вашу помощь, мисс.

– В чем дело? – спросила она.

– Дело в том, – ответил Питч, – что этот Тонио Престо не дает мне покоя. Он решительно не хочет снять маску и показать нам свое новое лицо. Что он замышляет? Какие картины будет ставить? Для меня крайне важно знать. Исторических картин со всякими замками, пирамидами и тысячами статистов он, конечно, не поставит. Для него это слишком дорогое удовольствие. Да и раньше не на внешние эффекты он делал ставку. По всей вероятности, Престо будет прибегать к дешевым натурным съемкам или обыгрывать неглубокие интерьеры. Но содержание! Содержание!

Питч задумался.

– Что же вы хотите от меня? – спросила Люкс, которой надоело ждать.

Питч не обратил внимания на ее вопрос и продолжал, как бы рассуждая вслух.

– Мне хотелось бы иметь достоверные сведения от самого Престо. Я засылал к нему кое-кого, намекая на то, что если он придет ко мне, то получит очень интересные предложения. Мы хотели не только узнать о его планах, но, если возможно, и купить его. Банки отпускают на это очень значительные суммы, перед которыми он, может быть, не устоял бы.

– Что же вы сделали бы с ним, если бы такая купля-продажа состоялась?

– На худой конец хотя бы законсервировал его, как кон-

сервируют новые изобретения, угрожающие старым предприятиям.

– Платить большие деньги и не давать играть? На это он не пойдет.

– Ради больших денег люди на все пойдут, – убежденно ответил Питч. – Впрочем, если бы он, сверх ожидания, оказался по-новому интересен, мы смогли бы прибрать его к рукам, заставить играть в тех ролях и сценариях, которые мы создадим.

– И что же Престо?

– Этот упрямец отказался идти ко мне. Остается, по крайней мере, узнать его планы, и вы должны мне помочь выпытать их у него. Ведь он вас любил и, наверно, еще любит. Ко мне он не пошел, но к вам, наверно, пойдет, если вы пригласите его. Правда, между вами, кажется, произошло что-то вроде ссоры. Но женщины умеют, когда захотят, вертеть нашим братом, – со вздохом произнес Питч, вспомнив, во сколько обошлось ему это женское уменье.

– Наконец, – продолжал он, – вы можете пригласить его по делу. Напишите ему письмо, намекните, что вы интересуетесь его начинанием. Ого! Если бы он заполучил вас, артистку с мировым именем. Для него вы были бы кладом. Ведь у него все безлика посредственность, мелочь, никому не известная молодежь, серая масса, я знаю это. Только кликните, и он прибежит к вам.

Люкс задумалась. Она сама не прочь была повидаться с

Престо. Правда, она дважды отвергала его и в его старом, и в новом виде. Но с тех пор многое изменилось. Ведь и Питч отверг нового Престо, а вот теперь сам засылает к нему парламентаров.

Люкс окончательно поссорилась со своим женихом, когда узнала его поближе, он слишком рано и круто начал предъявлять свои права в качестве будущего мужа, явно подбираясь к капиталам Люкс, а она умела крепко держать их в руках. Затем Люкс не могла не признать, что новый Престо очень интересный мужчина, несколько не уступающий Лоренцо. И, наконец, он начинал собственное предприятие, которое, в случае удачи, могло принести большие барыши. Он снова становился человеком с будущим. Правда, еще неизвестным будущим, а Люкс была человеком осторожным и расчетливым. И она была еще далека от того, чтобы связать себя хотя бы деловыми связями с Престо. Но его не следует выпускать из виду.

Чтобы придать большую цену своему поступку, Люкс сказала Питчу:

– Вы меня ставите в несколько затруднительное положение, мистер Питч. После того, что произошло между мною и Престо, который едва не убил меня, мне нелегко обращаться к нему. Но все же я постараюсь повидаться с ним и выполнить ваше поручение.

– Вы же умница и прекрасно справитесь с этим делом! – воскликнул Питч.

И эти слова еще выше подняли Престо в глазах Люкс: Питч был скуп на похвалы и комплименты и делал это только в исключительных случаях.

Потерянный поклонник

Когда человек окружен врагами, он поневоле становится подозрительным и осторожным. Получив и прочитав письмо Люкс, Тонио тотчас догадался, что это маневр Питча. Однако и он был не прочь повидаться с Люкс. Она все еще интересовала его. Тем осторожнее надо быть с нею. Люкс, конечно, будет спрашивать о планах. Нужно ли дольше скрывать их? Скоро начнутся репетиции, и тайна все равно всем станет известной.

«Пусть Люкс воображает, что я не устоял перед ее очарованием, как Самсон перед Далилой. Посмотрим, как она примет мой план!» – подумал Престо.

В назначенный день и час Престо вошел в знакомый бу-дуар, устланный коврами и уставленный оттоманками, пу-фами, раздвижными креслами. Пестро и разностильно. Но у хозяйки, подбиравшей эту мебель, был свой расчет: садясь и ложась на кресла и кушетки самой разнообразной формы, можно было показать наиболее выгодные позы, – показать товар лицом, – а это было очень важно, так как поднимало цену товара в глазах кинопредпринимателей и режиссеров, которые посещали «звезду». Красота тела для нее была главным богатством.

Люкс приняла Престо в costume Клеопатры, лежа на длинном египетском диване с кривыми ножками. Клеопат-

ра – была ее новая роль, а Люкс имела обыкновение «входить в новые роли», преображаясь и дома в новую героиню.

– Мне надо почувствовать себя царицей Египта, – говорила она, иногда заставляя даже свою камеристку одеваться в костюм египетской рабыни и подавать ей шоколад в египетской чашке. Впрочем, это была скорее причуда, расчет на лишний эффект, чем серьезная творческая работа.

Престо, взглянув на новоявленную Клеопатру, не почувствовал прежнего волнения. Несмотря на то, что Люкс была изумительно красива в этом экзотическом наряде, он все же оставался холоден. Ему даже показалось, что перед ним не живой человек, а статуя из музея восковых фигур.

Люкс улыбнулась гостю одною из своих самых неотразимых улыбок, а в ее арсенале их были дюжины, на все случаи жизни и артистической практики.

– Я очень рада вас видеть, Тонио, – певуче сказала она, в то же время внимательно наблюдая, какое произвела действие.

По-видимому, она ожидала большего эффекта. Мимолетная озабоченность мелькнула на ее лице, но она тотчас придала ему беззаботное выражение.

– Садитесь. Мы так давно не виделись. Загорели и как будто немного похудели. У вас усталый вид. Много работаете? – спросила она его и в то же время подумала: «Почему он сегодня такой деревянный? Ни одного комплимента, не вздыхает, не смотрит на меня с тоской. Неужели я потеряла власть

над ним?»

– Да, я много работаю, – ответил Престо, усаживаясь на низенький мягкий пуф.

– Слыхала. Вы начинаете собственное дело. Наверно, это будет что-нибудь оригинальное, как все, что исходит из рук Тонио Престо.

Престо пропустил мимо ушей комплимент – только кивнул головой.

– Очень оригинальное, мисс Люкс.

– И, наверно, вы придумали чудесные роли?

– О, да. Роль героини, кажется, удалась мне.

– Это очень интересно. Расскажите, расскажите скорее.

– Вы так живо интересуетесь, словно не прочь были бы и сами принять участие в моей работе? – спросил Престо, едва заметно улыбаясь.

Люкс медлила с ответом. Она именно этого и хотела – дать Престо понять, что, быть может, не откажется перейти к нему на работу, если ее об этом очень попросят и если сценарий и роль будут по ее вкусу, но вместе с тем Люкс хотела избежать определенного ответа, который связал бы ее.

– Какой же артист не мечтает о выигрышной роли, – ответила она.

Теперь она ожидали, что Престо начнет расхваливать роль героини, чтобы еще больше заинтересовать ее. Но Тонио неожиданно сказал:

– Боюсь, что эта роль не для вас. – И прибавил: – Вы не

справитесь с нею.

Это был вызов, почти оскорбление.

– Роль может мне не понравиться, – возразила она ледяным тоном, – но чтобы я не справилась с нею!.. Вы, кажется, знаете меня не один день, Тонио, – уже более мягко, с дружеским упреком закончила она.

– Я знаю, какая вы артистка!

«Даже не сказал «гениальная» или хотя бы «талантливая», – с неудовольствием отметила Люкс.

– Дочь короля, графиня, молодая вдова миллионера, знаменитая артистка... – начал Престо перечислять лучшие роли Люкс. – Изумительные костюмы: шелка, золото, драгоценные камни, роскошные прически... Но это не то, совсем не то, что у меня, мисс Люкс.

– Что же у вас? – спросила обиженным тоном Люкс. – Кто же ваша героиня?

– Прачка.

– Прач-ка? – скорее прошептала, чем проговорила она, глядя на Тонио расширенными глазами. Уж не издевается ли он над нею?

– Да, самая обыкновенная прачка, впрочем, молодая и симпатичная, – спокойно ответил Престо. – А герой... герой – безработный в рубище, который ходит по мусорным ящикам и собирает крючком кости и тряпки. Место действия – подвалы, чердаки и задние дворы.

Люкс несколько овладела собой, улыбнулась.

– Вы шутите, Тонио.

– Я говорю совершенно серьезно. Мне, конечно, было бы очень приятно, если бы моя прачка обладала вашей внешностью. Контраст между богатством, которым природа наделила героиню, и тем, что дала ей жизнь, был бы очень эффектен, но, мне кажется, вам нелегко было бы войти в такую роль.

Лицо Люкс вдруг потеряло все свое очарование. Оно сделалось холодным и почти злым. И Гедда сразу потеряла весь интерес к Престо. В ее глазах он был конченный человек. Питч может быть спокоен: Престо сам свернет себе шею.

– Так как же, мисс, вы думаете о новой роли? – спросил он, почти не скрывая иронии.

– Поищите вашу героиню среди прачек, мистер Престо, – ответила она ледяным тоном.

– Я так и сделаю, мисс, – вызывающе весело ответил Престо и подумал: «Простенькая Эллен – жемчужина по сравнению с этой мишурой».

Говорить им больше было не о чем. Престо раскланялся и вышел.

Люкс неподвижно лежала на египетском диване. Теперь она действительно походила на Клеопатру, которую только что ужалила в грудь змея. Пусть Престо сломает себе шею – для нее это безразлично. Но как он мог так легко разлюбить ее? Неужели она начала терять женское обаяние?.. Эта мысль заставила ее похолодеть. Ее обаяние – ее капитал...

«Нет, нет, – успокаивала она себя, – ни одно зеркало не говорит мне о том, что я начинаю увядать. Тут что-то другое. Быть может, последствие метаморфозы, которую перенес Престо, а может быть, он увлекся... какой-нибудь прачкой. Тем хуже для него! И он смел еще мечтать обо мне!..»

А Престо, возвращаясь к себе на автомобиле, в свою очередь думал о Люкс:

«Она остается одною из самых очаровательных женщин. Это неоспоримо. Но чем ближе узнаешь ее как человека, тем больше разочаровываешься. У нее нет другой цели в жизни, как деньги, нажива... Нет, все это звезды не моего небосклона. Новое дело надо делать с новыми людьми, и я найду их среди талантливой молодежи!»

На пороге виллы Престо встретил Себастьяна, чем-то смущенного.

– У нас гости, – сказал он.

– Кто? – небрежно спросил Тонио, предполагая, что кто-нибудь пришел по делу.

– Жильцы приехали. Пожилой мистер и с ним молодая мисс. – И Себастьян хитро посмотрел на Престо.

– Это Барри! – воскликнул Престо. – Наконец-то! Где они?

– У себя, наверху. Раскладываются, приводят себя в порядок с дороги. Миссис Ирвин помогает им.

Миссис Ирвин, переселившаяся уже несколько дней тому назад на виллу Престо, была почтенная вдова, приглашенная

на роль компаньонки Эллен.

– Отлично! Отлично! – оживленно воскликнул Тонио. – Прикажете накрыть завтрак в голубой гостиной. Четыре прибора!

Эллен начинает новую жизнь

– Как я рад вас видеть, дорогой Барри, – говорил Престо за завтраком. – Я с нетерпением ожидал вас. Дела по горло.

– Меня задержала администрация парка, пока был найден подходящий заместитель. Они ведь очень разборчивы и о каждом новом служащем собирают предварительные справки – не член ли профсоюза, не участвовал ли в забастовках и прочее.

– Теперь мне будет легче, – сказал Престо и начал знакомить Барри с положением дел, в то же время поглядывая на Эллен и миссис Ирвин.

Почтенная дама, полная, флегматичная женщина с седеющими волосами, была поглощена едой. Больше всего она любила плотно покушать и подремать в кресле. И новая должность вполне удовлетворяла ее. От нее ничего не требовали, кроме того, чтобы она жила в доме и ни во что не вмешивалась. Приятная служба!

Эллен поглощала завтрак с аппетитом молодого здорового человека, в то же время внимательно прислушивалась к разговору и время от времени поглядывала на Престо. Она была одета в простенькое, хорошо выстиранное и выглаженное собственными руками платье из светлой холстинки.

После завтрака миссис Ирвин удалилась в свою комнату, – смежную с комнатой Эллен, – подремать под болтовню сво-

его старого друга – зеленого попугая, а Престо повел Барри и Эллен показывать виллу.

Он ожидал, что дикарка Эллен будет себя чувствовать неловко в новой обстановке, но Эллен не проявляла ни малейшего смущения. Ее не ослепили невиданная красота и богатство виллы, хотя она и проявляла живейший интерес к собранным Престо произведениям искусства. Престо, показывая на картины и скульптуры, называл имена художников, а Эллен часто дополняла его пояснения. Видимо, дядюшка немало потрудился над ее образованием.

Огромная, отделанная резным дубом библиотека привела Эллен в восторг.

– Сколько книг, – воскликнула она.

Девушка с жадным любопытством перебегала от шкафа к шкафу, от стеллажа к стеллажу, ловко влезала по лесенкам, вынимала то одну, то другую книгу. Очень заинтересовался библиотекой и Барри. Слово руководимый каким-то чутьем, он быстро нашел обширный отдел биологии, взглядом знатока пробежал по полкам, увидел прекрасные издания классиков естествознания, роскошные альбомы и воскликнул:

– Вот не ожидал, что киноартист проявляет такой интерес к научной книге!

– Наверное, не всякий артист, а настоящий, большой артист, – неожиданно для себя самой воскликнула Эллен, стоя наверху лесенки.

Эти искренние похвалы были очень приятны Престо.

– Кто хочет работать серьезно, тот должен многое знать, – сказал он. – Один справочный отдел этой библиотеки заключает в себе более пяти тысяч томов. Там вы найдете и историю костюмов всех времен и народов, и альбомы по архитектуре, и рисунки мебели, предметов домашнего обихода.

– Не ушла бы из этой библиотеки! – простодушно воскликнула Эллен.

– А вы и не уходите! – отозвался Престо, следя за каждым движением девушки, которая продолжала подниматься и спускаться по приставным лестницам.

Показав на огромную нишу, выходящую стеклянными окнами на север – чтобы солнечные лучи не мешали заниматься, – он спросил:

– Как вам нравится этот уголок?

Пол был застлан ковром. На круглых столах стояли лампы с шелковыми абажурами и лежали кипы новых американских и европейских журналов и газет. У оконного простенка, среди живых цветов, стоял бюст Афины.

– Очень нравится, – ответила Эллен.

– Ну вот, если хотите, вы здесь и будете заниматься. Я вас зачислю в сценарный департамент.

– В департа-а-мент! – протянула Эллен. – А что надо делать?

– Вы будете следить за газетами и журналами и делать вырезки. Что и как, я покажу вам. Работа интересная. В сво-

бодное же время – вся библиотека в вашем распоряжении. Согласны?

– Попробую, если справлюсь.

– Справитесь! – уверенно ответил Престо.

Но он совсем не думал оставить девушку на этой работе. Еще там, на берегу Изумрудного озера, он решил, что Эллен должна быть артисткой на новые роли новых сценариев. У нее для этого все данные. Осторожно и исподволь он будет добиваться цели. А пока надо дать Эллен какую-нибудь работу, чтобы она не скучала. Притом для нее будет приятно, что она сама зарабатывает.

Однако Престо понимал, сколько трудностей стоит на его пути. Тонио помнил, с каким недоверием и предубеждением отнеслась Эллен к его предложению попробовать себя в кино. «Я и ступить-то не умею!» – ответила она. А между тем все, что хотел он от нее, – это то, чтобы она и перед аппаратом только оставалась сама собой. Но тут планам Престо грозила опасность. Он знал, как быстро женщины ассимилируются в новой среде, какую они обладают мимикрией – способностью подделываться под окружающую обстановку. Простенькое платье, в котором он встретил ее, в первую минуту успокоило его, но потом он подумал: у Изумрудного озера Эллен и не могла сделать другое. Не было материала, хорошей портнихи, модных журналов, да, наверно, и денег. Но что будет с нею, когда она войдет в артистический круг? Ни одна женщина, тем более молодая, не захочет быть зо-

лушкой среди других. Эллиен начнет наряжаться и, что еще хуже, подражать жестам, манере держаться, начнет перенимать худшее у этих изломанных кукол. А нет ничего более ужасного, безвкусного, вульгарного, как подделка, неудачное подражание аристократическим манерам. Тогда Эллиен пропала для экрана... Но Престо надеялся, что здоровая простота, которую ей привили условия жизни и разумное воспитание старика Барри, сохранят ее от разлагающего пути.

В библиотеке появился Себастьян и сказал:

– Вас вызывают в контору, мистер!

Престо тяжело вздохнул. Ему не хотелось уходить, но сегодня он еще не был в конторе, а там, вероятно, уж десятки человек ждут его.

– Хорошо. Передайте по телефону, что сейчас выезжаю, – ответил он и обратился к Барри: – Ну, что же, мистер, если вы не устали с дороги, едем со мною. Я познакомлю вас с моими ближайшими помощниками.

Неожиданный успех

Чем дальше подвигалось дело, тем больше препятствий приходилось преодолевать Престо. На него ополчились все силы американской реакции и капитала. Газеты были полны самыми грязными инсинуациями и клеветой по адресу недавнего любимца всей страны, «продавшегося красным». Вновь поднялась кампания против «человека, потерявшего лицо». Газеты требовали пересмотра дела и лишения Престо имущественных прав. Чтобы отбиваться, Престо приходилось подписывать все новые крупные чеки на имя изворотливого, но жадного Пирса. Нависла угроза и уголовно-го обвинения в краже у Цорна медикаментов, и в «отравлении» целой группы киноработников и государственных служащих: прокурора, губернатора...

Несколько дней подряд газеты печатали с комментариями интервью, которое дала журналистам Люкс: женщины умеют мстить!

Она рассказывала, как Престо «на коленях умолял ее принять участие в его предприятии, чтобы спасти его от неминуемого краха. Но она с негодованием отвергла его предложение, не желая пятнать свое имя в этом грязном, антиобщественном, преступном деле, направленном против американского народа и чести американской демократии...».

Эллен, выискивая в газетах и журналах нужные статьи,

читала эти заметки. Встречаясь с Престо, она бурно выражала свое негодование. Престо был уж не рад, что дал ей такую работу, хотя искреннее возмущение Эллен и трогало его. В этой горячности было нечто большее, чем чувство возмущенной справедливости, и он с новым интересом приглядывался к девушке.

– Ничего, мисс Эллен! Все это в порядке вещей, и для меня в этом нет ничего неожиданного. Борьба на жизнь и смерть – незыблемая основа нашей прославленной демократии. И мы будем бороться. А вы поможете мне?

– Я готова сделать все, чтобы помочь вам! – горячо и искренне воскликнула Эллен.

Престо был растроган. Он взял ее руку и сказал:

– Быть может, эта помощь очень скоро понадобится мне. Не забудьте же вашего обещания!

Он решил воспользоваться ее настроением и со временем добиться согласия на участие в фильме. Дело с героиней-прачкой у Престо не ладилось. Известные и опытные артистки отказывались играть прачку, а молодые, находившиеся под влиянием условных штампов кинозвезд, не справлялись с ролью. Их прачки напоминали танцовщиц из мюзик-холла или графинь, занимающихся стиркой, но очень далеки были от образа настоящей труженицы. И поэтому репетиции пока шли без съемок.

Чтобы отвлечь Эллен от расстраивавших ее газет и скорее достигнуть цели, Престо нередко говорил ей:

– Довольно о газетах. Поедемте лучше со мной в киностудию.

Девушка охотно соглашалась. Таинственный закулисный мир кино интересовал ее. А Престо тонко вел свою линию. В ее присутствии он умышленно поручал роль героини самым неподходящим артисткам. И когда они, как бы танцуя фокс-трот, начинали топтаться возле корыта или вынимали белье двумя пальчиками с приподнятыми мизинцами, как конфету из бомбоньерки, – Эллен не могла удержаться от улыбки и насмешливых замечаний и иногда возмущенно восклицала:

– Вот чудачка! Да разве это так делается? Она никогда не видела, как белье стирают, полощут, развешивают!

– А вы ей покажите! – с невинным видом однажды сказал Престо. Эллен смутилась, но он продолжал: – Вы только окажете ей хорошую услугу. Надеюсь, вы не стесняетесь того, что умеете стирать белье?

Престо попал в цель.

– Нисколько, – ответила она. – Я считаю, что никакая черная работа не унижает человека. Позвольте мне! – обратилась Эллен к артистке и принялась за работу с такой непринужденностью, как будто находилась в сторожке на берегу Изумрудного озера.

К счастью, опасения Престо не оправдались: Эллен не утратила простоты и естественности своих движений. Тонио, видя ее работу, затаил дыхание, а Гофман, который, не снимая, по обыкновению находился на посту возле аппарата,

как-то крякнул и вдруг с ожесточением завертел ручкой.

«Даже Гофмана проняло!» – с радостью подумал Престо.

Артисты с вниманием и некоторым изумлением смотрели на Эллен. В студии стало совсем тихо. Эту напряженную тишину нарушал только сухой треск аппарата. А Эллен как ни в чем не бывало продолжала заниматься стиркой. Когда, наконец, она кончила, Гофман перестал крутить ручку и взревел на всю киностудию:

– Нашли! Нашли, черт возьми! Да ведь это же дьявольски хорошо вышло!

И артисты, в большинстве молодежь, еще не зараженная духом зависти, дружно зааплодировали. Эллен, сама того не сознавая, показала всем предельную высоту всякого искусства: простоту.

И только теперь, видя неожиданный эффект своего выступления, она смутилась и покраснела. Все поздравляли ее, Гофман безумствовал. Он тряс Эллен руки и кричал:

– Теперь мы победим! Вы прирожденная...

– Прачка! – добавила Эллен.

– Прирожденная артистка! Поверьте мне, старому волку!

То, что другим дается с величайшим трудом, годами учения, вам даром идет в руки.

– Это, может быть, потому, что артисты играют, – возражала Эллен, – а я даже не думала об игре.

– Вы жили. Это-то и нужно, – горячился Гофман. – Чем больше игры, искусственности, тем хуже. Вы же сами не раз

слышали, как мистер Престо просит артистов: «Только, пожалуйста, не играйте!»

Так Эллен, прежде чем дала свое согласие, стала артисткой по общему приговору видевших ее первое выступление.

Но сама она еще не верила этому и сомневалась.

Возвращаясь в автомобиле вместе с Престо на его виллу, она долго молчала. Престо искоса поглядывал на нее и тоже молчал. Пусть перебродится первое волнение. И только когда они проехали полпути, он спросил ее:

– Ну как?

– А все-таки я не буду артисткой, – ответила она.

– Почему?

– Ваше заключение слишком поспешно, – отвечала она. – Что я делала? Только работала, как всегда. Это каждый может, если делает свое обычное дело. Столяр точно так же строгал бы, землекоп копал, и у него это, конечно, вышло бы лучше, чем у артиста, который впервые берется за рубанок или лопату. Но ведь ваша героиня в фильме не только стирает белье. Она и радуется, и страдает, плачет и смеется, разговаривает и молчит, а это уж не то что белье стирать. Нет, я не стану играть. Сама осрамлюсь и фильм испорчу.

– Отчасти вы правы, – сказал Престо, – но только отчасти. Конечно, с вами еще предстоит большая работа. Но ведь и с артистами, которые берутся впервые за рубанок или лопату, тоже надо немало повозиться, чтобы, глядя на экран, над ними не смеялись профессионалы. Главное то, что у вас при-

рожденный талант, бесспорные задатки. Это я заметил еще у Изумрудного озера, когда вы изображали безумие Офелии. Поверьте моей опытности и опытности Гофмана, который имел дело с сотнями новичков и умеет оценить человека по одному движению, по одному жесту.

Эллен все еще не сдавалась и возражала:

– Но ведь это были только мои привычные жесты.

– Поймите же, – продолжал убеждать ее Престо, – что одно дело – стирать белье в хижине сторожа и другое – перед аппаратом. Самая лучшая прачка забывает свои привычные движения, как только ее начинают снимать. Она или смущается, и у нее все летит из рук, или начинает стирать так, как ей кажется нужно для экрана. И только по-настоящему талантливые люди могут устоять перед этим испытанием – съемкой.

В душе Престо и сам еще не был вполне уверен, но Эллен безусловно представляла собой самый подходящий сырой материал, обещала больше других. Неведомым для Эллен осталось и то, что Престо заранее сговорился с Гофманом поддержать, поощрить Эллен, если и он найдет, что из нее выйдет толк. И Эллен, видимо, не на шутку заинтересовала Гофмана, судя по искренней горячности, с которой он принял ее первый дебют. Что же касается остальных артистов, то они были восхищены не только естественностью, но и красотой, гармоничностью ее движений. Даже для более опытных артистов было откровением то, что подметил Пре-

сто еще на берегу Изумрудного озера: трудовые движения могут быть так же красивы и изящны, как художественная пластика, что самые хитроумные изошрения не могут лучше показать красоту форм, линий, динамику живого человеческого тела, чем эти трудовые позы и жесты.

Видя, что Эллен все еще колеблется. Престо сказал:

– Послушайте, мисс Эллен, совсем недавно вы сказали мне, что готовы сделать все, чтобы помочь мне. И эту помощь теперь вы можете оказать мне. Вы знаете, что я переживаю нелегкое время. Больше того, все висит на волоске. В случае неудачи я разорен, моя карьера кончена. Но в своем падении я увлеку и других – всех, кто связал свою судьбу с моею. Ведь, начиная это дело, я думал не только о себе. Об этом я говорил вам еще в сторожке парка. Не отказывайтесь, Эллен. Поймите, что и я, и Гофман не поведем вас и себя на провал. В успехе мы так же заинтересованы, как и вы, и мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить этот успех. Дайте только ваше согласие!

– Если дело обстоит так, то я согласна, – сдалась наконец Эллен.

Престо, вздохнув с облегчением, воскликнул:

– Давно бы так! – И, улыбаясь, докончил: – Теперь и ваша судьба связана с моею. Вместе победить – или вместе принять поражение!

Новое лицо престо проявляется

Это была большая победа и первая большая радость, которую испытал Престо с тех пор, как принялся за неравную борьбу.

Работа в киностудии над постановкой приобрела для него новый интерес. Престо был чрезвычайно строгим и требовательным режиссером. Экономя пленку, он не снимал десятки раз один и тот же кадр, как это обычно делалось в Голливуде. Только после бесконечных репетиций, когда игра артистов вполне удовлетворяла его, Гофман начинал съемку, и редкий кадр приходилось снимать вторично. Одну неудачливую молодую артистку Престо довел до слез, пока не добился того, чего хотел. Он сам перевоплощался во все роли, показывая, как надо играть. Волновался, сердился, иногда даже бранил артистов или в отчаянии бросался на диван с видом полного изнеможения, чтобы через несколько минут вновь взяться за муштровку. К счастью, теперь ему не мешал смех, который он неизбежно возбуждал, когда был уродом. Артисты терпеливо переносили все. Они видели полезность этой суровой школы и росли на глазах.

Не делал Престо исключения и для Эллен. Он был с нею строг не меньше, чем с другими. К его радости, он не обманулся в своих ожиданиях. Эллен была чрезвычайно понятлива. Стало совершенно очевидно, что она прекрасно спра-

вится с ролью героини.

Когда же дело доходило до съемки – артисты были уже в костюмах и гриме, являлся и Престо, тоже готовый к съемке, – он становился неузнаваемым: добродушный, веселый, как будто он явился не для ответственной работы, а для игры в поло. Это сразу поднимало настроение. Не было больше строгого, придиричивого учителя, был веселый участник в игре, и игра начиналась.

Вертя ручку аппарата, Гофман ни за одним артистом никогда не следил с таким вниманием, как за Престо в его новом облике и новой роли.

Первые впечатления Гофмана были неопределенны. Новое лицо проявлялось не сразу, словно на пленке с слабым проявителем. Облик Престо не имел характерных черт знакомой маски, по которой зритель сразу узнавал любимых комиков. Это был не человек-маска, а скорее – человек массы. Его лицо могло напомнить тысячи лиц, его ветхий костюм ничем не отличался от тысячи таких же ветхих костюмов безработных. Но началась игра, и новое лицо Престо стало постепенно проявляться. Тонио уже не был игрушечным уродцем, механизированным человеком, который пассивно принимает на себя удары судьбы, падает, поднимается и вновь падает, даже не возбуждая жалости, а только смех, как неодушевленный предмет.

Новый Престо так же принимал удары, наносимые судьбой, он так же попадал в самые неприятные и нелепые поло-

жения. Но он не только неизменно поднимался, но и неизменно вновь бросался в бой со своими угнетателями, как бы они ни превосходили его в силе. Это и смешило, и вызывало к нему человеческую симпатию. Игра нового Престо затрагивала более глубокие человеческие чувства. Несправедливость, удары, оскорбления, которые претерпевал Престо, за взрывом смеха тотчас будили чувства негодования, протеста, желания помочь.

Чем дальше подвигалась съемка, тем больше удивлялся и поражался Гофман. Вместе с физической метаморфозой в существо Престо произошла и чудесная интеллектуальная метаморфоза. От старого Престо новый сумел получить в наследство всю силу юмора, несмотря на то что новый его физический облик не имел никакого комического уродства. В новом Престо выявилось еще одно драгоценное качество, которым, быть может, и обладал старый Престо, но оно не доходило до зрителя, поглощаемое и заслоняемое его физическим уродством: глубокая человечность.

Однажды, во время перерыва, Гофман подошел к Престо и, крепко пожав ему руку, сказал:

– Вы превзошли все мои ожидания, Тонио. Я больше не сомневаюсь, что вы действительно обрели новое лицо. И с этим лицом нельзя не победить.

Престо улыбнулся радостно, но ответил печально:

– А между тем никогда я не был так далек от победы, как теперь. Зайдите ко мне сегодня вечером, Гофман. Мне нуж-

НО О МНОГОМ С ВАМИ ПОГОВОРИТЬ.

Верный друг до чёрного дня

В тот же вечер Гофман сидел в кабинете Престо.

– Работа над фильмом приближается к концу, но еще быстрее подходят к концу мои сбережения. Я разорен, Гофман, и нам не удастся окончить картину, – мрачно сказал Престо.

Гофман, нахмурясь, молчал.

– Деньги плывут, как вода, – продолжал Престо. – Каждую неделю я подписываю чеки на несколько миллионов долларов. У меня осталось денег всего на неделю, но и для этого мне пришлось уже заложить мою виллу со всей обстановкой. Я уже не хозяин в доме...

– Этого можно было ожидать, – сказал Гофман.

– Да, я ошибся в расчетах, – склонив голову, ответил Престо. – В производственных расходах на постановку фильма я не ошибся. Постановка обходится даже дешевле, чем я предполагал. Мы экономим на ленте, на натуральных съемках, почти совершенно обходимся без декораций, экономим на свете, на статистах, на костюмах, которые нам стоят гроши. Я не имею сценарного департамента с десятками писателей, сценаристов, литературных референтов. Вы знаете, я сам писал сценарий ночами, после бешеной работы днем. Я работал, как одержимый, без сна и отдыха, экономил, где только мог. И если бы дело шло только о расходах на постановку, де-

нег хватило бы с избытком. Но, признаюсь, я недооценил силы сопротивления и, главное, коварства наших врагов. Вы знаете, к каким только подлостям и каверзам не прибегали они, чтобы уничтожить меня, – борьба происходила на ваших глазах. Всюду чувствовали мы всемогущую руку мощных концернов и банков, субсидирующих и монополизировавших кинопромышленность. Нам отказывались продавать киноаппаратуру, даже пленку. Приходилось прибегать к подставным лицам, посредникам, комиссионерам и за все платить втридорога. Прокатные конторы и владельцы кинотеатров заранее объявили о том, что они не допустят на экраны мой фильм. Надо было строить собственные кинотеатры. Каждый из них стоил не меньше миллиона, кроме одного, возле Сан-Франциско, построенного по вашей идее.

Гофман кивнул головой. В свое время он действительно подал Престо мысль – заарендовать возле Сан-Франциско участок старого военного аэродрома и построить кино, вернее только проекционную будку и гигантский экран для демонстрации картин не только вечером, но и при дневном свете. В этом своеобразном театре под открытым небом не было зрительного зала, не было кресел и стульев. Зрители могли въезжать в «зал» – на большую площадь аэродрома – прямо в автомобилях и смотреть картину, не выходя из них.

– Эта новинка, – продолжал Престо, – должна привлечь публику и сделать рекламу. Но она не спасет положения. Притом такой театр доступен только владельцам автомоби-

лей, а вы знаете, что я делаю ставку на малообеспеченный, трудовой люд. Пришлось строить обширные закрытые кинотеатры в главнейших городах Америки...

Да, все это было известно Гофману, и Престо говорил ему о своих затруднениях только потому, что подводил итоги и еще раз проверял себя, где им была допущена ошибка.

– И вот, баланс подведен. Сальдо – нуль, а работа не кончена, – меланхолически заключил он и вопросительно посмотрел на Гофмана, ожидая его ответа.

– Я предчувствовал, – сказал Гофман. – Что же теперь делать? Банки нам не придут на помощь, об этом, конечно, нечего и думать. Не найдется и столь легкомысленного частного кредитора, который дал бы деньги, хотя бы и на ростовщических процентах, под разоряющееся и явно безнадежное, с его точки зрения, предприятие. Значит, если мы хотим продолжать борьбу, нам надо изыскивать какие-то внутренние ресурсы. У меня, конечно, есть личные сбережения, но они вряд ли спасут положение.

– Ни одного цента я не взял бы из ваших сбережений, Гофман, если бы они и спасли положение, – возразил Престо. – Довольно того, что вы согласились работать в таком одиозном предприятии.

Гофман не мог скрыть радость и начал торопливо объяснять свою позицию:

– Вы правы, дорогой друг, правы больше, чем думаете. Участием в вашем предприятии я действительно скомпро-

метировал себя...

– И если оно лопнет, что весьма вероятно, вас могут не принять на другую работу, и тогда ваши сбережения понадобятся вам, как никогда, – помогал Престо своему другу, видя, как тот ерзает в кресле.

– Да, да... – торопился Гофман окончить этот неприятный разговор. – И они мне могут понадобиться скорее, чем мне хотелось бы.

– Вот как? Что вы хотите этим сказать?

Гофман развел руками, вздохнул и ответил:

– Дело в том, что мне уже намекали... даже ставили в некотором роде ультиматум...

– Оставить меня? – догадался Престо.

– Да, разойтись с вами. А если я не сделаю этого, то все предприниматели подвергнут меня бойкоту, и работа в кино для меня будет потеряна...

– И вы решили?..

– Что вы на меня смотрите, Престо, как Цезарь на Брута? – смущенно спросил Гофман.

– Жду последнего удара, мой Брут, – холодно ответил Престо.

– Я еще ничего не решил, мой Цезарь, – так же холодно возразил Гофман. – Я считал нужным только предупредить... – Неловкость положения вдруг разозлила его, и он резко воскликнул: – Ну что я могу поделывать? Один в поле не воин.

– Я от вас ничего и не требую, Гофман, – печально сказал Престо. – И не волнуйтесь. Все это понятно, и все это в порядке вещей.

Наступила тягостная пауза.

– Проклятая жизнь! – проворчал Гофман. – Поверьте, если бы я был в силах помочь вам...

– Вы бы и помогли, и нечего больше об этом говорить. Вы вольны поступать, как хотите, а я... может быть, вывернусь как-нибудь, – сказал Престо, поднялся и протянул руку. Гофман пожал ее и вышел тяжелой поступью.

Престо долго стоял, опустив голову. Потом прошептал с горькой улыбкой:

– Верный друг... до черного дня... Ну что ж? Теперь только добрый волшебник мог бы помочь мне спасти дело. Но, к сожалению, в жизни таких случаев не бывает...

Флёр д'Оранж

Престо проснулся в шестом часу утра в своей большой белой спальне, где окна были закрыты, а чистый, охлажденный воздух подавался кондиционной установкой. Окинув взглядом комнату, Престо подумал: «Скоро со всем этим придется расстаться», – вздохнул, посмотрел на часы. «Можно еще полежать минут пятнадцать», – и протянул руку к ночному столику, на котором лежала стопка вечерних газет. Вчера он так устал, что не успел их прочитать.

Развернув первую газету, он начал быстро просматривать ее. Одна статья привлекла его внимание. Престо читал и хмурился все больше. Потом вдруг смял газету, бросил на пол и воскликнул с негодованием:

– Какая гадость! – откинувшись на подушку, он словно замер. Лежал неподвижно, с окаменевшим лицом. Только сдвинутые брови и учащенное дыхание говорили о внутреннем волнении и напряженной работе мозга. Прошло уже двадцать минут, а он все еще лежал в той же позе.

И вдруг, как человек, решивший трудную задачу, он ожил и резким движением протянул руку к кнопке электрического звонка.

– Себастьян! Скорее горячей воды для бритья! Приготовьте костюм! – сказал он вошедшему старому слуге, а сам в ночной полосатой пижаме и туфлях на босу ногу устремился

в ванную комнату, стены которой были облицованы розовым мрамором.

– Не знаете, мисс Эллен встала? – спросил он через открытую дверь, когда Себастьян принес воду.

– Мисс всегда с птицами встает, – отвечал старик.

«Не изменила своим привычкам», – подумал Тонио, улыбаясь, и сказал:

– Отлично! Приготовьте скорее кофе на веранде и скажите Джеффри, чтобы подал машину.

Через несколько минут он взбежал на второй этаж, быстро прошел длинный коридор и замедлил шаги, приближаясь к комнате Эллен. Постоял возле двери, из-за которой слышалось пение девушки, перевел дыхание, согнал последние следы озабоченности с своего лица и постучался.

Эллен открыла дверь. Косые лучи утреннего солнца золотили ее волосы и белое платье.

– Мистер Престо! – с удивлением, в котором не было ни тени неудовольствия, воскликнула она. – Что значит этот ранний визит?

– Мисс Эллен! – весело ответил Престо. – Утро чудесное, и мне пришла в голову мысль, не совершить ли нам прогулку, прежде чем ехать в студию. У нас сегодня большая работа, самые трудные кадры, а ничего так не освежает, как утренний воздух.

Беззаботное, веселое настроение Престо передалось и Эллен. Давно уже она не видела его таким жизнерадостным.

– Отличная мысль! – ответила девушка, улыбаясь.

– Тогда бежим, спешим! Кофе уже готов, а пока мы будем завтракать, шофер заправит и подаст машину.

Обжигаясь кофе и перебрасываясь шутками, они вели себя как школьники, которые придумали веселую забаву и спешат выполнить ее.

Со стороны подъезда послышался короткий низкий гудок, оповещающий, что машина прибыла.

– Слышите? – сказал Престо. – Это судьба зовет нас. Поспешим же навстречу нашей судьбе!

В это утро поведение и слова Престо были загадочными.

Скоро последние строения Голливуда остались позади. Гладкая дорога уходила вдаль. На горизонте синели горы. По сторонам дороги потянулись плантации. В ветвях деревьев щебетали птицы. Чистое калифорнийское небо простиралось над плодородным краем. Утренний воздух был еще свеж и наполнен запахом горьких трав. Престо и Эллен дышали всей грудью.

– Как хорошо! – восклицала Эллен и жмурилась в лучах еще низкого солнца.

– Да, давно мы с вами не видали природы, – отозвался Престо.

В его лице, в позе отражалось глубокое удовлетворение, как у человека, благополучно перенесшего тяжелую операцию.

– Помните нашу хижину на берегу Изумрудного озера? –

продолжал он мечтательно.

И, весело смеясь и споря, они начали вспоминать разные случаи.

– Ужасно строгой вы были хозяйкой, – шутил Престо. – Безжалостно изгоняли нас с Пипом, когда принимались за уборку комнаты.

– С мужчинами иначе нельзя, – отвечала Эллен. – Они не понимают, что мешают.

– С мужчинами! – рассмеялся Престо. – А кстати, какова судьба другого мужчины, подвергавшегося изгнанию?

Эллен вопросительно посмотрела на Престо.

– Да ведь вы меня вместе с Пипом изгоняли. Что с ним?

– Он в хороших руках, – ответила Эллен и, вздохнув, добавила: – Я не знала, удобно ли мне переезжать в ваш дом с собакой.

– Непременно выпишем его! – поспешно воскликнул Престо, подметив в тоне Эллен нотку грусти.

По краям дороги замелькали низкие белые каменные заборы плантаций. Апельсиновые деревья были в цвету. Словно хлопья снега, белели среди густой зелени кисти цветов. Тонкий аромат наполнял воздух.

– Смотрите, сколько флер д'оранжа заготовлено для невест! – воскликнул Престо.

В одном месте ветки свесились через забор к самой дороге.

– Стойте, Джеффри! – приказал Престо шоферу.

Машина остановилась. Престо соскочил с автомобиля, сорвал несколько веток и вернулся.

– Едем дальше.

Машина двинулась. Престо подал флер д'оранж Эллен.

– Приколите к груди. А эту кисть к прическе. Вот так. Одна невеста уже есть.

Эллен покраснела, невольно вынула из сумочки зеркальце и взглянула в него. В белом платье, с белым флер д'оранжем она в самом деле теперь была похожа на невесту.

– Не хватает только фаты! – заметил Престо, любуясь Эллен.

– Какой сват нашелся! – сказала Эллен, нахмурившись. – За кого же вы меня сватаете?

Престо посмотрел ей прямо в глаза, помолчал, наклонил голову и ответил тихо и серьезно:

– За себя.

Эллен побледнела, опустила глаза.

– Ваши шутки заходят слишком далеко, мистер, – сурово возразила она.

– Это не шутки, – продолжал Престо тихо и серьезно. – Мисс Эллен! Вы помните, что сказал я вам, когда вы согласились играть роль героини? «Ваша судьба теперь связана с моей судьбой». Почему же эту связь не сделать еще крепче? Лучшей жены мне, право, не найти.

Это было так неожиданно, что Эллен, откинувшись на спинку, казалось, потеряла сознание. Глаза ее были закрыты,

лицо еще больше побледнело. Потом губы ее задрожали, и она прошептала, не поднимая глаз:

– Я не могу быть вашей женой, мистер Престо!

– Почему?

– Потому что... Потому что вы знаменитый артист, миллионер, а я простая и бедная девушка. У бедных девушек есть свое самолюбие, мистер.

– Я знаменитый артист? Я миллионер? – воскликнул Престо и, вновь понизив голос, продолжал: – Да, я был знаменитым артистом в моем прежнем существовании. Но теперь я такой же начинающий, никому не известный артист, как и вы. Да, я был миллионером. Но в настоящее время я такой же бедняк, как и вы. Известно ли вам, что даже вилла, в которой мы живем, заложена и нас могут выселить на улицу, если я в срок не уплачу долга? Как видите, мы теперь стоим одинаково. Вы стоите даже больше меня. Потому что такая девушка, как вы, может рассчитывать на лучшую партию.

– Я никогда не смотрела на брак как на выгодную сделку, – горячо возразила она. – Я не боюсь нужды и заботы.

– Тогда в чем же дело? Я не нравлюсь вам? Вы меня не любите?

– Вы любите другую, – уклонилась Эллен от прямого ответа.

– Вы намекаете на мисс Люкс? – спросил Престо. – Правда, я увлекался ее красотой. Но когда узнал поближе, как человека, то убедился, что мы с нею совершенно разные лю-

ди... В мое последнее деловое свидание с нею я сам был поражен тем, что ее обаяние исчезло для меня. И тогда же я понял причину этого: вы вошли в мою жизнь.

На щеки Эллен возвращался румянец.

– Почему именно сейчас вы делаете мне предложение? Это так внезапно и как будто несвоевременно, если принять во внимание...

– Да, момент может показаться неподходящим. Но именно такой момент – лучшее испытание искренности и силы чувства... Вы знаете трагедию знаменитых и богатых людей. Эта трагедия заключается в том, что они никогда не уверены, отдадут ли им руку и сердце по любви или же из-за их славы и денег. Истинно любит только тот, кто не откажется от любимого и в тяжелое время, перед лицом нужды и жестокой борьбы за жизнь, как это и показано в моем фильме. Будьте же такой героиней не только на экране, но и в жизни! Это даст мне новые силы для борьбы, – заключил он с искренним чувством и осторожно положил свою руку на руку Эллен, с волнением ожидая ее ответа.

Она глубоко вздохнула, помолчала и, наконец, ответила:

– Ни в счастье, ни в несчастье я не оставлю вас, Престо... Если вы только любите меня.

– А вы? Вы любите меня?

– Я полюбила вас еще там, на берегу Изумрудного озера. Полюбила прежде, чем узнала, что вы – Антонио Престо.

Престо поцеловал ее руку и крикнул:

– Джеффри! В киностудию! На полную скорость! Мы и так, кажется, опоздали.

Статисты на авансцене

– Заедем сначала в контору к вашему дядюшке, – сказал Престо.

Барри был очень удивлен, когда увидел входящими в его кабинет Престо и Эллен, украшенную флер д'оранжем.

– Мистер Барри! – воскликнул Тонио, здороваясь со стариком. – Я пришел вам сообщить о нашей помолвке. Надеюсь, вы, как опекун мисс Эллен и ее ближайший родственник, ничего не имеете против нашего брака?

Барри хотел что-то ответить, но поперхнулся от волнения. Откашлявшись, он сказал:

– Поздравляю. Я очень рад. Но как это все неожиданно!

– Для родителей и опекунов это часто бывает неожиданно, – смеясь, ответил Престо и крепко пожал руку старого педагога. – А теперь, – продолжал он, – я вас попрошу вот о чем. Сейчас же, немедленно пошлите объявление во все газеты о предстоящем бракосочетании.

– Для чего это? – удивилась Эллен.

– Так делается всегда, – ответил Престо. – Теперь, мисс Эллен, идем в киностудию.

Войдя в большой павильон, Престо сразу заметил, что здесь творится что-то необычайное. Все помещение было полно: весь состав рабочих, декораторов, артистов был налицо. Пришли даже те, которые не участвовали в съемке эпизо-

да. Декорации отодвинуты. Возвышался только пульт управления, с которого режиссер отдает свои приказания. Настроение у всех было приподнятое. Лица оживлены и взволнованы. Все как будто чего-то ожидали.

От толпы отделился один из статистов и громким голосом сказал:

– Всему коллективу известны затруднения, которые переживает наше кинопредприятие. Рабочие, служащие, киноартисты обеспокоены этим. К сожалению, мистер Престо не обсудил совместно с нами создавшегося положения вещей. Мы бы хотели его послушать сегодня.

Тонио Престо не мог не признать этот упрек основательным. Привыкнув работать самостоятельно, он вел себя не как глава кооперативного предприятия, а как директор фирмы. Ему казалось, что если сотрудники участвуют в дивидендах, то больше ничего и не нужно. Престо открыто признал свою ошибку, объяснив ее своею неопытностью в общественных делах.

Затем статист-делегат сказал, что на митинге всех работников предприятия была принята такая резолюция: до окончания постановки картины все без исключения будут получать заработную плату в половинном размере, а если понадобится, то и меньше.

Это для Престо было большим облегчением, и он начал благодарить, но из рядов собравшихся послышались крики: «Не за что... Общее дело!.. Общие интересы. Лучше поло-

вина заработной платы, чем безработица!»

«Опять невпопад!» – с досадой на себя подумал Престо.

Вслед за этим был организован короткий митинг, на котором избрали комитет для руководства предприятием. А члены комитета избрали председателем Престо.

Кинопредприятие Престо ставилось на новые рельсы, изменяло свой характер.

Гофман хмурился и держался в стороне. Ему предлагали войти в ревизионную комиссию, но он отказался.

Когда со всем этим было покончено, рабочие взялись за работу с такой горячностью, словно шли на штурм.

Пока они наводили в павильоне порядок, нарушенный митингом, Гофман отвел Престо в сторону и сказал с озабоченным лицом:

– Я хотел вас предупредить о новой серьезной неприятности, касающейся лично вас и...

– Вы говорите о новой кампании, поднятой вечерними газетами?

– Я имею в виду и сегодняшние утренние статьи. Они дошли до еще большего бесстыдства...

– Да, а я ведь забыл сообщить моим товарищам по работе одну новость! – воскликнул Престо, как будто забыв о газетах, и направился к Эллен.

Гофман недоумевал. Ему казалось странным, что Престо придал так мало значения новой газетной кампании и, вместо того чтобы обсудить этот вопрос с ним, бежит сообщать

какую-то новость.

А Престо, подойдя к Эллен и взяв ее за руку, громко сказал:

– Алло! Прекратите на минуту работу!

Наступила выжидательная тишина.

– Я забыл, дорогие товарищи, поделиться с вами моею радостью. Мисс Эллен Кей оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

Эллен смутилась и подумала:

«Ну зачем он придает нашей помолвке такую широкую огласку? Будто торопится весь мир оповестить об этом».

Послышались приветственные крики и дружные аплодисменты. Все бросились поздравлять Престо и Эллен. У Престо, как у президента на традиционном приеме в Белом доме, от рукопожатий заболела даже рука.

Артистки, которых уже давно привлекал флер д'оранж Эллен, окружили ее плотным кольцом. Наблюдательная Эллен обратила внимание на то, что некоторые артистки смотрели на нее как будто с сожалением, в иных глазах сквозила скрытая усмешка, а в улыбках оскорбляющая двусмысленность.

«Почему они на меня так смотрят? – думала она, испытывая смущение и тревогу. – Быть может, в них говорит скрытая зависть», – успокоила себя Эллен.

Декорации были поставлены на место, съемка началась. Никогда еще артисты не играли с таким подъемом. Сам Пре-

сто и Эллиен превзошли себя.

Гофман вертел ручкой, испытывая необычайное волнение. Если фильм пойдет до конца на такой художественной высоте, то это будет мировой шедевр, и Гофман получит свою долю славы. Победителей не судят.

– Баста! – крикнул Престо, когда треск аппарата прекратился. – Мы сегодня, кажется, хорошо поработали. Ни одного кадра не пришлось переснимать.

Неожиданный удар

Вернувшись из киностудии, Эллен прошла в свою комнату. Она устала от работы и переживаний сегодняшнего дня. Ей хотелось разобраться во всем, что произошло. Эллен бережно поставила ветки флер д'оранжа в вазочку, прикоснулась губами к белым ароматным цветам и опустилась в глубокое кресло.

Не удивительна ли жизнь? словно затейливый кинофильм «с неожиданными сюжетными поворотами», как говорит Престо. Спокойные видовые кадры Изумрудного озера. Тишина, нарушаемая только отдаленным шумом гейзеров, их вечно повторяющийся, однообразный ритм отмечает течение дней, недель, месяцев, похожих друг на друга...

И вдруг будто обезумевший киномеханик бешено завертел ручку проекционного киноаппарата...

Путешествие, мелькание станций, городов, новые впечатления, новые люди... Вилла Престо... И вот она – простушка Эллен Кей – киноартистка, а Тонио Престо – ее жених.

Ей радостно и немного жутко... Как странно смотрели на нее в студии киноартистки. Неужели они все такие завистливые? И пусть завидуют! Эллен наполняет чувство гордости. Она победила этих разряженных кукол!.. Жаль только, что у Тонио столько неприятностей и огорчений. Почему люди так злы? Что им сделал Тонио?

Но это пройдет. Все устроится. И она будет счастлива с Тонио. У них будут дети. Без детей не полна жизнь. Если родится мальчик, она назовет его Тонио. Если девочка...

Эллен поворачивает голову, как бы ища ответа, видит возле кресла столик и на нем несколько писем.

Это удивило ее. До сих пор она ни от кого не получала писем, а тут сразу несколько. Поздравительные? Но не могло же это быть так скоро...

Эллен разорвала первый конверт. Там лежала сложенная в несколько раз газетная вырезка. Эллен начала читать и вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Статья была о Престо и о ней.

«Некогда всемирно известный киноартист, – говорилось в статье, – составивший карьеру не столько сомнительным талантом, сколько своим исключительным уродством, никогда не отличался нравственностью. Газета имеет самые достоверные сведения о грязных оргиях, которые устраивал этот отвратительный урод в своей вилле. Его моральное уродство уже тогда превосходило безмерное физическое уродство...»

Далее вспоминалась темная история с мисс Люкс, к миллионам которой подбирался ловкий проходимец, не знающий чести и совести.

«Только беспримерная доброта мисс Люкс избавила его от пожизненного тюремного заключения, – говорилось в статье, – а может быть, и электрического стула, давно вполне заслуженного этой аморальной личностью, этим чудовищем

разврата...

Его преступления уже не вмещались в карликовом уродливом теле. Подозрительные «ученые», применяющие не разрешенные законом методы лечения, превратили маленького урода в большого негодяя. Пропорционально возросли и его преступные «художества». «Новый Престо» уже не удовлетворяется тайными преступлениями. Развращенный до мозга костей, он бросает открытый вызов морали, общественному мнению, издеваясь над нашими добрыми американскими нравами. Он топчет их ногами, оскорбляет самые святые чувства, позорит нашу страну».

«Он разыскал где-то девушку – да будет ее имя известно всем: некую Эллен Кей, – очевидно, столь же безнравственную, как он сам, или же дурочку, не умеющую в области морали отличить правую руку от левой. Незаконная дочь сторожа Йолстоунского парка, очевидно, польстилась на мифические миллионы Антонио Престо. Напечатанные фотографии – Эллен Кей у открытого окна, со шваброй в руке, и Престо возле того же дома – не оставляют сомнения в правдоподобии всей этой истории. И вот Престо открыто поселяет ее в своем доме. Он...»

Но дальше Эллен не могла читать. Ее реакция была более бурная и острая, чем у Тонио. Эллен сорвалась с кресла и, словно перенесенная вихрем, уже стояла перед Престо, влетев в его кабинет без предупреждения.

Судьба фильма решается

Взглянув на Эллен, Престо понял, что она знает все. Этого надо было ожидать. Рано или поздно она узнала бы...

– Нашей свадьбе не бывать, и я сейчас же уезжаю из вашего дома! – воскликнула она, почти с гневом глядя на него.

Престо поднялся и стоял молча. Он понимал, что надо дать вылиться этой вспышке негодования.

– Вы обманули меня! Не любовь заставила вас сделать мне предложение. Вами руководили самые благородные, самые рыцарские чувства. Я понимаю это и благодарю. Но не могу принять этой жертвы. Вы только пожалели меня, а я... я поверила в вашу любовь...

Голос девушки прерывался, ноги не держали ее. В отчаянии она почти упала в кресло и, закрыв лицо руками, зарыдала, как рыдают глубоко и незаслуженно обиженные дети.

Престо смотрел на нее с глубокой печалью, но все еще молчал. Пусть облегчит себя слезами. И только когда рыдания ее стали утихать, он подал ей стакан воды.

– Выпейте и успокойтесь, – сказал он нежно, но в то же время строго, как ребенку, которым она по своей натуре и была.

Зубы стучали о стекло стакана, вода проливалась на ковер, но она отпила несколько глотков и успокоилась. Тогда Престо сказал:

– Вы глубоко оскорбили меня, мисс Эллен!

Тонио достиг цели: она ждала с его стороны оправданий, защиты, а он сам перешел в наступление, обвинял ее. Эта неожиданность заставила ее сосредоточиться. Теперь она была способна слушать и понимать, что ей говорят.

– Я? Вас? – спросила, недоумевая, девушка и перестала даже плакать. Она продолжала только всхлипывать.

– Да, вы меня глубоко оскорбили, – повторил Престо.

Он вынул из верхнего бокового кармана шелковый синий платок с белыми горошинками и вытер ей глаза. Эта вольность тоже поразила ее, и она не знала, как на нее ответить. А Престо продолжал:

– Не будем больше плакать. Слезами не помочь. Поговорим серьезно. Вы оскорбили меня тем, что усомнились в моей любви к вам. Я не чудовищный преступник, каким изображают меня газеты, но уж и не такой рыцарь, как вы себе представляете. Я горячо воспринимаю всякую несправедливость, но, поверьте мне, не поспешил бы делать предложение первой обиженной, если бы в этой обиде был даже сам косвенно виноват. Признаюсь, не будь этих омерзительных газетных статей, я сделал бы вам предложение не сегодня, а завтра, быть может, послезавтра. Но я сделал бы его. Газеты только дали толчок, заставили меня самого понять острее и глубже, как я люблю вас, как дороги мне ваши интересы и ваша честь. Ведь поймите, если бы даже вы сейчас ушли из моего дома, это ничего уже не изменило бы. Ваша репутация

все равно осталась бы запятнанной. Могу ли я допустить это, любя вас? Ваш уход только подлил бы масла в огонь, дал новую пищу для грязной клеветы и очень сильное доказательство правоты врагов, а моей виновности. Нет, на удар этих бесчестных и бессовестных людей, которые не пощадили даже вас, не остановились перед вторжением в частную жизнь, оскорбили честь девушки, можно было ответить только таким ударом, каким отвечаем мы. Наш брак сразу выбьет оружие из их рук, заткнет им рот, и кампания клеветы прекратится. Вот почему я и спешил не только с предложением, но и с широкой оглаской, которая так удивила вас. Вам все станет ясным, – продолжал он, передохнув, – если вы подумаете о причинах, которые создали всю эту гнусную газетную кампанию. Ведь это только одно звено цепи их борьбы со мною. Им надо во что бы то ни стало погубить мое дело. Они боятся не только конкуренции. Их пугает то, что это первый шаг к объединению киноработников в их борьбе с предпринимателями. Их пугает и то новое лицо в моем творчестве, которое им уже известно, – вскрывать социальные язвы нашего строя. Вот почему они так яростно ополчились на меня. Сначала они хотели уничтожить меня, доведя до разорения прежде, чем первая картина увидит свет. Это почти удалось им, но я нашел поддержку в моих товарищах по работе. Попутно враги все время клеветали на меня. И вот теперь решили нанести новый коварный удар: последней клеветой поссорить, разлучить нас с вами, раздавить морально, причи-

нить психическую травму и тем самым вывести из строя двух главных действующих лиц фильма – вас и меня. И фильм, рассчитывали они, не будет окончен, если бы даже у меня хватило денег. И чем острее вы будете воспринимать удар, тем скорее они достигнут цели, тем больше будут торжествовать. Неужели мы сделаем им такое удовольствие? Пережить это, конечно, нелегко. Мне самому кажется, что за несколько часов я постарел на двадцать лет. Но я креплюсь и сегодня как будто играл даже лучше обычного, хотя уже знал о газетных статьях еще вчера и носил эту тяжесть в груди. И еще одно. От окончания фильма зависит судьба не только нас с вами, но и товарищей по работе, готовых отказаться даже от заработка, только бы спасти дело. Общественные организации приходят нам на помощь. Неужели же у нас не хватит сил, и мы уступим? Неужели именно теперь вы покинете меня и возьмете обратно свое слово?.. Судьба фильма, судьба всего предприятия в ваших руках.

Эллен уже не плакала. Но лицо ее выражало страдание. Она колебалась. Престо с волнением наблюдал за нею, ожидая ответа. Наконец она сказала:

– Мне очень трудно, но я постараюсь закончить картину.

– И стать моей женой? – быстро спросил Престо.

– На этот вопрос сейчас ответить еще труднее... Не торопите меня, Престо. Дайте мне подумать.

– Хорошо. Я подожду. Работа над фильмом успокоит вас, и тогда мы займемся нашими личными делами. Не так ли?

И, успокоенный, уверенный, что все кончится благополучно, он поцеловал ее руку.

Триумф

Объявления о предстоящем браке мисс Эллен Кей с мистером Антонио Престо сделали свое дело. Газетная кампания клеветы и инсинуаций затихла. Но следы ее остались. Престо видел, как глубоко страдает Эллен. Играя роль героини, она собирала все свои силы, чтобы сосредоточиться, но ее внимание, видимо, раздваивалось. Чего не бывало с самого начала постановки фильма – некоторые кадры приходилось переснимать. К счастью, конец сценария был полон трагических переживаний героя и героини. Престо и Эллен могли вкладывать в исполнение личные глубокие переживания. И некоторые сцены проходили с потрясающей силой жизненной правды. Даже Гофман, привыкший ко всему, чувствовал необычное волнение и нервную дрожь в руке, вертевшей ручку киноаппарата. Игра Эллен временами поднималась до вспышек подлинной гениальности. После окончания съемки таких сцен в ателье наступала необычайная тишина. Все были потрясены, подавлены исполнением. На глазах женщин и даже мужчин блестели слезы. Однажды рыжий, дюжий шотландец-плотник, сам немало переживший в жизни, неожиданно шумно захлипал носом, и по его белому с веснушками лицу покатались крупные слезы. Он сам был удивлен этим и смущен. Никогда в жизни он не плакал над собственными несчастьями, а тут не выдержал. Но разве миллионы таких

же простых людей не переживали подобного? Гофман больше не сомневался в том, что это будет один из тех мировых фильмов, которые везде и всюду потрясают сердца и исторгают слезы. «Быть может, Престо и прав, избрав этот новый путь», – думал Гофман.

А Престо, окончив съемку, с головой уходил в хозяйственные дела. Теперь ему помогали комитет и правление официально открытого кооперативного товарищества. Начатое им дело было подхвачено другими. Это вначале несколько смущало его, подчас вызывало и неудовольствие – он уже больше не являлся единоличным вершителем судеб предприятия. Для него нелегко было освоиться с новым положением вещей, но отступать было поздно – другого выхода не было.

Скоро выяснилось, что отказ коллектива от части заработной платы еще не спасает положения. Денег по-прежнему не хватало. Комитет и правление обратились к профессиональным организациям и организациям народного фронта. Предприятие приобретало, к неудовольствию Гофмана, все более широкий общественный характер, становилось все более «левым», все более «красным». И борьба обострялась. Газеты писали о финансовом крахе престовского предприятия, потом о том, что оно захвачено «жидомасонами», либералами, коммунистами, что Престо «проданся красным» и стал игрушкой в их руках. О фильме писались самые невероятные выдумки. Уверяли, что он потрясает все основы политики и морали, цивилизации и религии и чуть ли не угрожает

самому существованию Штатов. Собирались голоса, требовавшие запрещения фильма.

В довершение неприятностей Эллен явно избегала Престо. Они виделись только в студии. Под разными предлогами Эллен отказывалась возвращаться домой с Престо в одном автомобиле, дома тотчас запиралась в своей комнате.

В таких условиях приходилось работать и заканчивать фильм. И все же он был закончен.

Начались демонстрации фильма на экранах престовских кинотеатров. Успех превзошел все ожидания. Публика валила валом. Игра нового Престо возбуждала такой смех, которому мог бы позавидовать и уродец Престо. Но в этом смехе было что-то новое. Это уже не был животный, физиологический смех. Скорее его можно было назвать смехом сквозь слезы.

Особенное впечатление на зрителей произвели сцены, в которых участвовала никому не известная артистка Эллен Кей. Зрители, наполнявшие зал, почувствовали необычайную простоту и искренность игры Эллен. И поэтому восторгам публики не было конца. Какая-то пожилая женщина с большими красными руками, глядя, как управляется Эллен с бельем, громко воскликнула:

– Сразу видно, что эта артистка умеет стирать! И откуда они такую выкопали? Ишь, как орудует!

В ее устах это была высшая похвала.

Подлинное искусство понятно всем. Мнение старой ра-

ботницы совпадало с мнением нескольких виднейших критиков, которые явились посмотреть новый фильм.

– Поразительно! – сказал один из них своему собрату по перу. – Откуда Престо взял такую артистку? Поверьте мне, она затмит собою самые яркие звезды кинематографии.

Престо, Эллен и Гофман сидели в отдельной ложе, внимательно наблюдая, какое впечатление производит картина на зрителей. В тех местах, когда зал дрожал от смеха или слышались всхлипывания женщин, расчувствованных игрою Эллен, они невольно сами поглядывали на экран.

– Вот видите, – говорил Престо, обращаясь к Эллен. – А вы еще боялись, что испортите картину.

Гофман курил сигару за сигарой, одобрительно покряхтывая.

Необычайный успех сделал свое дело. Барыш есть барыш, а «деньги не пахнут», каково бы ни было их происхождение, – так смотрели на вещи еще коммерсанты Древнего Рима, которые пустили в оборот эту пословицу. Многие предприниматели не устояли перед барышами, которые давал новый фильм, и начали брать его в прокат. Фронт был прорван. За отдельными предпринимателями потянулись компании, а следом за ними и крупные концерны. Фильм начал свое победоносное шествие по Америке и Европе.

Даже газеты враждебного лагеря не могли не признать высоких достоинств сценария, музыки, кстати сказать, написанной самим Престо, и мастерства исполнения. Новый Пре-

сто и Эллиен сразу взошли на небосклон мировой кинематографии как звезды первой величины. Но и остальные участники, почти все молодежь, изумили своей игрой, что составляло бесспорную заслугу режиссерского дарования Престо.

Питч рвал и метал в бессильной злобе.

«Надо было озолотить этого ловкача Престо, но не выпускать его из рук. Кто знал?..»

Люкс меланхолически думала:

«Я, кажется, сделала большую глупость, оттолкнув Престо. Но кто же мог подумать?..»

Это та...

Однажды Эллен в обществе Престо, Гофмана и двух киноартисток подъехала к фешенебельному кинотеатру. Исполнителей престовского кинофильма интересовало, как на него реагирует аристократическая публика. Престо с большим трудом удалось уговорить Эллен поехать с ним.

В автомобиле Тонио, пользуясь тем, что киноартистки были заняты оживленным разговором с Гофманом, тихо спросил Эллен:

– Когда же вы дадите мне ответ, Эллен?

Она догадалась, о чем ее спрашивает Престо, но ничего не ответила, только губы ее дрогнули.

Сходя с автомобиля, Эллен увидела двух дам в дорогих манто. Они с острым любопытством смотрели на нее.

– Смотрите! Это та, о которой писали газеты! Новоявленная звезда экрана и amante (любовница) Престо, – довольно громко сказала остроносая дама.

– Да, это она! – подтвердила полная. И они бесцеремонно проводили Эллен взглядами.

Эллен смертельно побледнела, словно ей публично нанесли пощечину.

Весь киносеанс она просидела неподвижно в глубине ложи, даже не взглянув на экран. Напрасно Престо пытался вывести ее из задумчивости. Поведение Эллен уже начинало

беспокоить его.

Зрительный зал бурно аплодировал, словно на экране были живые артисты.

«Неужели даже этот ошеломляющий успех не трогает ее?» – с тревогой думал Престо.

Не проронив ни слова, Эллен вернулась домой и тотчас заперлась в своей комнате. Больше она не могла сдерживаться и дала волю слезам.

В дверь постучались.

«Престо, – подумала Эллен. – Как не вовремя. Бедный! Он ждет ответа. Но что я могу ему сказать?..»

Она вытерла слезы платком и открыла дверь.

Перед нею стояла компаньонка, миссис Ирвин.

– Простите, мисс, но я не задержу вас, – сказала она, глядя в покрасневшие от слез глаза Эллен. Не ожидая приглашения, она уселась в кресло и сказала: – Вы плакали, мисс. Я это вижу по вашим глазам.

– Я и не скрываю, – ответила Эллен.

– Да, вам есть о чем поплакать. За необдуманные поступки, за легкомысленное поведение всегда приходится расплачиваться слезами, – нравоучительно заметила миссис Ирвин.

– За какие необдуманные поступки, какое легкомысленное поведение? – спросила Эллен, чувствуя, как кровь заливает ее щеки, лицо.

Миссис Ирвин насмешливо смотрела на нее.

– Будет вам, – строго сказала она. – Передо мной вам нечего изображать овечку и угнетенную невинность. Вы прекрасно знаете, о чем идет речь.

– Уверяю вас, что не знаю.

– Будто бы? – с улыбкой спросила миссис Ирвин. – Вы одна не знаете того, о чем пишут все газеты, кричат и говорят на всех перекрестках во всех штатах Северной и Южной Америки?

– Неужели вы верите этой клевете? – с негодованием воскликнула Элен.

Миссис Ирвин пожала плечами.

– Почему же обо мне ничего подобного не пишут? Нет дыма без огня. Но дело касается сейчас не вас, а меня. Мистер Престо обманул меня, ввел в крайне невыгодную для меня сделку, пригласив в ваши компаньонки, а по существу – чтобы прикрывать моим присутствием разврат.

– Вы забываетесь, миссис Ирвин! Разговор в таком тоне не может продолжаться!

– Успокойтесь. Он скоро кончится, – строго сказала миссис Ирвин. – Поверьте, что мне самой говорить с такой особой, как вы, не доставляет ни малейшего удовольствия. Я не содержанка. Я бедная, но честная женщина. Честь, доброе имя – весь мой капитал, все мое состояние. А я могу потерять его, оставаясь в этом доме... я вынуждена покинуть вас.

– И чем скорее вы это сделаете, тем лучше, – сказала Элен, чувствуя, что еще минута – и она не сможет сдержать

себя.

– Об этом не беспокойтесь. Я уже приказала собрать мои вещи и подать автомобиль.

Гордо поднявшись, не протянув руки, даже больше не взглянув на Эллен, миссис Ирвин величественно выплыла из комнаты.

Эллен почти без чувств упала на кушетку.

Последний удар

Все в порядке. Картина имеет успех. Предприятие спасено. Теперь осталось одно: покончить с одиночеством холостяка.

Престо в приподнятом настроении ходил по кабинету. Он ждал Эллен, которая должна была дать ему ответ: будет ли она его женой.

Эллен опаздывала, в нетерпении он все ускорял шаги.

Но вот, наконец, в дверь постучались. Престо бросился открывать, с намерением без слов заключить в объятия свою невесту. Широко распахнул двери и увидел перед собою мистера Барри – дядюшку Эллен.

Старик был застегнут на все пуговицы и имел озабоченный и даже печальный вид.

– Мистер Барри! – воскликнул Престо, не будучи в силах скрыть свое разочарование. – Рад вас видеть. Здравствуйте. Но, признаться, я ожидал встретить мисс Кей. Надеюсь, с нею все благополучно?

– Она здорова, – ответил Барри. – Но... Эллен просила меня переговорить с вами.

У Престо сразу упало настроение.

– Прошу садиться, – сказал он осекшимся голосом. – Почему же она не могла сама переговорить со мною?

Они сели.

– Это для нее было бы трудно... Тяжело... ведь она любит вас, мистер.

– Она отказывается быть моей женой? – быстро спросил Престо.

– Да, к величайшему сожалению.

– Но, боже мой! Почему? Какая причина?

– Я полагаю, что вы сами знаете ее не хуже меня.

– Мерзкая клевета в газете. Но ведь это же дело конченное, – горячился Престо.

– Это дело не может быть конченным, мистер Престо. Вы знаете пословицу: бросай грязью, что-нибудь да останется.

– Ничего не останется. Брак – лучший способ смыть эту грязь. И стоит ли обращать внимание?

– Выслушайте меня, мистер Престо. Поверьте мне, что я сам глубоко опечален тем, что ваш брак расстраивается. Но я вполне согласен с Эллен. Этого не должно быть.

– Но зачем же тогда... до сих пор она ничем не дала понять, что ее ответ будет отрицательный.

– Она щадила вас и заботилась о судьбе картины, не хотела вас расстраивать, пока не будет снят последний кадр. Ведь и вы хотели скрыть от нее клевету в газетах...

– Быть может, у нее снова возникли сомнения в том, по любви ли я женюсь на ней или же только из благородного побуждения...

– Она верит в вашу любовь так же, как и я, и не сомневается, что вы ее искренно любите. Но послушайте, что она го-

ворит: «О клевете знает вся страна. И меня теперь знает вся страна как новоявленную кинозвезду. И чем больше будет моя известность, чем выше пьедестал, тем большее количество людей будет указывать на меня пальцами, двусмысленно подмигивать глазами, говорить: это, знаете, та самая...» Разве мало людей покрывали браком незаконную связь, но пятно все же оставалось?

– Но ведь наши отношения были совершенно чисты!

– Не сомневаюсь в этом ни на одну минуту, – возразил Барри. – Но в этом-то и заключается весь ужас клеветы: каждый волен ей верить и не верить.

Престо схватился за голову и воскликнул:

– От этого с ума можно сойти! Неужели она решила отказаться и от артистической карьеры? Ведь она сразу получила то, о чем тщетно мечтают миллионы людей...

– Славу, деньги – хотите вы сказать? – перебил Барри. – Честь человека дороже славы и денег. По крайней мере, мы с Эллен так думаем.

– Я так же думаю, – с некоторым неудовольствием ответил Престо. – Но это потеря для искусства, для людей.

– Вы сами как-то рассказывали мне, как какая-то психопатка просила вас сохранить ваше безобразие, вашу незаживающую рану, для искусства и людей. И вы вполне разумно тогда ответили ей, что такое требование нелепо и эгоистично.

Престо сознавал правдивость этих доводов. Он был по-

давлен и обезоружен.

Они печально глядели друг на друга. Наконец Престо сказал:

– Что же вы думаете с нею делать?

– Уйти в неизвестность, уйти туда, где нас никто не знает, и жить скромной и незаметной жизнью... И еще она просила вам передать, что искренно желает вам счастья и никогда не забудет вас... Я не сомневаюсь, что она никого больше не полюбит, это не такая девушка. Но ее жизнь разбита. – Барри поднялся и протянул Престо дрожавшую от волнения руку. – Благодарю вас, мистер Престо, за все, и прощайте.

– Но разве я не могу видеть ее, проститься с нею? – воскликнул Престо.

– Для нее это было бы слишком тяжело. Она уже уехала из дома.

И Барри, нетвердой походкой глубоко страдающего человека, вышел из комнаты.

Престо опустился на стул и сжал голову руками.

Вошел Себастьян, повздыхал, потоптался возле двери и сказал:

– Мисс Кей уехала, а мистер Барри заказал автомобиль.

– Я знаю, Себастьян, – ответил Престо, не отнимая рук от головы.

Себастьян не уходил, он вздыхал возле двери.

– Я знаю также, о чем ты хочешь спросить меня, – сказал Престо. – Мисс Эллен и мистер Барри уехали совсем. Сва-

дъбы не будет. Мы опять остались с тобой вдвоем, старина.

В комнате на время настала тягучая и томительная тишина. Потом, как бы забыв о присутствии Себастьяна, Престо сказал себе вслух:

– Впрочем, нет. Теперь я не один. Правда, враги нанесли очень тяжелый удар. Ну, что ж, этим самым они только помогли мне еще яснее определить свой путь. Теперь меня уже никто не собьет – буду мстить и бороться до последнего издыхания.

Себастьян со страхом и уважением смотрел на пылающее лицо Тонио, полное решимости и гнева.